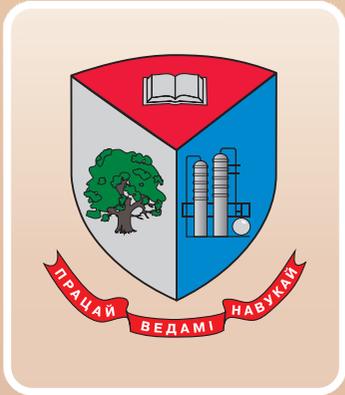

ISSN 2520-6885

ТРУДЫ БГТУ

Научный журнал

Серия 6

ИСТОРИЯ, ФИЛОСОФИЯ

№ 2 (251) 2021 ГОД

Рубрики номера:

История

Философия

Минск 2021

Учреждение образования
«Белорусский государственный
технологический университет»

ТРУДЫ БГТУ

Научный журнал

Издается с июля 1993 года

Серия 6

**ИСТОРИЯ,
ФИЛОСОФИЯ**

№ 2 (251) 2021 год

Выходит два раза в год

Минск 2021

Учредитель – учреждение образования «Белорусский государственный технологический университет»

Главный редактор журнала – Войтов Игорь Витальевич, доктор технических наук, профессор, Республика Беларусь

Редакционная коллегия журнала:

Шетько С. В., кандидат технических наук, доцент (заместитель главного редактора), Республика Беларусь;
Жарский И. М., кандидат химических наук, профессор (заместитель главного редактора), Республика Беларусь;
Черная Н. В., доктор технических наук, профессор, Республика Беларусь;
Прокопчук Н. Р., член-корреспондент НАН Беларуси, доктор химических наук, профессор, Республика Беларусь;
Водопьянов П. А., член-корреспондент НАН Беларуси, доктор философских наук, профессор, Республика Беларусь;
Новикова И. В., доктор экономических наук, профессор, Республика Беларусь;
Наркевич И. И., доктор физико-математических наук, профессор, Республика Беларусь;
Куликович В. И., кандидат филологических наук, доцент, Республика Беларусь;
Торчик В. И., доктор биологических наук, Республика Беларусь;
Барчик Стэфан, доктор наук, профессор, Словацкая Республика;
Жантасов К. Т., доктор технических наук, профессор, Республика Казахстан;
Харша Ратнавир, доктор наук, профессор, Королевство Норвегия;
Пайвинен Ристо, доктор наук, профессор, Финляндская Республика;
Шкляр Б. Ш., профессор, Государство Израиль;
Кох Барбара, доктор наук, профессор, Федеративная Республика Германия;
Лакида П. И., доктор сельскохозяйственных наук, профессор, Украина;
Головкин М. Ф., член-корреспондент НАН Украины, доктор физико-математических наук, профессор, Украина;
Бир Петр, доктор технических наук, профессор, Республика Польша;
Савельев А. Г., кандидат технических наук, профессор, Латвийская Республика;
Агриракис Панос, доктор наук, Греческая Республика;
Горинштейн Ш., доктор наук, профессор, Государство Израиль;
Эркаев А. У., доктор технических наук, профессор, Республика Узбекистан;
Башкиров В. Н., доктор технических наук, профессор, Российская Федерация;
Каклаускас А., доктор экономических наук, профессор, Литовская Республика;
Каухова И. Е., доктор фармацевтических наук, профессор, Российская Федерация;
Хассель Л. Г., доктор наук, профессор, Королевство Швеция;
Флорик Е. А., кандидат биологических наук, доцент (секретарь), Республика Беларусь.

Редакционная коллегия серии:

Водопьянов П. А., член-корреспондент НАН Беларуси, доктор философских наук, профессор (главный редактор серии), Республика Беларусь;
Новик Е. К., доктор исторических наук, профессор (заместитель главного редактора серии), Республика Беларусь;
Короткая Т. П., доктор философских наук, профессор, Республика Беларусь;
Решетников С. В., доктор политических наук, профессор, Республика Беларусь;
Черота И. А., доктор филологических наук, профессор, Республика Беларусь;
Пунченко О. П., доктор философских наук, профессор, Украина;
Шалаев В. П., доктор философских наук, профессор, Российская Федерация;
Сидоренко И. Н., доктор философских наук, доцент, Республика Беларусь;
Снапковская С. В., доктор педагогических наук, доктор исторических наук, профессор, Республика Беларусь;
Острога В. М., кандидат исторических наук, доцент (ответственный секретарь серии), Республика Беларусь.

Адрес редакции: ул. Свердлова, 13а, 220006, г. Минск.

Телефоны: главного редактора журнала – (+375 17) 343-94-32;

главного редактора серии – (+375 17) 282-41-95.

E-mail: root@belstu.by, <http://www.belstu.by>

Свидетельство о государственной регистрации средств массовой информации

№ 1329 от 23.04.2010, выданное Министерством информации Республики Беларусь.

Журнал включен в «Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований»

Educational institution
“Belarusian State Technological University”

PROCEEDINGS OF BSTU

Scientific Journal

Published monthly since July 1993

Issue 6

**HISTORY,
PHILOSOPHY**

No. 2 (251) 2021

Published biannually

Minsk 2021

Publisher – educational institution “Belarusian State Technological University”

Editor-in-chief – Voitau Ihar Vital’evich, DSc (Engineering), Professor, Republic of Belarus

Editorial (Journal):

Shet’ko S. V., PhD (Engineering), Associate Professor (deputy editor-in-chief), Republic of Belarus;
Zharskiy I. M., PhD (Chemistry), Professor (deputy editor-in-chief), Republic of Belarus;
Chernaya N. V., DSc (Engineering), Professor, Republic of Belarus;
Prokopchuk N. R., Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, DSc (Chemistry), Professor, Republic of Belarus;
Vodop’yanov P. A., Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, DSc (Philosophy), Professor, Republic of Belarus;
Novikova I. V., DSc (Economics), Professor, Republic of Belarus;
Narkevich I. I., DSc (Physics and Mathematics), Professor, Republic of Belarus;
Kulikovich V. I., PhD (Philology), Associate Professor, Republic of Belarus;
Torchik V. I., DSc (Biology), Republic of Belarus;
Barčík Štefan, DSc, Professor, Slovak Republic;
Zhantasov K. T., DSc (Engineering), Professor, Republic of Kazakhstan;
Harsha Ratnaweera, DSc, Professor, Kingdom of Norway;
Paivinen Risto, DSc, Professor, Republic of Finland;
Shklyar B. Sh., Professor, State of Israel;
Koch Barbara, DSc, Professor, Federal Republic of Germany;
Lakida P. I., DSc (Agriculture), Professor, Ukraine;
Golovko M. F., Corresponding member of the National Academy of Sciences of Ukraine, DSc (Physics and Mathematics), Professor, Ukraine;
Beer Piotr, DSc (Engineering), Professor, Republic of Poland;
Savel’yev A. G., PhD (Engineering), Professor, Republic of Latvia;
Agryrakis Panos, DSc, Professor, Republic of Greece;
Gorinsteyn Sh., DSc, Professor, State of Israel;
Erkayev A. U., DSc (Engineering), Professor, Republic of Uzbekistan;
Bashkirov V. N., DSc (Engineering), Professor, Russian Federation;
Kaklauskas A., DSc (Economics), Professor, Republic of Lithuania;
Kaukhova I. E., DSc (Pharmaceutics), Professor, Russian Federation;
Hassel L. G., DSc, Professor, Kingdom of Sweden;
Flyurik E. A., PhD (Biology), Associate Professor (secretary), Republic of Belarus.

Editorial (Issue):

Vodop’yanov P. A., Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, DSc (Philosophy), Professor (managing editor), Republic of Belarus;
Novik E. K., DSc (History), Professor (sub-editor), Republic of Belarus;
Korotkaya T. P., DSc (Philosophy), Professor, Republic of Belarus;
Reshetnikov S. V., DSc (Politics), Professor, Republic of Belarus;
Cherota I. A., DSc (Philology), Professor, Republic of Belarus;
Punchenko O. P., DSc (Philosophy), Professor, Ukraine;
Shalaev V. P., DSc (Philosophy), Professor, Russian Federation;
Sidorenko I. N., DSc (Philosophy), Associate Professor, Republic of Belarus;
Snapkovskaya S. V., DSc (Pedagogics), DSc (History), Professor, Republic of Belarus;
Ostroga V. M., PhD (History), Associate Professor (executive editor), Republic of Belarus.

Contact: 13a, Sverdlova str., 220006, Minsk.
Telephones: editor-in-chief (+375 17) 343-94-32;
managing editor (+375 17) 282-41-95.
E-mail: root@belstu.by, <http://www.belstu.by>

ИСТОРИЯ

HISTORY

УДК 973:2

П. Г. Космач

Белорусский государственный университет

РЕЛИГИОЗНЫЙ КОМПОНЕНТ ДУХОВНО-ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ «ВЕКА РАЗУМА»

В статье анализируются важнейшие аспекты духовно-интеллектуальной культуры эпохи Просвещения. Подчеркивается сложность и многообразие влияния религии на «Век Разума». Рассматриваются интеллектуальные тенденции, связанные с укоренением веротерпимости. Показан широкий диапазон восприятия религиозных феноменов со стороны мыслителей ведущих стран Запада. Констатируется постепенная трансформация христианства эпохи Просвещения, обусловленная рационализацией теологии и общим стремлением к гуманизации общественных отношений. Сделан вывод, что религиозная сфера не только адаптировалась к переменам XVIII в., но и во многом являлась их источником. Однако сами формы влияния религиозного фактора «Века Разума» значительно отличались от тех, которые имели место в истории стран Западной Европы XVI–XVII вв.

Ключевые слова: религия, веротерпимость, наука, эпоха Просвещения, христианство.

Для цитирования: Космач П. Г. Религиозный компонент духовно-интеллектуальной культуры «Века Разума» // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2021. № 2 (251). С. 5–8.

P. G. Kosmach

Belarusian State University

RELIGIOUS ELEMENT OF THE SPIRITUAL AND INTELLECTUAL CULTURE IN THE AGE OF REASON

The article analyzes the main aspects of the spiritual and intellectual culture of the Enlightenment. The complexity and diversity of religion's influence in the history of the 18th century is emphasized. The intellectual tendencies associated with the development of tolerance are considered. A wide range of perception and understanding of religious phenomena by the enlighteners of the main countries of West is shown. The gradual transformation of Christianity in the Age of Reason, associated by the rationalization of theology and the general desire to humanize social relations, is stated. The conclusion underlines that the religious sphere not only adapted to the changes of the 18th century, but in many respects was their source. At the same time, the very forms of influence of the religious factor in the Age of Reason were significantly different from those that took place in the history of the Western countries of the 16th–17th centuries.

Key words: religion, religious tolerance, science, Enlightenment, Christianity.

For citation: Kosmach P. G. Religious element of the spiritual and intellectual culture in the Age of Reason. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy, 2021, no. 2 (251), pp. 5–8 (In Russian).*

Введение. В истории человечества эпоха Просвещения занимает особое место. Восемнадцатый век ознаменовался судьбоносными изменениями, связанными как с началом промышленного переворота в Великобритании, так и с событиями Американской и Французской революций. В силу своего значения эпоха Просвещения всегда привлекала внимание, выхо-

дящее далеко за рамки исторической науки [1, с. 3]. Ведь многие идеи, связанные с духовно-интеллектуальной культурой XVIII в., оказали значительное влияние на дальнейшее развитие истории Нового и Новейшего времени. Именно в «Век Разума» формировались истоки современности, связанные с переосмыслением места и роли человека, общества, государства. Не стала исключением и религия.

Основная часть. Механистическая картина мира, разделявшаяся большинством просветителей XVIII в., включала определенные представления о Творце, создавшем Вселенную и ее законы. Выдающиеся ученые, завершавшие создание фундамента новоевропейского естествознания, И. Ньютон (1642–1727) и Г. Лейбниц (1646–1716) активно разрабатывали различные проблемы теологии. Механистическое понимание природы органично соединилось с представлениями о мудрости Творца в творчестве ученика Г. Лейбница Х. Вольфа (1679–1754), яркого представителя раннего Просвещения. Активно распространяется не только деизм, приверженцы которого ограничивали вмешательство Бога в дела мира, но и оппонирование ему со стороны ученых [2, с. 495–496].

Особую роль в общественно-политической мысли эпохи Просвещения сыграли произведения английского мыслителя Дж. Локка (1632–1704). Законы, создаваемые людьми, как он подчеркивал, должны были подчиняться высшему праву – законам Бога и законам природы [3, с. 341]. Работы Дж. Локка содействовали развитию веротерпимости и на территории североамериканских колоний Великобритании, которые в 1775–1783 гг. вели борьбу за свою независимость, завершившуюся успешно. К примеру, в Виргинии свобода вероисповедания вводилась во имя блага самой религии. Истина, как считал Т. Джефферсон (1743–1826), не нуждается в поддержке государства, ибо на ее стороне сам Бог, который обладает всемогуществом [4, с. 273].

Далеко не все просветители поддерживали подобный оптимизм. Жестокие реалии природы и человеческой истории подрывали основы теистического мировоззрения. Так, огромное впечатление на европейские умы XVIII в. произвело разрушение Лиссабона 1 ноября 1755 г., произошедшее в результате сильного землетрясения, цунами, а также множества пожаров. Чудовищность произошедшего ставило под сомнение разумность мироустройства и благость Творца [5, с. 169]. Крупнейший британский философ того времени Д. Юм (1711–1776) писал: «Старые вопросы Эпикура еще остаются без ответа. Может быть, божество хочет, но не может предотвратить зло? Значит, оно всемогуще. Если же оно может это сделать, но не хочет, значит, оно недоброжелательно. Если же оно и хочет и может, то откуда же берется зло?» [6, с. 528]. Во многом реакцией на философию британского эмпиризма стали идеи, выдвинутые И. Кантом (1724–1804). Кёнигсбергский мыслитель отказался от понимания Бога, принятого в авраамических религиях, оставив ему место в качестве постулата «чистого прак-

тического разума» [7, с. 377]. И. Кант, как отмечал позднее Г. Гейне, стал немецким Робеспьером в области мысли, отрубив голову деизму [8, с. 96].

Радикальная критика исторического христианства, в ряде случаев расширявшаяся и до отрицания религии как таковой, стала важной чертой творчества большинства французских просветителей. Их основной целью являлась католическая церковь, рассматривавшаяся в качестве цитадели нетерпимости и предрассудков [9, с. 118]. Однако далеко не все из философов и писателей Франции XVIII в. были готовы перейти на атеистические позиции или признать религию лишь частным делом. Так, Ж.-Ж. Руссо (1712–1778), в целом негативно оценивая христианство, подробно останавливался на необходимости «гражданской религии» для государства [10, с. 237]. Среди основных догматов гражданской религии он выделял следующие: «существование могущественного, разумного, благодетельного, предвидящего и проявляющего попечение Божества, будущая жизнь, счастье праведных, наказание неправедных, святость общественного договора и законов» [10, с. 237]. Во многом схожие идеи высказывались и Вольтером (1694–1778) [11, с. 690]. Гражданская религиозность получила широкое распространение во время Французской революции 1789–1799 гг., принимая различные формы (культ Разума, а позднее и культ Верховного Существа), которые выражали антиклерикальный патриотизм, имевший государственную поддержку [12, с. 81]. Отметим, что и идейная платформа противников революции имела конфессиональный компонент в виде защиты католической церкви.

Духовно-интеллектуальная культура эпохи Просвещения принимала крайне многообразные формы даже в рамках одной страны. Так, Ш. Л. Монтескье (1689–1755) в отличие от иных представителей французского Просвещения (в частности, Вольтера) позитивно высказывался о влиянии христианства, способствовавшем «умеренному образу правления» [13, с. 532]. Выводы Ш. Л. Монтескье о взаимосвязи наследия Реформации и республиканского строя были созвучны заключениям многих деятелей Американской революции XVIII в. [13, с. 534].

Интересным примером влияния религии на общественно-политическое развитие «Века Разума» стали события и процессы, связанные с войной за независимость и образованием США. К примеру, крупнейший представитель духовно-интеллектуальной культуры эпохи Просвещения в Северной Америке Б. Франклин (1706–1790), не разделяя многие догматы христианства, подчеркивал социальное значение тради-

ционной религиозности [14, с. 98–99]. Он принимал некоторое участие в т. н. «Великом пробуждении» протестантизма конца 1730–1740-х гг., находился в дружеских отношениях с представителем данного религиозного движения в лице Дж. Уайтфилда [15, с. 445].

Во взглядах Т. Джефферсона отчетливо прослеживался радикальный индивидуализм, имевший протестантские истоки. «Никто не может подчинить свою веру диктатам другого. Жизненность и сущность религии состоят во внутренней убежденности или духовной вере», – писал он в своих заметках [16, с. 35]. Заметим, что личная воля и предпочтения временами ставились им выше сложившихся общественных и профессиональных устоев. Поэтому Т. Джефферсон осуждал практику материальной поддержки через налогообложение «даже проповедника его (гражданина – прим. П. К.) собственных религиозных убеждений, но не выбранного им самим» [4, с. 273].

Большинство основателей США рассматривали религию в качестве опоры республиканской формы правления, поскольку связывали эффективное функционирование последней с высоким уровнем гражданской добродетели и

общественной нравственности [17, с. 59]. Если идеи «Века Разума» во Франции действительно приобрели антиклерикальную направленность, то в рамках Британской империи, как писал Дж. Г. А. Покок, «придется допустить, что Просвещение в значительной мере было детищем людей церкви, действовавших в рамках и во имя своих конфессий» [18, с. 485].

Заключение. Под влиянием «Века Разума» в странах Западной Европы существенно трансформировались государственно-конфессиональные отношения. На смену гонениям постепенно приходила веротерпимость, а религиозная жизнь переживала глубокие изменения, связанные с развитием науки и распространением образования. Относительное ослабление влияния церковного христианства происходило на фоне подъема общественного интереса к деизму, различным эзотерическим учениям, а также широкого обсуждения и атеистических взглядов. В целом же религия не только приспособлялась к условиям эпохи Просвещения, но и в ряде случаев способствовала многим свершениям «Века Разума», определив многие черты духовно-интеллектуальной культуры второго периода Нового времени.

Список литературы

1. Himmelfarb G. The Roads to Modernity: The British, French, and American Enlightenments. New York: Vintage Books, 2004. 284 p.
2. Деар П., Шейпин С. Научная революция как событие. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 576 с.
3. Локк Дж. Два трактата о правлении // Локк Дж. Сочинения: в 3 т. / ред. и сост., авт. примеч. А. Л. Субботин. М.: Мысль, 1988. Т. 3. С. 137–405.
4. Джефферсон Т. Акт об установлении религиозной свободы // Джефферсон Т. Автобиография; Заметки о штате Виргиния / сост., общ. ред. А. А. Фурсенко. Л.: Наука, 1990. С. 273–274.
5. Тавареш Р. Небольшая книга о великом Землетрясении. Очерк 1755 года. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. 240 с.
6. Юм Д. Диалоги о естественной религии // Юм Д. Сочинения: в 2 т. / под ред. И. С. Нарского. М.: Мысль, 1965. Т. 2. С. 445–564.
7. Кант И. Критика практического разума // Кант И. Лекции по этике / общ. ред., сост. и вступ. ст. А. А. Гусейнова. М.: Республика, 2005. С. 283–406.
8. Гейне Г. К истории религии и философии в Германии // Гейне Г. Собрание сочинений: в 10 т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958. Т. 6. С. 11–139.
9. Момдзян Х. Н. Французское Просвещение XVIII века: очерки. М.: Мысль, 1983. 447 с.
10. Руссо Ж.-Ж. Общественный договор, или Начала политического права // Руссо Ж.-Ж. Политические сочинения / отв. ред. И. А. Исаев. СПб.: Издательство Росток, 2013. С. 116–239.
11. Вольтер. Религия // Вольтер. Философские сочинения / отв. ред. В. Н. Кузнецов. М.: Наука, 1988. С. 689–709.
12. Олар А. Христианство и Французская революция 1789–1802. М.: Атеист, 1925. 100 с.
13. Монтескье Ш. О духе законов // Монтескье Ш. Избранные произведения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 157–733.
14. Франклин Б. [Письмо неизвестному. 13 декабря 1757 г.] // Американские просветители: избранные произведения: в 2 т. М.: Мысль, 1968. Т. 1. С. 98–99.
15. Франклин Б. Автобиография // Брэдфорд У. История поселения в Плимуте. Франклин Б. Автобиография. Памфлеты. Креверкер С. Д. Письма американского фермера. М.: Худож. лит., 1987. С. 326–504.
16. Джефферсон Т. Заметки по Локку и Шефтсбери // Американские просветители. Избранные произведения: в 2 т. М.: Мысль, 1968–1969. Т. 2. М.: Мысль, 1969. С. 34–43.

17. Hutson J. Religion and the Founding of the American Republic. Washington: Library of Congress, 1998. 136 p.

18. Покок Дж. Г. А. Великобритания // Мир Просвещения. Исторический словарь / под ред. В. Ферроне и Д. Роша. М.: Памятники исторической мысли, 2003. С. 485–503.

References

1. Himmelfarb G. The Roads to Modernity: The British, French, and American Enlightenments. New York, Vintage Books, 2004. 284 p.

2. Dear P. R., Sheypin S. *Nauchnaya revolyutsiya kak sobytiye* [The Scientific Revolution as Event]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2015. 576 p.

3. Locke J. Two Treatises of Government. *Sochineniya: v 3 t.* [Essays: In 3 vol.]. Moscow, Mysl' Publ., 1988. Vol. 3. Pp. 137–405 (In Russian).

4. Jefferson T. Religious Freedom Act. *Avtobiografiya; Zametki o shtate Virginia* [Autobiography; Notes on the State of Virginia]. Leningrad, Nauka Publ., 1990. Pp. 273–274 (In Russian).

5. Tavares R. *Nebol'shaya kniga o velikom Zemletryasenii. Ocherk 1755 goda* [A Small Book about the Great Earthquake. Essay on 1755]. St. Petersburg, Publishing House of the European University in St. Petersburg, 2009. 240 p.

6. Hume D. Dialogues on Natural Religion. *Sochineniya: v 2 t.* [Essays: in 2 vol.]. Moscow, Mysl' Publ., 1965. Vol. 2. Pp. 445–564 (In Russian).

7. Kant I. Critique of Practical Reason. *Lektsii po etike* [Lectures on Ethics]. Moscow, Respublika Publ., 2005. Pp. 283–406 (In Russian).

8. Heine H. Towards the History of Religion and Philosophy in Germany. *Sobraniye sochineniy: v 10 t.* [Collected Works: in 10 vol.]. Moscow, State Publishing House of Political Literature Publ., 1958. Vol. 6. Pp. 11–139 (In Russian).

9. Momdzhyan H. N. *Frantsuzskoye Prosveshcheniye XVIII veka: ocherki* [French Enlightenment of the 18th century: Essays]. Moscow, Mysl' Publ., 1983. 447 p.

10. Rousseau J.-J. Social Contract, or Principles of Political Law. *Politicheskiye sochineniya* [Political Writings]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Rostok Publ., 2013. Pp. 116–239 (In Russian).

11. Voltaire. Religion. *Filosofskiy sochineniya* [Philosophical Writings]. Moscow, Nauka Publ., 1988. Pp. 689–709 (In Russian).

12. Aulard A. *Khristianstvo i Frantsuzskaya revolyutsiya 1789–1802* [Christianity and the French Revolution 1789–1802]. Moscow, Ateist Publ., 1925. 100 p.

13. Montesquieu C. On the Spirit of Laws. *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow, State Publishing House of the Political Literature, 1955. Pp. 157–733 (In Russian).

14. Franklin B. [Letter to an Unknown Person. December 13, 1757]. *Amerikanskiye prosvetiteli: izbrannyye proizvedeniya: v 2 t.* [American Enlighteners: Selected Works: in 2 vol.]. Moscow, Mysl' Publ., 1968. Vol. 1. Pp. 98–99 (In Russian).

15. Franklin B. *Autobiography. Bradford W. Istoriya poseleniya v Plimute. Franklin B. Avtobiografiya. Pamflety. Kreveker S. D. Pis'ma amerikanskogo fermerera* [Bradford W. History of the Plymouth Settlement. Franklin B. Autobiography. Pamphlets. Crèvecoeur J. Letters of an American Farmer]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1987. Pp. 326–504 (In Russian).

16. Jefferson T. Notes on Locke and Shaftesbury. *Amerikanskiye prosvetiteli. Izbrannyye proizvedeniya: v 2 t.* [American Enlighteners. Selected Works: in 2 vol.]. Moscow, Mysl' Publ., 1969. Vol. 2. Pp. 34–43 (In Russian).

17. Hutson J. Religion and the Founding of the American Republic. Washington, Library of Congress, 1998. 136 p.

18. Pocock J. G. A. Great Britain. *Mir Prosveshcheniya. Istoricheskiy slovar'* [World of Enlightenment. Historical Dictionary]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoy mysli Publ., 2003. Pp. 485–503 (In Russian).

Информация об авторе

Космач Павел Геннадьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории нового и новейшего времени. Белорусский государственный университет (220030, г. Минск, пр. Независимости, 4, Республика Беларусь). E-mail: hist2014@yandex.by

Information about the author

Kosmach Pavel Gennadievich – PhD (History), Assistant Professor, the Department of Modern and Contemporary History. Belarusian State University (4, Nezavisimosti Ave., 220030, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: hist2014@yandex.by

Поступила 08.09.2021

УДК 37.014.5(476)«1905/1907»

В. М. Острога

Белорусский государственный технологический университет

УЧИТЕЛЬСТВО БЕЛАРУСИ В РЕВОЛЮЦИИ 1905–1907 ГГ.

В статье рассматриваются основные направления общественно-политической активности учительства Беларуси во время революционных событий 1905–1907 гг. Подчеркивается, что материальное и правовое положение педагогов оказывало влияние на их духовный облик, психологию, образцы поведения и социальной активности. Несмотря на жесткую регламентацию и контроль над преподавательской деятельностью, подавление любой самостоятельности со стороны правительства и непосредственно учебного начальства, в начале XX в. развернулось достаточно широкое общественно-политическое движение учительства за реформирование школы на новых демократических началах: учительские съезды и собрания, участие в деятельности Государственной Думы, педагогическая пресса, распространение нелегальной литературы, антиправительственная пропаганда среди местного населения и др. Исследование базируется на использовании нормативно-правовых актов, архивных материалов, статистических данных, материалов периодической печати и др.

Ключевые слова: учительство, революция 1905–1907 гг., общественно-политическая деятельность, нелегальная пропаганда и агитация, учительские съезды.

Для цитирования: Острога В. М. Учительство Беларуси в революции 1905–1907 гг. // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2021. № 2 (251). С. 9–13.

V. M. Ostroga

Belarusian State Technological University

TEACHING IN BELARUS IN THE REVOLUTION OF 1905–1907

The article examines the main directions of the social and political activity of the teachers of Belarus during the revolutionary events of 1905–1907. It is emphasized that the material and legal status of teachers influenced the spiritual image of teachers, their psychology, patterns of behavior and social activity. Despite the strict regulation and control over teaching activities, the suppression of any independence on the part of the government and directly the educational authorities, at the beginning of the twentieth century, developed a fairly broad socio-political movement of teachers for reforming schools on new democratic principles: teachers' congresses and meetings, participation in the activities of the State Duma, pedagogical press, distribution of illegal literature, anti-government propaganda among the local population, etc. The study is based on the use of regulatory legal acts, archival materials, statistical data, materials from periodicals, etc.

Key words: teachers, revolution of 1905–1907, social and political activities, illegal propaganda and agitation, teachers' congresses.

For citation: Ostroga V. M. Teaching in Belarus in the revolution of 1905–1907. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, philosophy*, 2021, no. 2 (251), pp. 9–13 (In Russian).

Введение. Вторая половина XIX – начало XX в. являлись переломным периодом в истории Российской империи. В контексте происходящих трансформаций в политической, социально-экономической и духовной жизни страны определились тенденции дальнейшей эволюции системы народного просвещения. Несмотря на сложность и противоречивость модернизационных процессов, неуступчивость самодержавия и стремление сохранить его основы, постоянное запаздывание с преобразованиями, стратегической целью стали подъем страны и ликвидация ее отсталости от передовых конкурентов Запада. В обстановке стремительного общественного подъема важнейшая роль принадлежала

интеллигенции, чьи творческие способности и социальная активность могли стать прочным фундаментом динамичного развития всех сфер жизнедеятельности общества.

Основная часть. В начале XX в. учительство являлось наиболее массовой частью интеллигенции Беларуси. В этот период, особенно под влиянием революции 1905–1907 гг., начинается процесс объединения учительства для борьбы за улучшение своего материального и правового положения, реформирование средней школы и введение всеобщего начального обучения.

Российский исследователь Ф. Г. Паначин справедливо отмечает, что «учителя жили “двойной жизнью”: официальной, казенной и неофициальной,

общественно-политической». В условиях правительственного контроля и реакции это было естественным явлением: в целях самосохранения часть преподавателей учебных заведений «надевала защитный цвет одежды» [1, с. 98]. Вместе с тем открытая революционность не была характерна для подавляющего большинства учителей, которые находились на государственной службе и не решались конфликтовать с руководством. Во время приема на работу кандидаты проходили определенную проверку: они должны были предоставить свидетельства о политической и нравственной благонадежности, которые выдавались губернскими канцеляриями.

Общественная деятельность учителей регулировалась Инструкцией 1871 г. Они не должны были ни прямо, ни косвенно вмешиваться в дела, которые не относились к их обязанностям. За участие в антиправительственной пропаганде и подстрекательстве крестьян к бунту учителям грозило не только отстранение от занимаемой должности в школе, но также арест, тюремное заключение, высылка и даже смертная казнь. В основной своей массе учителя находились в стороне от общественных дел, но наиболее активные помогали принимать участие в созданных учреждениях мелкого кредита, присутствовали на «мужицких собраниях», распространяли нелегальную литературу, занимались антиправительственной агитацией, выступали в роли организаторов и руководителей митингов и крестьянских выступлений, призывали к неповиновению властям, собирали пожертвования в пользу заключенных и ссыльных поселенцев и др. Многие из учителей, внесших ощутимый вклад в общественно-политическую деятельность, остались безымянными.

В архивах сохранились интересные данные о революционной активности учительства в годы первой русской буржуазно-демократической революции. Так, в 1906 г. из Новогрудского уезда Минской губернии было выслано 8 учителей за агитацию среди крестьян и распространение нелегальных прокламаций [2, с. 5]. Также в 1906 г. в м. Скидель Гродненской губернии был задержан учитель М. Касюновский, который в пивной читал прокламацию антиправительственного содержания [3, л. 12]. 1 августа 1906 г. в с. Чайки Себежского уезда на ярмарку собралось около 1000 местных крестьян из соседнего Полоцкого уезда. Около трех часов дня большая толпа двинулась с революционными песнями к дому урядника. Здесь был «поднят на шест правления красный платок, и учитель школы грамоты д. Ломы Полоцкого уезда Тимофей Яковлев Мищенко обратился к собравшимся с речью, призывал крестьян не платить повинностей, не выполнять воинской повинности, разгромить

квартиру урядника и винную лавку и убить бывших на ярмарке 3-х урядников». Этот факт не остался незамеченным: «Мищенко... как ратник Государственного ополчения призван на действительную военную службу и отправлен в 90-ю низшую ополченскую дружину в Варшаву». [4, л. 1, 15]. Учитель Новодворского училища Белозерского уезда В. А. Козлов также «принимал участие в подстрекательстве крестьян к аграрным беспорядкам на устраиваемых митингах», имел «вредное влияние на крестьян», раздавая им брошюры и организуя беседы на политические темы. От имени крестьян он составил «приговор в Государственную Думу, в котором говорилось о необходимости безвозмездного отчуждения земли в пользу крестьян, упразднения полиции и земских начальников, отмены косвенных налогов» и др. Как человек «опасный для государственного порядка и общественного спокойствия» он был выслан в одну из отдаленных местностей России под гласный надзор полиции сроком на три года [5, л. 28, 32]. Витебское жандармское управление пристально следило за подобными случаями и потребовало от Дирекции народных училищ список всех лиц, занимающихся педагогической деятельностью в губернии, «для проверки политической их благонадежности».

Так, в Черноруцкой волости Могилевского уезда было создано собрание для составления приговора о разделе земли на хуторские участки. Крестьяне уже были согласны, но изменили свое решение под влиянием мнения подошедшего к ним учителя Д. М. Рудковского, который 10 лет работал в местной школе и пользовался большим авторитетом среди крестьян [6, л. 243]. «Наша нива» сообщала о том, что народ верит учителям и желает послать некоторых из них в Государственную Думу, чтобы «отвоевать землю и свободу, защитить мужицкое право и сбросить ярмо чиновничьего правления», «соединившись в одну трудовую грамоту со всеми мужицкими депутатами» [7, с. 7]. Учителя имели право избирать и быть избранными. Так, во время революционных событий директор народных училищ Витебской губернии поручил инспекторам составлять списки учителей приходских и начальных училищ, которые могли участвовать в работе съездов городских избирателей на выборах в Государственную Думу. Право голоса принадлежала тем из них, кто достиг 25-летнего возраста и не менее года прослужил на должности учителя в данной местности. Например, в списках по Лепельскому уезду значились фамилии 25 человек, Полоцкому – 23, Витебскому – 27 [8, л. 8–29].

Из 487 членов I Государственной Думы 46 лиц имели педагогическую профессию. Состав

II Думы увеличился до 520 человек, возросла и численность педагогов-депутатов до 69, что позволило им создать особую «учительскую фракцию». Анализ статистических данных позволяет сделать вывод, что в первой Думе педагогов было 9,5% от общей численности депутатов, во второй – 13%, в третьей – 12%. В первую Государственную Думу из представителей педагогической интеллигенции были избраны в основном профессоры и приват-доценты, во вторую – главным образом сельские и городские учителя, и в третью – преподаватели средних учебных заведений и законоучителя. По своим политическим взглядам преподаватели средних учебных заведений (гимназий, прогимназий и реальных училищ) распределялись между центром и левым флангом Думы. Заслуживает внимание то обстоятельство, что среди октябристов и беспартийных во II Думе и октябристов в III Думе очень мало педагогов, которыми была «богата» конституционно-демократическая партия во всех трех Думах [9, с. 112]. Учителя начальной школы принадлежали в основном к народническим и социалистическим партиям. Среди них наибольшей популярностью пользовалась партия трудящихся, что объяснялось во многом близостью интересов сельского учительства и крестьянства. Но правительство всячески стремилось ограничить участие учительства в работе этого законодательного и представительного органа. Согласно Положению о выборах в Государственную Думу от 3 июня 1907 г., «на выборах на волосных собраниях... могут присутствовать лица, которые входят в состав этих собраний» [10, с. 732].

Министерским циркуляром от 21 июня 1905 г. запрещалось лицам учительского персонала организовывать союзы и проводить съезды. Циркуляром 20 января 1906 г. указывалось, что «должностным лицам, как состоящим на государственной службе, так и вольнонаемным, воспрещается всякое участие в политических партиях, обществах и союзах не только явно революционных, но и таких, которые, хотя и не открыто причисляют себя к революционным, тем не менее в программах своих, в воззваниях своих вожаков и в других проявлениях своей деятельности обнаруживается стремление к борьбе с правительством». В виде исключения допускалось участие в таких объединениях, «деятельность коих ни явно, ни скрыто не направлена к разрушению основ государственности и монархического строя». «Принадлежность к той или иной партии есть дело личного убеждения каждого, причем участие в партиях, которые стремятся к разрушению существующего порядка, нельзя допускать... Занятие политикой не должно ни в чем препятствовать верной обязанности

клятвы» [11, с. 16–19]. В конце 1906 г. Минский директор народных училищ поручил разобраться, чем объясняется нелегальная деятельность учителей, и как это явление можно ликвидировать [12, л. 3].

В основном общественно-политическая деятельность учительства носила либеральный характер. Кроме либералов на педагогов пытались оказать влияние и эсеры. В известной мере это им удавалось «из-за мелкобуржуазной психологии, которая была присуща некоторым народным учителям ввиду условий их труда и близости к крестьянству». Усиление революционной активности учительства происходило и под влиянием РСДРП. Таким образом, «борьба учителей, приняв политическую окраску, становилась все более упорной и организованной» [13, с. 39].

Одной из форм профессионального объединения учительства являлись педагогические съезды и совещания, которые могли проводиться лишь с разрешения учебного начальства и под его непосредственным руководством и наблюдением. Вместе с тем во время революции, несмотря на инструкции и запреты, состоялись нелегальные съезды учителей в Могилевской и Гродненской губерниях в 1905 г., в январе 1906 г. по инициативе учительницы Политовой – в Свентяньском уезде Виленской губернии. Последний обсудил материальное и правовое положение народного учителя, состояние учебно-воспитательной работы в учительских семинариях и народной школе [14, с. 47]. Основными обсуждаемыми проблемами всех указанных форумов являлись улучшение материального и правового положения учительства и реформирование школы. Вставала задача созыва более представительных форумов, чтобы разработать и принять программу действий от имени всех педагогов. В июле 1906 г. в с. Николаевщина был созван такой съезд, который признал главной целью борьбу за свержение самодержавия. Полиции удалось остановить его работу и арестовать 16 народных учителей (среди них: К. Мицкевич, С. Самохвал, И. Лапцевич, А. Милюк, А. Войтеховский и др.). В помещении местного училища, где проходил съезд, был найден «Протокол заседания» и обращение «Товарищи учителя». В 1908 г. по приговору Виленской судебной палаты учителей К. Мицкевича, Я. Безмена и В. Сильвестрова осудили на 3 года лишены свободы [15, л. 4–36]. Белорусский учительский союз все же был создан 25 мая 1907 г. на съезде в Вильно. В принятой программе основными задачами значилась борьба за переустройство школы на демократических началах, обучение на родном языке, а также независимость школы и учительства от разного начальства [16, с. 6].

Передовое учительство России было подвержено репрессиям: более 5 тыс. выслано в Сибирь, многие были уволены с занимаемых должностей или переведены в другие места. За «подстрекательство к волнениям» и «антиправительственные действия» в Гродненской губернии было уволено 13 учителей, в белорусских уездах Виленской и Ковенской – 27, в Минской – 4 [14, с. 46.]. Но власти вынуждены были пойти на некоторые уступки. В принятом законе «Об отмене некоторых ограничений для лиц крестьянского происхождения» (1906 г.) говорилось, что учителя, выходцы их податного сословия, с этого времени могли быть приняты на преподавательские должности в городские приходские училища распоряжениями дирекций. В 1907 г. было принято специальное решение Министерства просвещения в отношении учителей римско-католической веры русского и литовского происхождения. Управление Виленского учебного округа получило полномочия принимать их на работу в школы с учениками-католиками [17, с. 221]. В этом же году было подтверждено право на съезды учителей под руководством инспекторов и с разрешения попечителя и местных губернаторов [12, л. 276].

Вместе с тем на церковно-школьные съезды собиравось только духовенство. Например, в 1905 г. была сделана попытка созвать съезд церковно-приходских учителей, чтобы обсудить проблемы жизни школы и положения ее учителя. Но епархиальный училищный совет не собирався разрешать такое мероприятие. Чтобы

захватить инициативу в свои руки, он составил программу съезда и разослал анкеты. В 1908 г. «Голос учителя» писал: «Учителя успокоились и терпеливо ждали... ждут и по сегодняшний день» [18, с. 30].

Одним из главных результатов общественного подъема, охватившего страну, была «революция в умах». Повышался уровень квалификации учителей, стремительно росло количество учебных заведений, открывались библиотеки, появлялись педагогические и иные просветительские общества. Педагогическая журналистика объединяла вокруг себя передовых общественных деятелей и педагогов. Она знакомила читателей с системой подготовки и социальным положением их коллег в других странах, новыми педагогическими теориями и течениями, экспериментальными школами, современными методиками, которые активно использовались в учебных заведениях Запада. С подачи передовых педагогов провозглашалось новое понимание ценности образования как ценности общечеловеческой.

Заключение. Таким образом, учительство Беларуси, составляющее значительную часть демократической интеллигенции, внесло свой вклад в историю общественно-политического и освободительного движения начала XX в. Несмотря на административные и судебные преследования, учителя находили возможность соединять пропагандистскую работу среди местного населения с воспитанием подрастающего поколения в духе прогрессивных демократических идеалов.

Список литературы

1. Паначин Ф. Г. Учительство и революционное движение в России (XIX – начало XX в.): историко-педагогические очерки. М.: Педагогика, 1986. 216 с.
2. Навагрудак // Наша доля. 1906. 1 верасня. С. 5.
3. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно. Ф. 535. Оп. 1. Д. 1.
4. НИАБ. Ф. 2499. Оп. 1. Д. 60.
5. НИАБ. Ф. 2499. Оп. 1. Д. 99.
6. НИАБ. Ф. 2254. Оп. 2. Д. 592.
7. Дума і народныя вучыцелі // Наша ніва. 1907. 25 студзеня. С. 7.
8. НИАБ. Ф. 2507. Оп. 1. Д. 3236.
9. Представители педагогического мира в третьей Государственной Думе // Русская школа. 1908. № 11. С. 110–131.
10. Полное собрание Законов Российской империи: в 33 т. Собр. 3-е. СПб., 1910. Т. 17. 1117 с.
11. НИАБ. Ф. 729. Оп. 1. Д. 1.
12. НИАБ. Ф. 458. Оп. 1. Д. 339.
13. Ушаков А. В. Революционное движение демократической интеллигенции в России. 1895–1904. М.: Мысль, 1976. 239 с.
14. Мяцельскі М. С. Народнае настаўніцтва Беларусі ў перыяд рэвалюцыі 1905–1907 гадоў // Весн. Бел. дзярж. ун-та. Сер. 4. Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. Псіхалогія. 1981. № 11. С. 46–49.
15. Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2.
16. З Беларусі і Літвы (ад нашых карэспандэнтаў) // Наша ніва. 1907. 8 чэрвеня. С. 6.
17. Местная хроника // Народное образование в Виленском учебном округе. 1907. № 5–6. С. 189–238.
18. Голос учителя. Издание группы учителей и учительниц Витебской губернии. Витебск: Работник, 1908. 81 с.

References

1. Panachin F. G. *Uchitel'stvo i revolyutsionnoe dvizhenie v Rossii (XIX – nachalo XX v.): istoriko-pedagogicheskie ocherki* [Teaching and the revolutionary movement in Russia (XIX – early XX century): historical and pedagogical essays]. Moscow, Pedagogika Publ., 1986. 216 p.
2. Novogrudok. *Nasha dolya* [Our share], 1906, September 1, p. 5 (In Russian).
3. National Historical Archives of Belarus in Grodno. Fund 535. I. 1. F.1.
4. NHAB. Fund 2499. I. 1. F. 60.
5. NHAB. Fund 2499. I. 1. F. 99.
6. NHAB. Fund 2254. I. 2. F. 592.
7. Duma and folk teachers. *Nasha niva* [Our field], 1907, January 25, p. 7 (In Russian).
8. NHAB. Fund 2507. I. 1. F. 3236.
9. Representatives of the pedagogical world in the Third State Duma. *Russkaya shkola* [Russian School], 1908, no. 11, pp. 110–131 (In Russian).
10. *Polnoe sobranie Zakonov Rossiyskoy imperii* [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. St. Petersburg, 1920. Vol. 17. 1117 p.
11. NHAB. Fund 729. I. 1. F. 1.
12. NHAB. Fund 458. I. 1. F. 339.
13. Ushakov A. V. *Revolutsionnoe dvizhenie demokraticheskoy intelligentsii v Rossii. 1895–1904* [The revolutionary movement of the Democratic intelligentsia in Russia. 1895–1904]. Moscow, Mysl' Publ., 1976. 239 p.
14. Myatsel'ski M. S. People's mentoring of Belarus during the revolution of 1905–1907. *Vesn. Bel. dzyarzh. un-ta. Ser. 4. Filalogiya. Zhurnalistyka. Pedagogika. Psikhalogiya* [Vestnik BSU. Series 4. Philology. Journalism. Pedagogy. Psychology], 1981, no. 11, pp. 46–49 (in Russian).
15. Belarusian State Archive-Museum of Literature and Art. Fund 3. I. 2. F. 2.
16. From Belarus and Lithuania (from our correspondents). *Nasha niva* [Our field], 1907, June 8 (In Russian).
17. Local chronicle. *Narodnoe obrazovanie v Vilenskom uchebnom okruge* [Public education in the Vilna Educational District], 1907, no. 5–6, pp. 189–238 (In Russian).
18. *Golos uchitelya. Izdanie gruppy uchiteley i uchitel'nits Vitebskoy gubernii* [The teacher's voice. Publication of a group of teachers and female teachers of the Vitebsk province]. Vitebsk, Rabotnik Publ., 1908. 81 p.

Информация об авторе

Острога Валентина Михайловна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Беларуси и политологии. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова. 13а, Республика Беларусь). E-mail: ostroha@belstu.by

Information about the author

Ostroga Valentina Mikhailovna – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: ostroha@belstu.by

Поступила 11.09.2021

УДК 323.2(476)

Н. Е. Семенчик

Белорусский государственный технологический университет

ОБСТАНОВКА В ПРИФРОНТОВОЙ БЕЛАРУСИ В 1915 Г.

В статье показана обстановка Беларуси в период с начала 1915 г., включая время отступления русской армии, и до времени стабилизации Западного фронта. Обращено внимание на порядок, ход и последствия эвакуации материальных ценностей, а также возникновение движения беженцев. Отмечены мероприятия военных и гражданских властей по снабжению Западного фронта продовольствием и средствами армейского жизнеобеспечения к концу 1915 г. Отражена государственная политика по участию населения в обеспечении помощи фронту. Приведены данные об особенностях развития сельского хозяйства и промышленности в Беларуси. Дана оценка значимости военной и гражданской властей в решении местных проблем.

Ключевые слова: мировая война, Северо-Западный фронт, Беларусь, военное командование, губернатор, мобилизация, реквизиция, Всероссийский земский союз, Всероссийский союз городов, Земгор, Военно-промышленный комитет.

Для цитирования: Семенчик Н. Е. Обстановка в прифронтной Беларуси в 1915 г. // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2021. № 2 (251). С. 14–19.

N. Ye. Semenchyk

Belarusian State Technological University

FURNING IN FRONT-LINE BELARUS IN 1915

The article shows the situation of Belarus from the beginning of 1915, including the time of retreat of the Russian army and before the stabilization time of the Western Front. Attention is drawn by an order of magnitude, the course and consequences of the evacuation of material values, as well as the emergence of the movement of refugees. The events of the military and civil authorities for the supply of Western Front and the means of army life support by the end of 1915 are reflected by state policy on the participation of the population in providing assistance to the front. The data on the peculiarities of the development of agriculture and industry in Belarus are given. An assessment of the importance of military and civil authorities in solving local problems is given.

Key words: World War, North-West Front, Belarus, soldiers, military command, governor, mobilization, requisition, All-Russian Zemstvo Union, All-Russian Union of Cities, Zemgor, Military Industrial Committee.

For situation: Semenchyk N. Ye. Furning in front-line Belarus in 1915. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2021, no. 2 (251), pp. 14–19 (In Russian).

Введение. В трудах партийно-советских историков динамика развития России времен первой мировой войны, в том числе и Беларуси, изображалась как цепь трагических последствий политики царского правительства. Как правило, в качестве объекта этого развития рассматривались политические предпосылки революции, а социально-экономическая жизнь представлялась как фон для политической активности масс. В этом смысле освещение обстановки, сложившейся в Беларуси в 1915 г., на трагическом этапе ее истории, позволяет оценить действенность системы местной власти во взаимодействии с военной по оказанию помощи фронту. Также представляется важным определить воздействие военных неудач русской армии на жизнедеятельность местного населения.

Основная часть. В 1914 – начале 1915 г. войска Российской империи в составе Антанты

вели бои с австро-германским блоком. В это время в белорусских губерниях, находившихся вдали от театра военных действий, размещались воинские формирования в составе Двинского и Минского военных округов. Их главные начальники (соответственно) ген. Н. Туманов и ген. Е. Рауш фон Траубенберг были подчинены главнокомандующему Северо-Западным фронтом ген. П. Ружскому (с 22.03.1915 по 04.08.1915 – ген. М. Алексееву), но в то же время сами подчиняли все здешние исполнительские структуры, в том числе губернскую администрацию. В Виленской губернии ее возглавлял П. Веврекин, Витебской – М. Арцимович, Гродненской – В. Шебеко, Минской – А. Гирс, Могилевской – А. Пильц.

Второй строкой в губернской «табели о рангах» являлась должность предводителя дворянства. К указанному времени их занимали

С. Красовский (Вильно), П. Ренгартен (Витебск), Н. Неверович (Гродно), А. Долгово-Сабуров (Минск), Ф. Бондырев (Могилев). В Витебской, Минской и Могилевской губерниях, где существовали земства, иерархию высших должностных лиц замыкали председатели губернских земских управ (соответственно): М. Карташев, Б. Самойленко и Ф. Хоментовский.

С начала войны существовавшая здесь система исполнительной власти и органов самоуправления проявила свою высокую работоспособность. Семьям воинов, призванных в армию из деревни, была организована сельскохозяйственная помощь. Государство продолжало субсидировать открытие прокатных и зерноочистительных пунктов, улучшение пород скота, пропаганду многопольной системы севооборота и т. д. [1]. Дальнейшее развитие получили сельскохозяйственные общества (СХО). К числу крупнейших относились Старосельский земледельческий кружок Мстиславского уезда (629 чел.) и Минское СХО (508 чел.) [2, с. 6].

В целом состояние сельского хозяйства (урожайность, поголовье животных и т. д.) с начала войны не ухудшилось. После окончательного запрета на изготовление и продажу спиртных напитков внутренний рынок значительно пополнился сотнями тысяч пудов картофеля, ржи, ячменя и т. д. Несмотря на возросшие цены, население Беларуси не проявляло излишнего беспокойства из-за продуктов.

В начале 1915 г. Северо-Западный фронт не испытывал существенных потребностей в местной промышленной продукции, за исключением кожаной. В этих видах на 37 предприятиях было налажено обувное производство [3, с. 42, 71, 84]. В Минской и Виленской губерниях по приказу властей мастера сапожного дела были обязаны изготавливать сапоги на нужды армии. Работали сахарно-сушильные предприятия, например «Левенбрей» в Витебске. Большим спросом у фронтовиков пользовалась продукция табачных фабрик Гродно, Витебска и Могилева.

Использование властями трудовой повинности, т. е. бесплатного труда жителей городов и сел в военных целях (окопные работы, охрана военных объектов, заготовка и подвозка дров для паровозов) также приносило известную пользу. В этой связи по причине усиления боевых действий на Северо-Западном фронте с февраля 1915 г. возникла необходимость в «регулировании отхода рабочих из Северо-Западного края на заработки» [4].

Этот же период характеризуется возросшей активностью общественных организаций по обслуживанию фронта – Всероссийского земского союза (ВЗС), Всероссийского союза городов (ВСГ), а также их совместного объединения

Земгор, которые занялись снабжением армии. Местные комитеты ВЗС совмещали лечение и санитарное обслуживание фронтовиков с успешной, «в обширных размерах» заготовкой белья, валенок и полушубков [5, с. 24].

В целях обороны страны усилиями местных промышленников, торговцев, финансистов и др. также стали создаваться Военно-промышленные комитеты для налаживания предприятий по выпуску военной продукции [6]. Все вопросы, связанные с обеспечением нужд фронта, согласовывались с главначснабом Северо-Западного фронта ген. Н. Даниловым.

Жизнь прифронтовой Беларуси стала меняться в начале 1915 г., когда германские войска вторглись на ее территорию. Так, в феврале населению Гродненской губернии, пострадавшему от войны, потребовалась государственная помощь [7]. Одновременно здесь усилились окопные работы, активизировался призыв в армию военнообязанных и начались реквизиции скота [8, с. 41, 44]. С этого времени интенданты развернули свою деятельность и в других районах Беларуси. Так, до лета реквизиции лошадей, коров и мелкого скота прошли в Витебской губернии, а в Минской – фуража и продовольствия [8, с. 44–45].

В июне-июле 1915 г. отступавшие войска Северо-Западного фронта выселяли жителей из домов, уничтожая их имущество и посевы, изымая лошадей, крупнорогатый скот, запасы хлеба и фуража. По словам современника, «эти меры стали применяться и на белорусских землях, причем в более широких масштабах, вылившись в проведение тактики “выжженной земли”» [9, с. 95]. В результате лишенное средств к существованию население привисленских и западных губерний было вынуждено бежать на восток, создавая многие проблемы, в том числе и в тылу действующей армии. Численность еврейского населения, изгнанного и бежавшего из Польши и Беларуси, было столь значительно, что 17 августа Министерство внутренних дел приняло постановление «О разрешении евреям жительства в городских поселениях вне черты общей их оседлости» «ввиду чрезвычайных обстоятельств военного времени» [10, с. 776].

В том же месяце главнокомандующий русской армией попытался смягчить ситуацию, приказав местным властям компенсировать потери, «чтобы население не было срываемо со своих мест поголовно, а только военнообязанные мужчины от 18 до 45 лет» [9, с. 95–96]. Но эти приказы не возымели должного действия: в конце августа поток беженцев, стада животных, вереница грузов и т. д. продолжали разрушительное движение по Минской губернии по направлению к Смоленской и Могилевской

и далее вглубь страны. В июле, усиливая неразбериху, в витебском направлении двинулись беженцы из Вильно [11, с. 44].

В условиях отступления оставался актуальным приказ командования о первоочередной эвакуации оборудования предприятий и материалов, «годных для военных надобностей» [6, с. 824]. 25 июля главный начальник ДВО ген. Н. Туманов приказал вывезти из подвластных ему районов «во внутреннюю Россию» запасы цветных и иных ценных металлов [12]. Также подлежали срочному вывозу: хлопок, лен, шерсть, пряжа, сукно, кожа, приводные ремни.

В целом проводимая русскими властями эвакуация войск, также учреждений и предприятий сопровождалась неорганизованностью, нехваткой транспорта, хаосом на железнодорожных станциях и т. д. Все же, несмотря на огромные потери скота при прогоне гуртов от линии фронта, в целом местные власти смогли рассредоточить животных по уездам. «Чуть ли не весь племенной скот» и лошади польского СХО были вывезены в Россию [13, с. 29]. Туда же были перевезены «три четверти содержимого польских музеев... и масса машин из польских заводов». В целом эвакуация заводского оборудования и материальных средств прошла с большими потерями. В Минске расположились вывезенные из Варшавы завод «Млот» и автомобильные мастерские, Ново-Борисове – карандашная фабрика, Гомеле – завод «Арсенал» и др. В Орше были размещены вывезенные из Слонима станки проволочно-гвоздильного завода [6, с. 97, 118, 212].

Ухудшение положения дел на всех фронтах летом 1915 г. вызвало перемены в руководстве войсками. Возрастание стратегической значимости петроградского и московского направлений обороны обусловило разделение 4 августа 1915 г. Северо-Западного фронта на два отдельных – Северный (главкосев ген. Н. Рузский) и Западный (главкозап ген. А. Эверт). Ставка Верховного главнокомандующего (главковерха) переместилась из Барановичей в Могилев, а ее штаб возглавил ген. М. Алексеев. Вместо ген. Н. Романова должность главковерха взял на себя сам Николай II.

Реорганизация управления вооруженными силами сопровождалась созданием новых органов – Особых Совещаний обороны государства, обеспечения топливом, продовольствием, железнодорожных перевозок [10, с. 751]. Губернаторы и председатели губернских земских управ были включены в их состав на правах Уполномоченных. 17 августа 1915 г. председатель Особого Совещания по продовольственному делу (он же министр земледелия) утвердил порядок поставки зерновых хлебов и фуража для нужд обороны для каждой губернии в соответствии

с размерами урожая и запасов и нормами потребления. В дальнейшем разверстка должна была проводиться между уездами, волостными и сельскими сходами с определением количества продуктов для каждого домохозяина [14].

Одновременно в целях борьбы со спекуляцией вышло распоряжение Правительства о нормах потребления продуктов, таксации стоимости товаров, расценок на рабочую силу, гужевой транспорт и т. д. Информация об этом за подписью губернаторов регулярно публиковалась в местной печати.

19 августа статьей № 1760 Собрания узаконений учреждалось Особое совещание для регулирования поставок скота и мяса для нужд армии. Исполнительным органом совещания являлся Отдел для заготовки продовольствия и фуража для действующей армии, который действовал через губернских уполномоченных. Как и прежде, в Беларуси основная обязанность по продовольственному обеспечению войск возлагалась на губернаторов.

Усовершенствование продовольственного дела для нужд фронта не исключала опасности нового натиска противника. Поэтому в сентябре созданная при Минском ВПК эвакуационная комиссия организовала вывоз оборонных фабрик и заводов вместе с их персоналом и оборудованием в Россию и Украину [6, с. 812]. Из Витебской губернии было эвакуировано 81 предприятие [15].

9 октября минский губернатор А. Чернявский предписал сельским хозяевам «муку, зерно, фураж, скот, лошадей и повозки, за исключением одной коровы, одной лошади и месячного запаса продуктов и фуража на семью, передать интендантским службам». Так же в районах, близких к позициям (Новогрудский, Пинский и Слуцкий уезды), у крестьян изымались продукты и имущество, которые могли попасть к противнику [6, с. 824]. Аналогичные трудности испытывали жители близких к передовой западных уездов Витебщины.

В деле материального обеспечения фронта место закрытых и эвакуированных предприятий заняли местные комитеты ВЗС, ВСГ, Земгора и ВПК. Главный интендант обратился к служащим ВЗС придти на помощь «заготовкой для армии полушубков, валенок и теплого белья» [5, с. 35]. В ответ на призыв в Лунинце была налажена переработка овчин и изготовление войлока. Поблизости от фронта создавались сапожно-починочные мастерские. Для заготовки строевого материала были пущены пять лесопильных заводов в Речице, Рогачеве, Бобруйске и Ново-Борисове. Заготовкой лесоматериалов и дров были заняты рабочие двух заводов и склада в районе Колодищ. В октябре в Бобруйске, затем в Гомеле

было освоено строительство деревянных барачков. В Воложине и Минске был налажен выпуск кирпича [16, с. 11, 30, 86, 98, 111].

Как отмечали служащие ВСГ, «попытка привлечения к работе по рытью окопов и других сооружений рабочих, принудительно нанятых, не восполнила недостатков». Понадобилась масса работников, которые работали бы добровольно и за приемлемую плату. Комитет ВСГ с сентября обеспечивал жизнедеятельность 26 тыс. окопных рабочих в Сенно-Лепельском районе и 3–4 тыс. в районе 5-й армии. В ноябре Земгор имел в своем распоряжении десятки дружин на Западном фронте, применяя их силу не только для фортификационных работ, но и для постройки грунтовых и железных дорог на театре военных действий [11, с. 61].

Эвакуировавшийся из Вильно в Минск Северо-Западный ВПК занялся сбором имущества, нужного фронту. В частности, здесь было объявлено о реквизиции всех выделанных кож, меди и медного оборудования закрытых заводов [6, с. 809]. Созданный в ноябре Витебский ВПК во главе с А. Левинсоном и в контакте с Северо-Западным комитетом занимался размещением заказов на нужды обороны, в том числе «на производство жестяных коробок, ружейных болванок, колес, веревочных приспособлений, телеграфных крюков, сапожной мази» [17, с. 8].

В целом дело материально-технической помощи армии значительно улучшилось. В результате своим трудом всероссийские общественные организации восполнили тот недостаток продукции, ранее поступающей на фронт от белорусских предприятий.

Заключение. Таким образом, социально-экономическая обстановка в Беларуси в 1915 г. определялась положением на фронтах. Если в начале года жизнедеятельность трудящегося населения характеризовалась относительной стабильностью, то с июля – августа она была нарушена наплывом беженцев, эвакуацией предприятий и их персонала, активизацией интендантских служб и др. Для жителей Гродненской, большей части Виленской и трех уездов Минской губерний германское наступление закончилось установлением оккупационного режима. Что касается имперской части Беларуси, то ее людские и материальные ресурсы, несмотря на нанесенные беженством и эвакуацией потери, по-прежнему были подчинены интересам обороны страны. За исключением районов, близких к линии фронта, где у их жителей из-за угрозы вторжения противника была осуществлена усиленная реквизиция имущества, остальное аграрное население выполняло повинности в привычном режиме военного времени. Интендантские заготовки хлеба и мяса существенно

не повлияли на общественные запасы зерна и поголовье животных. Другое дело, что приток лошадей и скота в военных гуртах потребовал усиленной реквизиции фуража для их содержания. В результате гражданские власти были вынуждены жаловаться военному командованию на злоупотребления интендантов [6, с. 828–830, 833].

В целом же сельское хозяйство Беларуси даже в условиях войны выполняло свои функции. Так, к началу 1916 г. было засеяно хлебом в Виленской губернии – 220 876 дес., Витебской – 773 073 дес., Минской – 1 027 567 дес., Могилевской – 885 724 дес.; картофелем (соответственно) – 18 737, 73 518, 114 067 и 911 97 дес.

В крестьянских и частновладельческих хозяйствах Виленской губернии насчитывалось (соответственно) 65 636 и 5 499 лошадей, 85 369 и 6 822 коров; Витебской – 241 828 и 16 291 лошадей, 541 842 и 42 041 коров; Минской – 433 411 и 25 310 лошадей, 846 449 и 40 159 коров; Могилевской – 438 935 и 26 203 лошадей, 606 661 и 490 67 коров. Всего же вместе со свиньями, козами и овцами в Виленской губернии насчитывалось 4 392 547 голов скота, Витебской – 2 212 966, Минской – 2 966 847, Могилевской – 2 847 971 голов [18, с. 16–17].

Характерно, что до начала войны в Могилевской губ. насчитывалось 458 961 лошадь, 611 957 коров, 441 257 овец, 18 467 коз, 404 826 свиней, а всего 1 935 468 голов [19, с. 67]. Очевидно, что даже после тяжелейшего 1915 г. сельское хозяйство белорусских губерний не уступало соседним [18, с. 16–17].

Что касается местной промышленности, то даже после эвакуации важнейших заводов и фабрик Беларуси в центральные губернии ее оставшийся потенциал использовался в интересах фронта, а также местного населения (дрожжи, конфеты, табачные изделия, конверты и т. д.). Место эвакуированных предприятий заняли многочисленные мастерские, лесопильные и другие заводы общественных организаций – ВЗС, ВСГ, Земгора, ВПК и др. При этом они поглотили весь рынок рабочих, оставшихся не у дел после закрытия и эвакуации их предприятий. Кроме того, работа сформированных на Западном фронте вольнонаемных строительных дружин показал свое превосходство над принудительным трудом крестьян и мещан.

Социально-экономическая обстановка в Беларуси тесно сочеталась с военно-политической и во многом определялась ею. Военная власть была озабочена главным образом повышением боеспособности Западного и Северного фронтов и для достижения цели мало считалась с местными проблемами. Тем же резонансом руководствовались вышеназванные организации ВЗС, ВСГ, Земгора и ВПК. Гражданская власть всех

уровней пыталась сочетать военные интересы с местными, но не всегда успешно. В то же время присутствие армии на территории Беларуси не уберегло ее от завоевателей и по-прежнему требовало значительной помощи. Даже забота о бе-

женцах во многом легла на плечи местных властей и жителей. Тем не менее все вместе они были полны решимости выполнять свой гражданский долг и всесторонне укреплять тыл действующей армии.

Список литературы

1. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ) в Гродно. Ф. 361. Оп. 1. Ед. хр. 26. Л. 3.
2. Сельскохозяйственные общества в России в 1915 г. / под ред. В. В. Морачевского. Петроград: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1916. 91 с.
3. Экономика Белоруссии в эпоху империализма (1900–1917) / под ред. Г. Т. Ковалевского. Минск: Изд-во Академии наук БССР, 1963. 424 с.
4. Литовский государственный исторический архив, Вильнюс. Ф. 703. Оп. 1. Д. 198. Л. 33.
5. ВЗС помощи больным и раненым воинам. Собрание уполномоченных в Москве. М.: Тип. т-ва Рябушинских, 1915. 39 с.
6. Документы и материалы по истории Белоруссии. Том III / под ред. В. Н. Перцева. Минск: Издательство Академии наук БССР, 1953. 1018 с.
7. НИАБ в Гродно. Ф. 87. Оп. 1. Ед. хр. 789. Л. 3.
8. Савицкий Э. М. Революционное движение в Белоруссии (август 1914 – февраль 1917 гг.). Минск: Наука и техника, 1981. 182 с.
9. Еврейская старина. Вып. 4 (1916) / под ред. С. М. Дубнова. СПб., 1916. 142 с.
10. Законодательные акты, вызванные войною 1914–1916 гг.: в 3 т. / сост. Е. И. Авербах. Петроград: Электро-тип. Н. Я. Стойковой, 1915. Т. 2. 846 с.
11. Работа Союза городов на Северо-Западном и Северном фронтах, 1915–1916 гг. / сост. М. С. Коноплева, Г. А. Вяткин. Псков: Тип. А. Б. Неймана, 1917. 291 с.
12. Литовский государственный исторический архив, Вильнюс. Ф. 703. Оп. 1. Д. 198. Л. 25.
13. Советско-польские отношения в 1918–1945 гг.: сб. док.: в 4 т. / под общ. ред. М. М. Наринского, А. В. Мальгина. М.: Аспект Пресс, 2017. Т. 1. 628 с.
14. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 624. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 112–114.
15. Витебский вестник. 1916. 20 октября.
16. Краткий обзор деятельности Всероссийского земского союза на Западном фронте. 1915–1917 гг. М.: Товарищество скоропечатни А. А. Левенсон, 1918. 228 с.
17. Деятельность Областных и местных Военно-промышленных комитетов на 10 февраля 1916 г.: в 2 ч. Петроград: тип. П. П. Гершунина, 1916. Ч. 2. 54 с.
18. Сельскохозяйственная перепись 1916 г. / под общ. ред. Я. С. Артюхова, А. В. Чайнова. М.: Универсальная библиотека, 1918. 24 с.
19. Отчет о состоянии Могилевской губернии за 1913 год. Могилев-на-Днепре: Губ. типография, 1915. 218 с.

References

1. National Historical Archives of Belarus (NHAB) in Grodno. Fund 361. I. 1. U. 26. L. 3
2. *Sel'skokhozyaystvennyye obshchestva v Rossii v 1915 g.* [Agricultural societies in Russia in 1915]. Ed. by V. V. Morachevskiy. Petrograd, V. F. Kirshbaum Publ., 1916. 91 p.
3. *Ekonomika Belorussii v epokhu imperializma (1900–1917)* [Economy of Belorussia in the epoch of imperialism (1900–1917)]. Ed. by G. T. Kovalevskiy. Minsk, Akademiya nauk BSSR Publ., 1963. 424 p.
4. Lithuanian State Historical Archive. Fund 703. I. 1. F. 198.
5. *VZS pomoshchi bolnym i ranenym voynom. Sobraniye upolnomochennykh v Moskve* [VZS of help sick and wounded soldiers. Meeting of authorized in Moscow]. Moscow, T-vo Ryabushinskikh Publ., 1915. 39 p.
6. *Dokumenty i materialy po istorii Belorussii* [Documents and materials on the history of Belarus]. Ed. by V. N. Pertsev. Minsk, Akademiya nauk BSSR Publ., 1953. Vol. 3. 1018 p.
7. National Historical Archives of Belarus (NHAB) in Grodno. Fund 87. I. 1. U. 789. L. 3.
8. Savitskiy E. M. *Revolutsionnoe dvizhenie v Belorussii (avgust 1914 – fevral' 1917 gg.)* [Revolutionary movement in Belorussia (August 1914 – February 1917)]. Minsk, Nauka i tehnika Publ., 1981, 182 p.
9. *Evreyskaya starina* [Jewish old times]. Issue 4 (1916). Ed. by S. M. Dubhov. St. Petersburg, 1916. 142 p.
10. *Zakonodatel'nye akty, vyzvannyye voynoyu 1914–1916 gg.* [Legislative acts caused by the war 1914–1916]. Ed. by E. I. Averbakh. Petrograd, Elektro-tip. N. Ya. Stoykovoy Publ., 1915. Vol. 2. 846 p.

11. *Rabota Soyuzu gorodov na Severo-Zapadnom i Severnom frontakh. 1915–1916 gg.* [The work of the Union of Cities in the North-West and Northern Fronts, 1915–1916]. Ed. by M. S. Konoplyova, G. A. Vyatkin. Pskov, A. B. Neiman Publ., 1917. 291 p.
12. Lituanian State Historical Archive. Fund 703. I. 1. F. 198. L. 25.
13. *Sovetsko-polskiye otnosheniya v 1918–1945 gg.: sb. dok.* [Soviet-Polish relations in 1918–1945: coll. dock.]. Ed. by M. M. Narinskiy, A. B. Malgin. Moscow, Aspect Press, 2017. Vol. 1. 628 p.
14. National Archives of Republic of Belarus (NARB). Fund. 624. I. 1. F. 5. L. 112–114.
15. *Vitebskiy vestnik* [Vitebsk messenger], 1916. October 20.
16. *Kratkiy obzor deyatelnosti Vserossiyskogo zemskogo soyuza na Zapadnom fronte. 1915–1917 gg.* [Short activities overview of the All-Russian territorial union on the Western front. 1915–1917]. Moscow, Tovarischestvo skoropechatni A. A. Levenson Publ., 1918. 228 p.
17. *Deyatel'nost' Oblastnykh i mestnykh Voyenno-promyshlennykh komitetov na 10 fevralya 1916 g.* [The activities of regional and local military industrial committees on February 10, 1916]. Petrograd, P. P. Gershunin Publ., 1916. Part. 2. 54 p.
18. *Selskokhozyaystvennaya perepis' 1916 g.* [Agricultural census 1916]. Ed. by Ya. S. Artyukhov, A. V. Chayanov. Moscow, Universalnaya biblioteka Publ. 1918. 24 p.
19. *Otchet o sostoyanii Mogilevskoy gubernii za 1913 god* [Report on the state of the Mogilev province for 1913]. Mogilyov on the Dneper, Gubernskaya tipografiya Publ., 1915. 218 p.

Информация об авторе

Семенчик Николай Ефимович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Беларуси и политологии. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: polity@bk.ru

Information about the author

Semenchik Nikolai Yefimovich – DSc (History), Professor of the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: polity@bk.ru

Поступила 13.09.2021

УДК 94(476)

І. А. Андарала

Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт

ПЕРАДУМОВЫ СТАНАЎЛЕННЯ ВЫШЭЙШАЙ ЗАВОЧНАЙ ПЕДАГАГІЧНАЙ АДУКАЦЫІ І ЯЕ РАЗВІЦЦЯ Ў БЕЛАРУСІ

У агульнай структуры нацыянальнай сістэмы вышэйшай педагагічнай адукацыі істотнае месца займала і займае завочная падрыхтоўка педагагічных кадраў. Завочная і дзенная формы падрыхтоўкі настаўнікаў з вышэйшай адукацыяй маюць шмат агульнага, і перш за ўсё гэта мэта і змест адукацыі. У той жа час завочнай педагагічнай адукацыі ўласціва і спецыфіка, якая знаходзіць сваё выражэнне ў арганізацыі і методыцы вучэбнага працэсу. За дзевяноста гадоў функцыянавання ў завочнай педагагічнай адукацыі рэспублікі адбыліся значныя змены як у колькасных, так і ў якасных характарыстыках. Істотнае значэнне для разумення і вырашэння існуючых праблем, вызначэння шляхоў далейшага развіцця завочнай падрыхтоўкі настаўнікаў мае вывучэнне адпаведнага гістарычнага вопыту яе станаўлення і развіцця. На жаль, гісторыя вышэйшай завочнай педагагічнай школы Беларусі пакуль што ўсебакова і грунтоўна не даследавана. У дадзеным артыкуле аўтар на аснове вывучэння архіўных крыніц, пераважна раней не апублікаваных, у рэчышчы комплекснага падыходу аналізуе перадумовы станаўлення і развіцця ў рэспубліцы вышэйшай завочнай педагагічнай адукацыі.

Ключавыя словы: адукацыя, школа, педагагічныя кадры, вышэйшая завочная педагагічная адукацыя.

Для цитирования: Андарала І. А. Перадумовы станаўлення вышэйшай завочнай педагагічнай адукацыі і яе развіцця ў Беларусі // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2021. № 2 (251). С. 20–23.

I. A. Andarala

Belarusian State Technological University

PREREQUISITES FOR ESTABLISHING HIGHER CORRESPONDENCE PEDAGOGICAL EDUCATION AND ITS DEVELOPMENT IN BELARUS

In the general structure of the national system of higher pedagogical education a significant place was and is occupied by correspondence training of pedagogical staff. Part-time and full-time forms of teacher training with higher education have much in common and above all it is the purpose and content of education. At the same time, distance pedagogical education is characterized by specificity, which is expressed in the organization and methodology of the educational process. During the ninety years of functioning in the distance pedagogical education of the republic there have been significant changes in both quantitative and qualitative characteristics. It is essential to understand and solve existing problems, determine ways to further develop distance learning teachers is to study the relevant historical experience of its formation and development. Unfortunately, the history of the higher correspondence pedagogical school of Belarus has not been thoroughly and thoroughly researched yet. In this article, the author analyzes the preconditions for the formation and development of higher distance pedagogical education in the republic on the basis of a study of archival sources, mostly previously unpublished.

Key words: education, school, education, school, pedagogical staff, higher part-time pedagogical education.

For citation: Andarala I. A. Prerequisites for establishing higher correspondence pedagogical education and its development in Belarus. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2021, no. 2 (251), pp. 20–23 (In Belarusian).

Уводзіны. Ва ўмовах структурных і змястоўных змен, якія адбываюцца ў школьнай адукацыі нашай краіны, істотна ўзрастаюць патрабаванні да сістэмы падрыхтоўкі педагагічных кадраў у цэлым і завочнай у прыватнасці. На сучасным этапе рэалізацыі Канцэпцыі развіцця педагагічнай адукацыі ў Рэспубліцы Беларусь роля завочнай падрыхтоўкі настаўнікаў не толькі не

змяншаецца, а наадварот, набывае ўсё большую значнасць, выступаючы як падсістэма бесперапыннай педагагічнай адукацыі. Сёння вышэйшая завочная педагагічная адукацыя – гэта не толькі прафесійная адукацыя, але і павышэнне кваліфікацыі настаўнікаў, якія скончылі педагагічныя каледжы і ўжо працуюць у агульнаадукацыйных школах.

Завочную падрыхтоўку педагогічных кадраў у рэспубліцы ажыццяўляюць 4 профільныя і 9 класічных універсітэтаў. Фактычна кожныя двое з пяці будучых настаўнікаў вышэйшай кваліфікацыі з’яўляюцца студэнтамі-завочнікамі.

На жаль, працэс станаўлення і развіцця завочнай вышэйшай педагогічнай адукацыі ў Беларусі не атрымаў свайго ўсебаковага асвятлення ў айчынным навуковай літаратуры.

Асноўная частка. Хуткае развіццё школьнай адукацыі, якое адбывалася ў Беларусі пасля перамогі Кастрычніцкай рэвалюцыі, выключна абвастрыла праблему адсутнасці неабходнай колькасці кваліфікаваных педагогічных кадраў для школ рэспублікі. Каб вырашыць яе, савецкімі ўладамі ў 1918 г. было прынята рашэнне аб рэарганізацыі Віцебскага настаўніцкага інстытута ў педагогічны інстытут, а ў 1919 г. – аб ператварэнні яго ў інстытут народнай адукацыі. У тым жа 1919 г. былі створаны два новыя інстытуты народнай адукацыі – у Магілёве і Гомелі. У 1920 г. да іх далучыўся інстытут народнай адукацыі, які пачаў функцыянаваць у Мінску. Такім чынам, у рэспубліцы быў пакладзены пачатак станаўлення і развіцця сістэмы вышэйшай педагогічнай адукацыі.

Новы этап у развіцці вышэйшай педагогічнай адукацыі, як і ўсёй сістэмы народнай адукацыі Беларусі, быў звязаны з выкананнем Закона «Аб усеагульным абавязковым пачатковым навучанні», які быў прыняты ЦВК і СНК СССР у жніўні 1930 г.

Да 1930 г. педагогічныя кадры з вышэйшай адукацыяй у рэспубліцы рыхтаваў толькі педагогічны факультэт Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Штогод дыпламы настаўнікаў матэматыкі, мовы, літаратуры, фізікі, хіміі, біялогіі, гісторыі, географіі атрымлівалі крыху больш за 300 выпускнікоў. Як правіла, яны накіроўваліся для педагогічнай працы ў тэхнікумы і рабфакі. У масавай школе выпускнікі БДУ практычна не працавалі.

Адсутнасць у рэспубліцы вышэйшых педагогічных вучэбных устаноў адмоўна сказвалася на якасным складзе педагогічных кадраў агульнаадукацыйных школ і стрымлівала развіццё школьнай адукацыі.

Каб забяспечыць масавую школу кваліфікаванымі настаўнікамі, было прынята рашэнне аб адкрыцці ў рэспубліцы з 1 верасня 1930 г. трох інстытутаў з двухгадовым тэрмінам навучання. У Віцебску аднавіў дзейнасць індустрыяльна-педагогічны інстытут, у Гомелі і Магілёве былі створаны аграрна-педагогічныя інстытуты. У 1931 г. падрыхтоўку педагогічных кадраў пачаў ажыццяўляць Мінскі вышэйшы педагогічны інстытут, створаны на базе педагогічнага факультэта БДУ.

Аднак, нягледзячы на дзейнасць БДУ і чатырох педагогічных інстытутаў, вырашыць праблему падрыхтоўкі неабходнай колькасці кваліфікаваных настаўніцкіх кадраў для агульнаадукацыйнай школы праз дзённую форму навучання было немагчыма.

Такім чынам, эканамічныя і сацыякультурныя абставіны, якія склаліся ў рэспубліцы ў пачатку трыццатых гадоў, абумовілі супярэчнасць паміж вострай патрэбай школ рэспублікі ў значнай колькасці кваліфікаваных настаўніцкіх кадраў і немагчымасцю забяспечыць іх падрыхтоўку ў рамках існаваўшай у той час у Беларусі сістэмы вышэйшай педагогічнай адукацыі. У вырашэнні дадзенай супярэчнасці, як паказала практыка РСФСР, істотную ролю магла і павінна была аказаць завочная форма падрыхтоўкі педагогічных кадраў.

Гісторыя завочнай вышэйшай педагогічнай адукацыі ў Беларусі бярэ свой пачатак з 21 лютага 1932 г., калі ў адпаведнасці з пастановай СНК БССР ад 23 мая 1931 г. «Аб сістэме завочнага навучання» [1, с. 3] Народным Камісарыятам асветы рэспублікі было зацверджана «Палажэнне аб завочных сектарах пры ВНУ, педтэхнікумах, рабфаках сістэмы Наркамасветы» [1, с. 5].

Згодна з палажэннем, перад БДУ і ўсімі вышэйшымі педагогічнымі ўстановамі рэспублікі была пастаўлена задача па стварэнні завочных сектараў, якія павінны былі забяспечыць спецыяльную, метадычную падрыхтоўку і павышэнне кваліфікацыі настаўнікаў, якія працавалі ў школе, але не мелі педагогічнай адукацыі.

Улічваючы ўсю складанасць арганізацыйнага перыяду па стварэнні завочнай вышэйшай педагогічнай адукацыі, Калегія Народнага Камісарыята асветы БССР 15 сакавіка 1932 г. прыняла пастанову «Аб правах і ільготах для студэнтаў-завочнікаў». Асноўная мэта пастановы заключалася ў стымуляванні жадання ў працуючых без адпаведнай адукацыі настаўнікаў атрымліваць вышэйшую педагогічную адукацыю на завочных сектарах педагогічных інстытутаў [1, с. 11].

У адпаведнасці з прынятай пастановай, выпускнікі-завочнікі, поўнаасцю выканаўшыя вучэбны план завочнага сектара, прыраўноўваліся ў сваіх правах да выпускнікоў, якія скончылі стацыянарныя аддзяленні інстытутаў.

Арганізацыйнаму станаўленню сістэмы завочнай вышэйшай педагогічнай адукацыі таксама садзейнічала прынятае 9 мая 1932 г. пастанова СНК БССР № 243 «Аб дадатковым водпуску студэнтам-завочнікам» [1, с. 12]. Згодна з вышэйназванай пастановай, дырэктары школ абавязаны былі даваць студэнтам-завочнікам на перыяд сесіі дадатковы водпуск працягласцю да 12 працоўных дзён з захаваннем заробтнай платы.

Першым у 1932 г. пачаў функцыянаваць завочны сектар Мінскага вышэйшага педагагічнага інстытута. У 1932/33 вучэбным годзе агульная колькасць студэнтаў завочнага сектара інстытута складала 757 чалавек (сацыяльна-эканамічны факультэт – 267, літаратурна-лінгвістычны – 302 і педолага-педагагічны – 188) [2, с. 50].

БССР адной з першых сярод саюзных рэспублік завяршыла пераход на ўсеагульнае пачатковае навучанне. Гэта дазволіла СНК БССР прыняць 2 жніўня 1932 г. пастанову, якая абавязвала «ўвесці з 1932/33 вучэбнага года ўсеагульнае абавязковае навучанне ў аб'ёме сямігадовай школы для ўсіх дзяцей, якія завяршаюць першы канцэнтр (4 групу), а таксама дзяцей, якія ў цяперашні час навучаюцца ў старшым канцэнтры сямігадовай школы» [3, с. 137–138].

У лістападзе гэтага ж года IV пленум ЦК КП(б) Беларусі абмеркаваў пытанне аб рэарганізацыі сеткі школ, адзначыў незадавальняючы тэмпы па развіцці сямігадовых школ, асабліва ў сельскай мясцовасці, і запатрабаваў актывізаваць гэты працэс. Наркамсветы і Дзяржплану БССР было даручана з мэтай падрыхтоўкі кантынгенту для ВНУ распрацаваць план рэарганізацыі сямігадовых школ у сярэднія (у першаю чаргу ў прамысловых цэнтрах і буйных сельскіх населеных пунктах).

Ва ўмовах пашырэння сеткі сямігадовых школ, а пачынаючы з 1932/33 вучэбнага года і сярэдніх школ, праблема падрыхтоўкі настаўнікаў з вышэйшай педагагічнай адукацыяй значна абвастралася. Адной з мер па вырашэнні гэтай праблемы стала ператварэнне ў 1933 г. Віцебскага індустрыяльна-педагагічнага інстытута, Гомельскага і Магілёўскага аграрна-педагагічных інстытутаў у педагагічныя інстытуты з 4-гадовым тэрмінам навучання.

Пачынаючы з 1933/34 вучэбнага года завочныя сектары сталі функцыянаваць пры дванаццаці факультэтах усіх чатырох педагагічных інстытутаў і Беларускам дзяржаўным універсітэце.

Як сведчаць архіўныя матэрыялы, у першыя гады свайго функцыянавання завочныя сектары педагагічных інстытутаў адчувалі значныя складанасці: практычна адсутнічалі вучэбныя праграмы, падручнікі і вучэбныя дапаможнікі для студэнтаў-завочнікаў, адчуваўся востры дэфіцыт вучэбных плошчаў у час залікова-лабараторных сесій, не хапала штатных выкладчыкаў.

Трэба адзначыць, што нягледзячы на прынятыя СНК БССР і Наркамсветы рэспублікі пастановы, меўшыя сваёй мэтай стымуляваць жаданне настаўнікаў атрымаць адпаведную адукацыю без адрыву ад педагагічнай працы ў школе, тлумачальную і агітацыйную дзейнасць педагагічных інстытутаў, аддзелаў адукацыі на месцах, станаўленне завочнай вышэйшай педагагічнай адукацыі ў рэспубліцы праходзіла выключна складана і марудна. Пацверджаннем гэтаму з'яўляецца той факт, што планы выпуску дыпламаваных спецыялістаў завочнымі сектарамі педагагічных інстытутаў штогод не выконваліся. Так, завочным сектарам пры Мінскім вышэйшым педагагічным інстытуце з 1932 г. (год стварэння) і да 1937 г. уключна было прынята 2472 чалавекі, а выпушчаны за гэты час з дыпламам настаўніка толькі 141 чалавек [4, с. 87].

СНК БССР і ЦК КП(б)Б, разгледзеўшы 29 мая 1936 г. пытанне аб забеспячэнні школ рэспублікі педагагічнымі кадрамі, у сваёй пастанове «Аб мерапрыемствах па павышэнні адукацыі настаўнікаў» адзначылі, што «...завочнае навучанне настаўнікаў пастаўлена незадавальняюча» і абавязалі Наркамсветы ажыццявіць мерапрыемствы па ахопе абавязковай вучобай настаўнікаў, не меўшых адпаведнай педагагічнай адукацыі [3, с. 249].

Станаўленне вышэйшай завочнай педагагічнай адукацыі ў Беларусі ў 30-х гг. XX ст. з'яўлялася прамым адлюстраваннем сацыяльна-палітычных падзей, якія вызначалі дзяржаўную школьную палітыку ў рэспубліцы.

Заклучэнне. Гісторыка-педагагічны аналіз працэсу станаўлення і развіцця завочнай формы падрыхтоўкі настаўнікаў у педагагічных інстытутах дае падставу заключыць, што яна была прыярытэтнай сферай у адукацыйнай палітыцы партыйна-савецкага кіраўніцтва рэспублікі. Аднак, як сведчаць матэрыялы архіўных дакументаў, станаўленне вышэйшай завочнай педагагічнай адукацыі адбывалася выключна марудна. Асноўнымі стрымліваючымі фактарамі, на нашу думку, былі: адсутнасць у значнай часткі працуючых настаўнікаў рэспублікі жадання завочна атрымаць педагагічную спецыяльнасць; незадавальняючае вучэбна-метадычнае забеспячэнне студэнтаў у сесійны перыяд; недасканаласць форм і метадаў завочнага навучання, якія выкарыстоўваліся педагагічнымі інстытутамі ў пачатку 1930-х гг.

Спіс літаратуры

1. Зборнік матэрыялаў па педагагічным завочным навучанні ў БССР. Мінск: Вучпедсектар ДВБ. Друк. імя Сталіна, 1932. 28 с.
2. Минский орден Трудового Красного Знамени государственной педагогический институт им. А. М. Горького (1922–1972). Минск: Выш. шк., 1974. 349 с.
3. Народное образование в БССР: сб. док. и материалов: в 2 т. Т. 2. 1928–1941 гг. Минск: Нар. асвета, 1980. 462 с.

4. Дрозд Л. Н. Развитие средней общеобразовательной школы в Белоруссии 1917–1941. Минск: Нар. асвета, 1986. 160 с.

References

1. *Zbornik materyyalau pa pedagogichnym zavochnym navuchanni u BSSR* [Collection of materials on pedagogical distance learning in the BSSR]. Minsk, Vuchpedsektar DVB. Druk. imya Stalina Publ., 1932. 28 p.

2. *Minskiy orden Trudovogo Krasnogo Znameni gosudarstvennyy pedagogicheskiy institut im. A. M. Gor'kogo (1922–1972)* [Minsk Order of the Red Banner of Labor State Pedagogical Institute named after A. M. Gorky (1922–1972)]. Minsk, Vysh. shk. Publ., 1974. 349 p.

3. *Narodnoe obrazovanie v BSSR: sb. dok. i materialov. T. 2. 1928–1941* [Public education in the BSSR. Vol. 2. 1928–1941]. Minsk, Nar. asveta. Publ., 1980. 462 p.

4. Drozd L. N. *Razvitiye sredney obshcheobrazovatel'noy shkoly v Belorussii 1917–1941* [Development of secondary general education school in Belarus 1917–1941]. Minsk, Nar. asveta Publ., 1986. 160 p.

Інфармацыя пра аўтара

Андарала Ігар Аляксандравіч – кандыдат педагагічных навук, дацэнт, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі і паліталогіі. Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт (220006, г. Мінск, вул. Свядлова, 13а, Рэспубліка Беларусь). E-mail: aia1106@mail.ru

Information about the author

Andarala Igar Alyaksandravich – PhD (Pedagogics), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: aia1106@mail.ru

Паступіў 10.09.2021

УДК 331.556.4(8=6)

В. У. Коваль

Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт

**ЭКАНАМІЧНАЯ ЭМІГРАЦЫЯ БЕЛАРУСАЎ
У БРАЗІЛІЮ, ПАРАГВАЙ, УРУГВАЙ (1918–1939 ГГ.)**

У артыкуле аналізуецца інтэнсіўнасць беларускай эміграцыйнай хвалі ў Бразілію, Парагвай, Уругвай у міжваенны перыяд. Сусветны эканамічны крызіс аказаў негатыўны ўплыў на маштабы эміграцыі. Найлепшым кан'юнктурным момантам для эміграцыі ў Бразілію сталі 1920-я гг. Асноўным экспартным прадуктам Бразіліі была кава, таму значная частка беларускіх эмігрантаў атрымала працу на кававых плантацыях. Парагвай адрозніваўся найбольш ліберальным эміграцыйным заканадаўствам сярод краін Лацінскай Амерыкі. Неспрыяльным перыядам для эміграцыі ў Парагвай стала Чакская вайна. Уругвай быў альтэрнатыўнай краінай для тых, хто не змог выехаць у Аргенціну ці Бразілію. Эканамічныя беларускія эмігранты не мелі арганізацыйнага вопыту, таму іх грамадская і палітычная актыўнасць была невысокай. Сваёй актыўнай грамадскай працай вызначыліся Беларуска-ўкраінская рабочая арганізацыя «Асвета» (Бразілія) і Культурны цэнтр імя Т. Шаўчэнкі (Уругвай). Міжваенная эміграцыйная хваля складалася з жыхароў Заходняй Беларусі, якая з 1921 па 1939 гг. была ў складзе Польшчы. Эміграцыйныя працэсы ў Польшчы і маштабы эміграцыі беларусаў кантралявалі Эміграцыйнае ўпраўленне, Міністэрства працы і сацыяльнага забеспячэння, Эміграцыйны сіндыкат, Міністэрства замежных спраў.

Ключавыя словы: беларуская дыяспара, беларуская эміграцыя, эміграцыйная хваля, Бразілія, Парагвай, Уругвай, сусветны эканамічны крызіс.

Для цытавання: Коваль В. У. Эканамічная эміграцыя беларусаў у Бразілію, Парагвай, Уругвай (1918–1939 гг.) // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2021. № 2 (251). С. 24–28.

V. U. Koval

Belarusian State Technological University

**THE ECONOMIC EMIGRATION OF THE BELARUSIANS
TO BRAZIL, PARAGUAY, URUGUAY (1918–1939)**

The article analyzes the intensity of the Belarusian emigration wave to Brazil, Paraguay, Uruguay during the interwar period. The world economic crisis had the negative impact on the emigration scale. The best time for the emigration to Brazil was the 1920s. The main export product of Brazil was coffee, so many Belarusian emigrants worked at the coffee plantations. Paraguay has had the most liberal emigration laws among Latin American countries. The Chaco War was an unfavorable period for the emigration to Paraguay. Uruguay became the alternative country for those emigrants who were unable to enter Argentina and Brazil. The economic Belarusian emigrants didn't have the organizational experience, so their social and political activity was weak. The Belarusian-Ukrainian labor organization "Asveta" (Brazil) and the Cultural Center named after T. Shevchenko (Uruguay) carried out the active social work. During the interwar period the emigration wave consisted of the population of Western Belarus as a part of Poland from 1921 to 1939. The Emigration bureau, Ministry of Labor and Social Protection, the Emigration syndicate, Ministry of Foreign Affairs controlled the intensity of the emigration processes in Poland and the scale of the Belarusian emigration.

Key words: Belarusian diaspora, Belarusian emigration, emigration wave, Brazil, Paraguay, Uruguay, world economic crisis.

For citation: Koval V. U. The economic emigration of the Belarusians to Brazil, Paraguay, Uruguay (1918–1939). *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2021, no. 2 (251), pp. 24–28 (In Belarusian).

Уводзіны. Даследчыкі гісторыі беларускага замежжа пры аналізе эміграцыйнай міжваеннай хвалі ў краіны Лацінскай Амерыкі значную ўвагу надаюць Аргенціне, што абумоўлена там дзейнасцю самай колькаснай і актыўнай нацыянальнай дыяспары. Фактычна па-за ўвагай спецыялістаў застаюцца дыяспаральныя працэсы ў

Бразіліі, Парагваі і Уругваі. Асноўнай мэтай даследавання з'яўляецца вывучэнне і аналіз эміграцыйнай міжваеннай хвалі беларусаў у такія атлантычныя рэспублікі, як Бразілія, Парагвай і Уругвай.

Асноўная частка. Для фарміравання масавай эміграцыйнай хвалі выключнае значэнне

мела палітыка краін-рэцыпіентаў, якая аказвала непасрэдны ўплыў на інтэнсіўнасць руху, фарміравала геаграфічны накірунак і рэгулявала сацыяльны склад эмігрантаў. Краіны Лацінскай Амерыкі вылучаліся адносна ліберальным эміграцыйным заканадаўствам. Высокія кошты на карабельныя квіткі абмяжоўвалі рост эканамічнай хвалі эміграцыі з Еўропы, аднак магчымасці атрымаць крэдыт на падарожжа і рэклама агентаў мараплаўных кампаній стымулявалі эміграцыю.

Асноўная маса беларускіх эмігрантаў у міжваенны перыяд была зыхарамі Заходняй Беларусі, якая з 1921 па 1939 гг. уваходзіла ў склад Другой Рэчы Паспалітай. Маштабы эміграцыйнай хвалі ў краіны Лацінскай Амерыкі як айчынныя, так і замежныя даследчыкі вызначаюць недакладна. Складана вылучыць колькасць беларускіх эмігрантаў у агульнай эміграцыйнай хвалі, бо асобы мелі афіцыйныя польскія дакументы. Беларускія эмігранты паходзілі з тэрыторыі Віленскага, Беластоцкага, Навагрудскага і Палескага ваяводстваў. Большасць беларусаў былі праваслаўнымі. Польскія статыстычныя крыніцы дазваляюць рабіць аналіз эміграцыйнага руху, абапіраючыся ў асноўным на веравызнанне эмігрантаў.

Дзяржаўны апарат Другой Рэчы Паспалітай імкнуўся кантраляваць інтэнсіўнасць эміграцыйнай хвалі. Пытанніямі эміграцыі непасрэдна займаліся Міністэрства працы і сацыяльнага забеспячэння і Міністэрства замежных спраў. Асноўным дзяржаўным органам эміграцыйнага апарату стала Эміграцыйнае ўпраўленне пры Міністэрстве працы і сацыяльнага забеспячэння, створанае ў красавіку 1920 г. распараджэннем Кабінета міністраў [1, с. 114]. Эміграцыйнае ўпраўленне ажыццяўляла кантроль над рэкрутацыяй асоб, аналізавала эміграцыйную кан'юнктуру, рыхтавала распараджэнні пра ўмовы эміграцыі, аказвала дапамогу эмігрантам у час падарожжа, вырашала праблемы рээміграцыі.

У 1930-я гг. была праведзена рэарганізацыя дзяржаўных органаў, якія займаліся пытаннямі эміграцыі. Для аналізу і кантролю маштабаў перасяленняў была створана Міжміністраўская эміграцыйная камісія, дзе рашаючы голас мелі прадстаўнікі Міністэрства замежных спраў. Эміграцыйны сіндыкат фактычна манапалізаваў рэкрутацыю эмігрантаў у 1930-я гг. Сіндыкат з'яўляўся таварыствам з абмежаванай адказнасцю, асноўнымі задачамі якога былі інфармаванне насельніцтва пра ўмовы эміграцыі, аказанне дапамогі пры афармленні неабходных дакументаў, уладжванне фармальнасцяў, звязаных з выездам, дапамога эмігрантам у час падарожжа [1, с. 115]. Таварыства было зацікаўлена ў пашырэнні маштабаў эміграцыі ў краіны Паўночнай і Паўднёвай Амерыкі, бо сіндыкат атрымоўваў значныя прыбыткі ад продажу карабельных карт.

Краіны Лацінскай Амерыкі імкнуліся прыводзіць адбор эмігрантаў з Еўропы. Крытэрыі адбору дакладна пазначаліся ў законе «Аб эміграцыі» і законе «Аб замежніках», дзе падкрэслівалася, што «непажаданымі замежнікамі» з'яўляюцца эмігранты, старэйшыя за 60 год, асобы з крмінальным мінулым, без сродкаў на існаванне, без прафесіі, інваліды і г. д. [2, с. 54]. На падобную эміграцыйную заканадаўчую базу абапіралася Бразілія і Уругвай.

Бразільскі ўрад стымуляваў еўрапейскую эміграцыю з мэтай паслаблення эканамічнага і палітычнага панавання партугальскага элемента ў дзяржаве. У 1920-я гг. выдаваліся субсідыі для эмігрантаў пры ўмове выплаты сум з будучых заробкаў. На востраве Кветак у Рыа-дэ-Жанейра ў першыя дні знаходжання ў Бразіліі эмігрантаў бясплатна кармілі. Беларусы кампактна пражывалі ў штатах Парана, Рыу-Гранды-ду-Сул, Рыа-дэ-Жанейра, Санта-Катарына, Мінас-Жэрайс, Сан-Паулу.

Польскі гісторык Е. Мазурэк ацэньвае эміграцыйную хвалю ў Бразілію міжваеннага дваццацігоддзя ў памеры 41 тыс. чалавек [3, с. 63]. Можна выказаць меркаванне, што прыблізна чвэрць ад агульнай лічбы складалі беларусы. Беларуская даследчыца В. М. Мярчук лічыць, што з 1926 па 1938 гг. у Бразілію выехала 6480 чалавек з тэрыторыі Беластоцкага, Віленскага, Навагрудскага і Палескага ваяводстваў [4, с. 56]. Колькасныя ацэнкі маштабаў эміграцыі маюць недакладны характар, аднак фактычна ўсе беларускія эмігранты перасяляліся ў Бразілію па эканамічных прычынах.

Асноўным экспартным прадуктам Бразіліі была кава. Эканамічнае панаванне штата Сан-Паулу тлумачылася дамінуючымі пазіцыямі вытворцаў кавы ў краіне. Эканоміка Бразіліі фактычна была монакультурнай, бо нацыянальнымі галінамі стала вытворчасць кавы і здабыча мінералаў. Любыя змены коштаў на каву адразу адлюстроўваліся на Бразіліі, у 1920-я гг. назіралася відавочная залежнасць дзяржавы ад экспарту. У штаце Сан-Паулу па прычыне недахопу рабочых рук на плантацыях кавы ўпершыню пачалі шырока рэалізоўваць праграму фінансавання карабельных квіткаў з Еўропы ў Бразілію, што значна актывізавала эміграцыю.

Сусветны эканамічны крызіс моцна закрануў Бразілію па прычыне катастрафічнага скарачэння попыту на каву. Нягледзячы на падзенне коштаў, вытворцы кавы працягнулі пашыраць плошчы культуры. Гэта сітуацыя прывяла да велізарных лішкаў кавы. Бразільскі ўрад, каб выратаваць сваю эканоміку, прымуціў вытворцаў ліквідаваць празмернасць кавы. Больш за 80 млн. мяшкоў кавы было спалена і выкінута ў акіян, што ў 2 разы перавышала яе сусветнае

ўжыванне [5, с. 2]. Беларуская віленская прэса жыва адгукнулася на факты знішчэння кавы ў Бразіліі: «А тое масавае паленне кавы, кукурузы, цукру на вялізарных плянтацыях прамысловых “каралёў” Паўдзённай Амэрыкі, якое адбываецца штогодна, каб ... ня знізіць цэнаў на гэтыя вырабы, усе гэта зьявішча таго-ж парадку» [6, с. 5]. Абурэнне сялян ў прэсе ў дачыненні бразільскага ўраду было шчырым. Яны не разумелі, што палітыка выратавання кававай справы стрымлівала развіццё прамысловасці, лясной распадаркі, жывёлагадоўлі Бразіліі. Глыбокае расчараванне беларускіх эмігрантаў, якія займаліся апрацоўкай кававых плантацый, аказала негатыўны ўплыў на іх эмацыянальны стан у перыяд сацыяльна-псіхалагічнай адаптацыі.

Найлепшым кан’юнктурным момантам для міжваеннай эміграцыі ў Бразілію сталі 1920-я гг. Пікавы перыяд росту колькасці эмігрантаў ў Бразілію быў з 1924 па 1929 гг. Асаблівасцю эканамічнай эміграцыйнай хвалі ў Бразілію было тое, што ўрад стымуляваў пераезд у краіну сем’ямі. Падлеткі мелі права працаваць на плантацыях кавы з 13-гадовага ўзросту. Большасць беларусаў у Бразіліі былі сельскагаспадарчымі работнікамі. Сяляне не маглі вырошчваць традыцыйныя еўрапейскія культуры ва ўмовах субтропікаў. Жыта і пшаніцу ў Бразіліі знішчаў збожжавы шкоднік (даўганосік). Беларусы былі вымушаны пераарыентавацца на вырошчванне мясцовых сельскагаспадарчых культур: рыс, чорная фасоль, маніёк і інш.

Сусветны эканамічны крызіс прывёў да крушэння знешніх рынкаў збыту, да сацыяльнай напружанасці, выкліканай высокім беспрацоўем. Рэформы ўраду Ж. Варгаса ў 1930-я гг. дазволілі паставіць пад кантроль кававую алігархію краіны. Улады Бразіліі на заканадаўчым узроўні пачалі стрымліваць эміграцыю. 14 снежня 1930 г. Бразілія забараніла высадку ў сваіх партах пасажыраў III класа, якія не мелі ні кантракта, ні запрашэння да бліжэйшых сваякоў, ні дамовы з пэўным каланізацыйным таварыствам [7, с. 386]. У 1934 г. парламент Бразіліі ўвёў максімальныя гадавыя квоты для эмігрантаў розных нацый (па прыкладу заканадаўства ЗША). У 1936 г. быў уведзены эміграцыйны закон, які прадугледжваў гадавыя квоты ў памеры 2% ад колькасці эмігрантаў з пэўнай краіны за папярэдняе 50-годдзе (для Польшчы квота складала каля 2000 чалавек у год, а ў 1938 г. квоту паменшылі да 1230 чалавек) [8, с. 136]. Увядзенне квот значна скараціла маштабы эканамічнай эміграцыі з Польшчы.

Масавая эміграцыя ў Парагвай з тэрыторыі Другой Рэчы Паспалітай пачалася ў канцы 1920-х гг. Парагвай адрозніваўся самым ліберальным эміграцыйным заканадаўствам сярод краін Лацінскай

Амерыкі. Нягледзячы на тое, што прыбыткі ў сельскай гаспадарцы былі невысокімі, урад фактычна не ўводзіў абмежаванняў для эмігрантаў. Пра пачатак эміграцыйнай хвалі ў Парагвай сучасны польскі гісторык Е. Мазурэк піша наступнае: «Гэта былі невялікія групы, акрамя таго, большасць эмігрантаў з’яўлялася ўкраінцамі па нацыянальнасці з польскім грамадзянствам. Яны сяліліся, галоўным чынам, у калоніі Фрам, што займала тэрыторыю каля 70 тысяч гектараў ураджайнай зямлі, якую перасякала рака Такуары» [9, с. 108]. Эмігранты ў Парагваі кампактна рассяліліся ў дэпартаменты Каасапа і Альта-Парана, а таксама ў акрузе горада Энкарнасьон, які знаходзіцца на рацэ Парана каля паррагвайска-аргенцінскай мяжы.

Е. Мазурэк у сваёй манаграфіі пры аналізе эканамічнай эміграцыі ў Парагвай пазначае: «Малы статыстычны штогоднік сведчыць, што з Польшчы ў Парагвай з 1927 па 1938 г. выехала болей за 12 000 чалавек, з якіх сваё праваслаўнае веравызнанне задэкларавала 8.800 чалавек, што складае 73,4% ад агульнай лічбы эмігрантаў» [9, с. 109]. Большасць праваслаўных эмігрантаў былі беларусамі і ўкраінцамі з тэрыторыі Заходняй Беларусі і Заходняй Украіны. Можна зрабіць выснову, што асноўную частку эміграцыйнай міжваеннай хвалі ў Парагвай складаў няпольскі элемент.

Адметнасцю эміграцыі ў Парагвай у 1930-я гг. стаў неспрыяльны кан’юнктурны момант, звязаны з Чакскай вайной. З 1932 г. Парагвай удзельнічаў у ваенных дзеяннях з Балівіяй за вобласць Чака. Нягледзячы на тое, што перамер’е было заключана ў чэрвені 1935 г., баявыя дзеянні працягваліся да 1936 г. У перыяд вайны спыніўся масавы рух эканамічных эмігрантаў у Парагвай, аднак яны востра спатрэбіліся дзяржаве для аднаўлення эканомікі ў пасляваенны час. Урад разлічваў, што патэнцыяльны працоўны рэсурс з ліку эмігрантаў паспрыяе гаспадарчаму аднаўленню, таму 16 лістапада 1936 г. быў прыняты дэкрэт, згодна якому эмігранты з Польшчы атрымалі грамадскія правы, а таксама шэраг іншых палёгак, сярод якіх вызваленне ад зямельнага падатку тэрмінам на 5 год [9, с. 108]. Эмігранты ў Парагваі таксама мелі права на бясплатнае медыцынскае абслугоўванне і магчымасць адукацыі на роднай мове, таму ў калоніях перасяленцаў ствараліся нацыянальныя школы.

У канцы 1930-х гг. эмігранты пагаджаліся ехаць у Парагвай таму, што не мелі магчымасці перасяліцца ў іншыя краіны Лацінскай Амерыкі. Агенты карабельных кампаній разумелі сітуацыю, таму лёгка давалі сялянам нерэальныя абяцанні пра бясплатнае харчаванне ў Парагваі і высокія заробкі. Першапачатковая сацыяльна-псіхалагічная адаптацыя эмігрантаў праходзіла складана па прычыне пачуцця расчаравання

ўмовамі пражывання ў Парагваі. Успаміны эмігрантаў сведчаць наступнае: «У Парагваі ім выдзелілі вялізную колькасць зямлі, кажучы: “Бярыце, матэце, колькі зможаце вырубіць, уся зямля будзе ваша”. Яны знайшлі тых людзей, выявы якіх былі на агітацыйных фатаграфіях. І выявілася, што гэтыя людзі жылі ў бядноце, а за фатаграфаванне ім паабяцалі шмат грошай» [10, с. 8]. Сялянам было складана падстройвацца пад новую сістэму вядзення сельскай гаспадаркі ў іншых кліматычных умовах.

Эмігранты ехалі ва Уругвай у 1920-я гг., калі можна было ўладкавацца ў харчовай прамысловасці ці на будоўлі. У 1930-я гг. прырост калоній быў абумоўлены як натуральным дэмаграфічным фактарам, так і перасяленнем некаторых асоб з іншых краін Лацінскай Амерыкі. Эміграцыя ва Уругвай не стала пашыранай сярод жыхароў Другой Рэчы Паспалітай па прычыне невысокай аплаты працы. Уругвай быў альтэрнатыўнай краінай для тых, хто не здолеў выехаць у Аргенціну ці Бразілію, аднак пры першай жа магчымасці асобы імкнуліся туды перасяліцца.

Эканамічныя эмігранты не мелі вопыту арганізацыйнай працы, чым можна патлумачыць іх слабую грамадскую дзейнасць у Бразіліі, Парагваі і Уругваі. Адною з асноўных гістарычных крыніц пра мерапрыемствы беларускіх эмігранцкіх арганізацый стала міжваенная перыёдыка. На старонках газет і часопісаў вельмі рэдка публікаваўся матэрыял пра дзейнасць беларусаў у краінах Лацінскай Амерыкі.

Пра нацыянальную супольнасць у Бразіліі прэса пачала пісаць з нагоды палітычнай справы і вынясення прысуду над Б. Тарашкевічам. Беларуская моўная газета ў Берліне «Барацьба» (1933, № 2) акрэсліла пазіцыю Цэнтральнага камітэта беларуска-ўкраінскай рабочай арганізацыі «Асвета», якая дзейнічала ў г. Порту-Алегры (Бразілія), наступным чынам: «Мы Беларусы і Украінцы, згуртаваныя каля свае работніцкай арганізацыі “Асвета” ў Порто-Алегрэ энергічна пратэстуем

проціў новай судовай камедыі над правадыром беларускіх працоўных мас і над арганізатарам беларускай стотысячнай арганізацыі “Грамады” – Б. Тарашкевічам» [11]. На матэрыял беларусаў у Германіі хутка адгукнулася віленская прэса, газета «Родны край» апублікавала інфармацыю: «Сярод беларускае работніцкае эміграцыі, згуртаванае ў Портэ-Алегрэ пры таварыстве “Асвета”, прысуд над Тарашкевічам выклікае усхваляванне, што, як падае бэрлінская “Барацьба”, выявілася ў адпаведнай рэзалюцыі» [12, с. 6]. Газетныя нататкі не толькі зафіксавалі палітычную актыўнасць беларускіх эмігрантаў у г. Порту-Алегры, але і прадэманстравалі ўзаемасувязі беларускай дыяспары Бразіліі з беларусамі Германіі, а таксама рэгулярныя кантакты эмігрантаў з метраполіяй.

Арганізацыя «Асвета» ў Бразіліі была міжнароднай, аснову яе складалі беларусы і ўкраінцы. Падобная практыка грамадскіх аб’яднанняў была дастаткова распаўсюджанай для краін Лацінскай Амерыкі. Вядучая расійская даследчыца гісторыі эміграцыі ў лацінаамерыканскіх краінах М. М. Масейкіна ў сваёй манаграфіі ўзгадвае пра Культурны цэнтр імя Т. Шаўчэнкі, створаны ў 1927 г. у г. Монтэвідэа, які шырока супрацоўнічаў з савецкім пасольствам ва Уругваі [13, с. 131]. Цэнтр таксама ўяўляў сабой міжнародны праект, арганізацыяй яго дзейнасці займаліся рускія, украінцы і беларусы ва Уругваі.

Заклучэнне. Такім чынам, у міжваенны перыяд былі створаны польскія дзяржаўныя органы, якія ажыццяўлялі кантроль за эміграцыйнымі працэсамі з тэрыторыі Заходняй Беларусі. Большасць беларусаў у Бразіліі і Парагваі былі сельскагаспадарчымі работнікамі, а эмігранты ва Уругваі імкнуліся ўладкавацца ў прамысловасці. Сусветны эканамічны крызіс прымусіў урады лацінаамерыканскіх краін на заканадаўчым узроўні абмежаваць эміграцыю. Палітычная актыўнасць беларусаў у Бразіліі, Парагваі і Уругваі была слабой, пра што сведчыць міжваенная перыёдыка.

Спіс літаратуры

1. Reczyńska A. Emigracja z Polski do Kanady w okresie międzywojennym. Wrocław [etc.]: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1986. 223 s.
2. Schwarz T. Políticas de inmigración en América Latina: el extranjero indeseable en las normas nacionales, de la Independencia hasta los años de 1930 // Procesos. Revista Ecuatoriana de Historia. 2012. № 36. P. 39–72.
3. Mazurek J. Kraj a emigracja. Ruch ludowy wobec wychodźstwa chłopskiego do krajów Ameryki Łacińskiej (do 1939 roku). Warszawa: Instytut Studiów Iberyjskich i Iberoamerykańskich Uniwersytetu Warszawskiego, 2006. 528 s.
4. Мярчук В. М. Эканамічная эміграцыя заходнебеларускага насельніцтва ў Бразілію ў 1921–1939 гг. // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. 2013. № 1. С. 52–64.
5. Zappino J. S. Inmigración y orígenes de la industrialización en Brasil 1870–1954 // ResearchGate. December 2009. URL: <https://www.researchgate.net/publication/334573531> (дата обращения: 14.05.2021).
6. Калі і хто зрабіў найкарысьнейшыя вынаходы // Родны край. 1933. № 1. С. 5.

7. Janowska H. Emigracja z Polski w latach 1918–1939 // Emigracja z ziem polskich w czasach nowożytnych i najnowszych (XVIII–XX w.). Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1984. S. 326–450.
8. Brożek A. Polityka imigracyjna w państwach docelowych emigracji polskiej (1850–1939) // Emigracja z ziem polskich w czasach nowożytnych i najnowszych (XVIII–XX w.). Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1984. S. 120–140.
9. Mazurek J. Kraj a emigracja. Ruch ludowy wobec wychodźstwa chłopskiego do krajów Ameryki Łacińskiej (do 1939 roku). Warszawa: Instytut Studiów Iberyjskich i Iberoamerykańskich Uniwersytetu Warszawskiego, 2006. 528 s.
10. Шабельцев С. В. Иммигранты-чакареро из II Речи Посполитой в Аргентине и Парагвае. Воспоминания белорусов и украинцев. Минск: РИВШ, 2011. 94 с.
11. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. Фонд 458. Воп. 1. Спр. 182. Арк. 9 зв.
12. У Бразіліі // Родны край. 1933. № 6. С. 6.
13. Мосейкина М. Н. «Рассеяны, но не расторгнуты»: русская эмиграция в странах Латинской Америки в 1920–1960 гг. М.: РУДН, 2011. 384 с.

References

1. Rechynska A. *Emigracja z Polski do Kanady w okresie międzywojennym* [The emigration from Poland to Canada during the interwar period]. Wrocław [etc.], Polish Academy of Sciences Publ., 1986. 223 p.
2. Schwarz T. Emigration policy of Latin America: the unwanted foreigner for the nation, from the independence to the 1930s. *Procesos. Revista Ecuatoriana de Historia* [Processes. Ecuadorian History Journal], 2012, no. 36, pp. 39–72 (In Spanish).
3. Mazurek J. *Kraj a emigracja. Ruch ludowy wobec wychodźstwa chłopskiego do krajów Ameryki Łacińskiej (do 1939 roku)* [State and emigration. The national movement and the peasant emigration to Latin American countries (before 1939)]. Warsaw, Institute of Iberian and Iberoamerican Studies Publ., 2006. 528 p.
4. Miarchuk V. M. The economic emigration of the West Belarusian population to Brazil in 1921–1939. *Vesnik Brestskaga universiteta* [Bulletin of the Brest University], 2013, no. 1, pp. 52–64 (In Belarusian).
5. Schwarz T. Emigration policy of Latin America: the unwanted foreigner for the nation, from the independence to the 1930s. *Procesos. Revista Ecuatoriana de Historia* [Processes. Ecuadorian History Journal], 2012, no. 36, pp. 39–72 (In Spanish).
6. When and who made the most important discoveries. *Rodnyi kray* [The Native Land], 1933, no. 1, p. 5 (In Belarusian).
7. Janovska H. Emigration from Poland in the years 1918–1939. *Emigracja z ziem polskich w czasach nowożytnych i najnowszych (XVIII–XX w.)* [The emigration from Polish territories during the modern and contemporary times (since 18th century until 20th century)]. Warsaw, State Scientific Publ., 1984, pp. 326–450 (In Polish).
8. Brożek A. The immigrational policy in the target countries of Polish emigration (1850–1939). *Emigracja z ziem polskich w czasach nowożytnych i najnowszych (XVIII–XX w.)* [The emigration from Polish territories during the modern and contemporary times (since 18th century until 20th century)]. Warsaw, State Scientific Publ., 1984, pp. 120–140 (In Polish).
9. Mazurek J. *Kraj a emigracja. Ruch ludowy wobec wychodźstwa chłopskiego do krajów Ameryki Łacińskiej (do 1939 roku)* [State and emigration. The national movement and the peasant emigration to Latin American countries (before 1939)]. Warsaw, Institute of Iberian and Iberoamerican Studies Publ., 2006. 528 p.
10. Shabelcev S. V. *Immigranty-chakarero iz II Rechi Pospolitoj v Argentine i Paragvaye. Vospominaniya belorusov i ukraintsev* [Chacarero immigrants from the Polish-Lithuanian Commonwealth in Argentina and Paraguay. Memoirs of the Belarusians and the Ukrainians]. Minsk, RIHS Publ., 2011. 94 p.
11. National Archives of the Republic of Belarus. Fund 458. I. 1. F. 182. L. 9.
12. In Brazil. *Rodnyi kray* [The Native Land], 1933, no. 6, p. 6 (In Belarusian).
13. Moseikina M. N. “*Rassejany no ne rastorgnuty*”: *russskaya emigratsiya v stranakh Latinskoy Ameriki* [“Dispersed but not disunited”: Russian emigration in Latin America]. Moscow, PUFR Publ., 2011. 384 p.

Інфармацыя пра аўтара

Коваль Вольга Уладзіміраўна – кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі і паліталогіі. Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт (220006, г. Мінск, вул. Святлода, 13а, Рэспубліка Беларусь). E-mail: koval@belstu.by

Information about the author

Koval Volha Uladzimirauna – PhD (History), Associate Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., Minsk, Republic of Belarus). E-mail: koval@belstu.by

Пасмыніў 06.09.2021

УДК 821.161.3«1920/1930»

І. У. Каляда

Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт

БЕЛАРУСІЗАЦЫЯ 1920-Х ГАДОЎ: СТВАРЭННЕ САВЕЦКАЙ СІСТЭМЫ НАРОДНАЙ АДУКАЦЫІ

У артыкуле разглядаюцца праблемы станаўлення і развіцця сістэмы народнай адукацыі ў БССР у 1920-я гады. Гэтаму накірунку надавалася першачарговае значэнне ў комплексе распрацаваных мерапрыемстваў па правядзенні палітыкі беларусізацыі. Зыходным прынцыпам стала ажыццяўленне беларусізацыі раўналежна па ўсіх катэгорыях навучальных і выхаваўчых устаноў. Вырашаліся праблемы навуковай распрацоўкі беларускай мовы, яе тэрміналогіі, падрыхтоўкі настаўнікаў, фарміравання кадраў прафесарска-выкладчыцкага саставу вышэйшай школы, станаўлення сеткі адукацыі нацыянальных меншасцей. Гэты час стаў важным этапам у станаўленні беларускай навукі, калі разгортвалі сваю дзейнасць першыя навуковыя ўстановы, фарміраваліся кадры вучоных. У выніку правядзення гэтай палітыкі значна ўзмацнілася навуковая база ВНУ рэспублікі, што забяспечвала падрыхтоўку як кадраў спецыялістаў-практыкаў, так і маладой беларускай прафесуры, якая разам з вучонымі, прыехаўшымі ў БССР па запрашэнні беларускага ўрада, склала даволі значны на той час інтэлектуальны патэнцыял беларускай навукі, якая толькі нараджалася. У 1920-я гады сістэма народнай адукацыі ў асноўным склалася, сфарміраваліся прынцыпы дзяржаўнай палітыкі і дзейнасці партыйных і грамадскіх арганізацый у гэтай сферы. Менавіта тады былі закладзены асновы сучаснай беларускай мовы.

Ключавыя словы: нацыянальная палітыка, народная адукацыя, беларусізацыя, беларуская мова, тэрміналогія, навучальная ўстанова, вышэйшая школа, педагогічныя кадры.

Для цытавання: Каляда І. У. Беларусізацыя 1920-х гг.: стварэнне савецкай сістэмы адукацыі // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2021. № 2 (251). С. 29–33.

I. U. Kalyada

Belarusian State Technological University

BELARUSIZATION OF THE 1920S: THE CREATION OF THE SOVIET PUBLIC EDUCATION SYSTEM

The article examines the problems of formation and development of the public education system in the BSSR in the 1920s. This direction was of paramount importance in the complex of developed measures to implement the policy of Belarusianization. The basic principle was the implementation of Belarusianization in all categories of educational institutions. The problems of scientific development of the Belarusian language, its terminology, teacher training, formation of the teaching staff of the higher school, formation of the network of education of national minorities were solved. This time became an important stage in the formation of Belarusian science, when the first scientific institutions developed their activities, the formation of scientists was formed. As a result of this policy, the scientific base of the republic's universities was significantly strengthened, which provided training for both practitioners and young Belarusian professors, who, together with scientists who came to the BSSR at the invitation of the Belarusian government, was quite significant at the time the intellectual potential of Belarusian science, which was just being born. In the 1920s, the system of public education was mainly formed, the principles of state policy and the activities of party and public organizations in this area were formed. It was then that the foundations of the modern Belarusian language were laid.

Key words: national policy, public education, Belarusianization, Belarusian language, terminology, educational institution, higher school, pedagogical staff.

For citation: Kolyada I. V. Belarusization of the 1920s: the creation of the Soviet public education system. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2021, no. 2 (251), pp. 29–33 (In Belarusian).

Уводзіны. Палітыка беларусізацыі стала вызначальным фактарам усяго грамадскага жыцця БССР другой паловы 1920-х гадоў. Яе галоўны напрамак – гэта развіццё беларускай мовы. Пры распрацоўцы мер па адраджэнні беларускай мовы неабходна было ўлічваць яе

дзялектную стракатасць, незавершанасць працэсу фарміравання ў якасці літаратурнай, нераспрацаванасць навуковай, палітычнай, юрыдычнай тэрміналогіі. Адпаведна вызначаліся і задачы: навуковая распрацоўка праблем беларускай мовы, яе гісторыі, удасканаленне лексікі і граматыкі,

тэрміналогіі на аснове вывучэння беларускай мовы. Асноўная роля ў вырашэнні гэтых задач адводзілася Народнаму камісарыяту асветы, Інстытуту беларускай культуры, адпаведным універсітэцкім кафедрам.

Яшчэ ў лютым 1921 года была створана Беларуска-навукова-тэрміналагічная камісія, якая павінна была апрацаваць беларускую тэрміналогію па ўсіх галінах навукі. І ўжо 1 мая 1921 года Камісія рабіла сваю першую справаздачу: за два з паловай месяцы яна здолела апрацаваць і канчаткова прыняць 2270 і падрыхтаваць да зацвярджэння звыш 5000 тэрмінаў [1, с. 10]. Увогуле да 1922 года была выдадзена навуковая беларуская тэрміналогія па гуманітарнай, прыродазнаўчай і матэматычнай галінах.

На базе навукова-тэрміналагічнай камісіі ў 1922 годзе быў утвораны Інстытут беларускай культуры, які ў далейшым узначаліў даследаванні ва ўсіх галінах навукі, звязаных з беларускай культурай. Асноўныя яго задачы – арганізацыя планамернага вывучэння мовы, літаратуры, гісторыі, эканомікі Беларусі, каардынацыя навукова-даследчай работы ў краіне. Агульнымі намаганнямі ў кароткі тэрмін былі падрыхтаваны і выдадзены тэрміналагічныя слоўнікі па асноўных галінах навукі, распрацоўкі па лексіцы і граматыцы беларускай мовы, дапаможнікі для школ, тэхнікумаў, інстытутаў. Менавіта тады былі закладзены асновы сучаснай беларускай мовы.

Асноўная частка. У комплексе распрацаваных мерапрыемстваў па беларусізацыі грамадскага жыцця ў рэспубліцы першачарговае значэнне надавалася сістэме народнай адукацыі. Урадам краіны было прынята рашэнне: беларусізацыю ажыццяўляць раўналежна па ўсіх катэгорыях навучальных і выхаваўчых устаноў. Зыходным вызначаўся прынцып забеспячэння правоў і магчымасцей кожнай нацыянальнасці, якая пражывала на Беларусі, навучаць дзяцей на роднай мове адпаведна іх удзельнай вазе ў агульнай колькасці насельніцтва і жаданню бацькоў. Ніжэйшыя школы павінны былі працаваць на роднай мове працоўнага насельніцтва; выпускнікі тэхнікумаў і ВНУ – абслугоўваць насельніцтва на яго роднай мове; руская мова, як мова саюзная, абавязковая ва ўсіх навучальных установах, нягледзячы на тое, на якой мове гэта ўстанова працуе. У выніку да 1928 года каля 80% школ было пераведзена на беларускую мову навучання. Поўнаасцю на беларускай мове ішло выхаванне ў дзіцячых дамах і садках [2, с. 72].

Палітыка беларусізацыі з яе прыярытэтам беларускай мовы і культуры ніколі не несла ў сябе пагардлівых адносін да моў і культур іншых народаў. Побач з беларускімі адчыніліся школы і класы з роднай мовай выкладання для прадстаўнікоў нацыянальных меншасцей: рускай,

яўрэйскай, польскай, украінскай і інш. Так, хутка развівалася сетка яўрэйскіх школ – у 1926/27 навучальным годзе колькасць пачатковых школ павялічылася да 132–147, а сямігадовых – да 50–53, што складала адпаведна 3 і 18% ад агульнай колькасці такіх школ у рэспубліцы; польскіх школ – 138 (акрамя польскіх меліся беларускія школы з выкладаннем польскай мовы); у 1925/26 навучальным годзе адчыніліся першыя дзве літоўскія школы ў Полацкай акрузе (у 1927 г. іх было 10) [3, с. 10]. Наогул, у 1927 годзе выкладанне ў школах Беларусі вялося на васьмі нацыянальных мовах.

Большасць настаўніцтва, асабліва сельскага, ставілася да беларусізацыі добрабычліва. Усё настаўніцтва было ўцягнута ў гуртковую працу па вывучэнні беларускай мовы. Градскае настаўніцтва ўспрымала беларусізацыю як неабходнасць і не прэрэчыла супраць яе. Можна казаць аб тым, што сярод інтэлігенцыі да 1927 года склаліся ўжо даволі значныя кадры, якія актыўна прымалі ўдзел у культурным будаўніцтве. Разам з тым і сярод настаўнікаў, і сярод вучняў былі і такія, хто адносіўся да беларусізацыі ваража ці фармальна. Напрыклад, былі выпадкі нежадання вывучаць беларускую мову ў школах: дзеці ў ананімных анкетах пісалі, што «...нам больш падабаецца руская мова, бо на беларускай мове далей Мінску не паедзеш» (з паведамлення Мазырскай акружнай нацкамісіі ад 25.06.1929) [4, с. 1].

На жаль, некаторыя факты давалі падставы для незадаволенасці. Яшчэ ў 1924 годзе у часопісе «Польмя» з’явіўся артыкул «Школа і палітыка» А. Харэвіча, дзе выказвалася думка аб тым, што рускія школы на Беларусі наогул непатрэбны. Прычыны наступныя: «не хапае ні патрэбных кніг і навуковых прылад, ні належных настаўнікаў... Калі на Беларусі павінна існаваць рабоча-сялянская школа, то гэта... можа быць школа пераважна беларуская і толькі за нязначным выключэннем – яўрэйская ці польская, але ніяк не расійская...» [5, с. 94]. Зразумела, што падобныя з’явы ніякім чынам не маглі садзейнічаць справе нацыянальнага адраджэння, а толькі выклікалі негатыўныя, а то і варажыя адносіны да беларускай мовы і беларускай культуры наогул.

У асобных выпадках назіраўся рэзкі кантраст паміж памяшканнямі і абсталяваннем, напрыклад, яўрэйскай і беларускай школ у адной і той жа мясцовасці. Гэта прыводзіла да таго, што яўрэйская школа дадзенай мясцовасці разглядалася насельніцтвам як школа другога гатунку, і спрыяла адліву вучняў з гэтай школы ў беларускія ці рускія школы.

У перыяд ажыццяўлення беларусізацыі адной з самых вострых была праблема адукаваных

кадраў. Вырашаць яе трэба было неадкладна, таму ЦВК БССР звярнуўся да Наркамсветы РСФСР з просьбаю адкамандзіраваць у БССР настаўнікаў-ураджэнцаў Беларусі, а таксама апублікаваць зварот да іх з заклікам уключыцца ў культурнае адраджэнне краіны (выдаваліся пад'ёмныя тым работнікам культуры, якія звярталіся на Беларусь). Дзякуючы гэтаму звароту на радзіму вярнуўся Я. Колас, адзін з першых арганізатараў беларускіх школ (да гэтага часу ён працаваў настаўнікам у Абаянскім раёне Курскай вобласці). Па запрашэнні Акадэмічнага цэнтра БССР у Мінск прыехаў Е. Раманаў, адзін з самых вядомых беларускіх мовазнаўцаў, этнографіаў, археолагаў, які з 1917 года жыў і працаваў у Стаўрапалі. У 1921 годзе з Адэсы вярнуліся такія выдатныя дзеячы беларускай культуры, як С. Некрашэвіч, А. Баліцкі, Пётр і Юльян Ілчочны, артыст А. Ляжневіч, прафесар М. Пятуховіч, Н. Грамыка, у 1922 годзе – Я. Аляхновіч. У 1925 годзе на радзіму вярнуўся славыты беларускі гісторык і этнограф М. Доўнар-Запольскі, які ўзначаліў гісторыка-этнаграфічную камісію Інбелкульту, выкладаў у БДУ [6, с. 7].

Асабліва ўвага надавалася падрыхтоўцы настаўнікаў, якія б маглі весці выкладанне на беларускай мове, для чаго сталі адкрываць кароткатэрміновыя курсы (кожны год на 1,5–2,5 месяцы). Курсы мелі практычны характар і распрацоўвалі пытанні метадыкі і школьнай практыкі. Абавязковым дапаўненнем курсаў былі школы практыкі, ці ўзорныя школы, дзе слухачы курсаў вялі практычную работу па метадыках выкладання беларускай мовы, арыфметыкі, гісторыі Беларусі, геаграфіі і інш. Да 1927 года праз такія курсы прайшло 75% настаўнікаў [7, с. 416]. Працавалі таксама кароткатэрміновыя курсы (3 месяцы) спецыяльна па вывучэнні беларускай мовы.

З мэтай перападрыхтоўкі настаўнікаў у снежні 1923 года у Мінску пачалі працаваць Вышэйшыя курсы беларусазнаўства, у навучальным плане якіх значыліся такія дысцыпліны, як беларуская мова, гісторыя беларускай літаратуры, гісторыя Беларусі, геаграфія і этнаграфія Беларусі, беларускае мастацтва, метадыка мовы і літаратуры. На курсах чыталі лекцыі вядомыя прафесары з БДУ: Я. Лёсік (беларуская мова), М. Пятуховіч (гісторыя беларускай літаратуры), С. Азбукін (кразнаўства). З лекцыямі-дакладамі перад слухачамі курсаў выступалі супрацоўнікі Інбелкульту – У. Ігнатоўскі, А. Цвікевіч і інш. Акрамя лекцый праводзіліся практычна-лабараторныя заняткі, гутаркі-дыскусіі на канферэнцыях, экскурсіі ў дзяржаўнае выдавецтва, друкарню, дзяржаўны музей і г. д. Матэрыялы, здабытыя на гэтых экскурсіях, друкаваліся ў кразнаўчым часопісе «Наш край». Згодна са справаздачай аб рабоце курсаў

у чэрвені-ліпені 1927 года, калі спачатку «большасць слухачоў размоўнай беларускай мовай не валодалі, то да заканчэння курсаў пачалі гутарыць па-беларуску: на беларускай мове вялі спрэчкі ў час дыскусій, рабілі даклады і г. д.» [8, с. 5]. Слухачы курсаў атрымлівалі добрую тэарэтычную падрыхтоўку, аднак у 1927 годзе курсы былі рэарганізаваны ў Вышэйшыя курсы грамадазнаўства з мэтай «даць выкладчыкаў грамадазнаўства вышэйшай кваліфікацыі шляхам перападрыхтоўкі настаўніцтва ў кірунку не толькі тэарэтычным, але і метадычным, і палітычным...» [9, с. 54]. Разам з Вышэйшымі курсамі беларусазнаўства працавалі Цэнтральныя беларускія курсы па перападрыхтоўцы настаўнікаў беларускіх школ РСФСР (гэта былі двухмесячныя курсы, слухачамі якіх з'яўляліся настаўнікі ад Бранскай, Смаленскай і Пскоўскай губерняў).

Да 1928 года поўнасьцю былі беларусазаваны педагогічныя тэхнікумы і курсы па падрыхтоўцы настаўнікаў. Беларусізацыя іншых тэхнікумаў (індустрыяльных, будаўніцкага, кааператыўнага, мастацкага) заключалася ў тым, што беларуская мова там была ўведзена як прадмет выкладання.

Хуткай падрыхтоўкі адпаведных педагогічных кадраў патрабавала і станаўленне сеткі адукцыі нацыянальных меншасцей. У 1926/27 навучальным годзе працавалі тры нацыянальныя яўрэйскія педтэхнікумы (у Мінску, Віцебску і Гомелі), польскія педагогічны тэхнікумы. Для падрыхтоўкі латышскіх настаўнікаў Наркамсветы пасылаў у Ленінградскі латышскі педтэхнікум па 10 стыпендыятаў.

Перад вышэйшымі навучальнымі ўстановамі Беларусі была пастаўлена задача арганізаваць планавую падрыхтоўку навукоўцаў-беларусаў і прыцягнуць да працы ў ВНУ рэспублікі тых навукоўцаў-беларусаў, якія працавалі ў іншых саюзных краінах. Былі вызначаны асноўныя напрамкі фарміравання кадраў прафесарска-выкладчыцкага саставу вышэйшай школы: запрашэнне прафесараў з іншых ВНУ РСФСР; прыцягненне да выкладчыцкай працы ў ВНУ БССР супрацоўнікаў партыйных і савецкіх органаў; накіраванне выкладчыкаў на вучобу ў Інстытут чырвонай прафесуры ў Маскву. Немалаважным для фарміравання нацыянальных навуковых кадраў мела вяртанне да навуковай дзейнасці па ініцыятыве ўрада БССР прадстаўнікоў беларускай навукі і культуры – В. Ластоўскага, Я. Лёсіка, С. Некрашэвіча, А. Смоліча, А. Цвікевіча і інш.

Вышэйшыя навучальныя ўстановы пераходзілі на беларускую мову больш павольна, што тлумачыцца, у першую чаргу, недастатковым веданнем беларускай мовы выкладчыцкім саставам. Калі прааналізаваць нацыянальны і

моўны склад выкладчыкаў ВНУ Беларусі ў 1924/1925 навучальным годзе, то карціна будзе наступная: у БДУ прафесароў налічвалася 31, з іх беларусаў – 1, рускіх – 23, яўрэяў – 5, іншых – 2 (з усіх беларускую мову ведаў 1); з 21 выкладчыка беларусаў налічвалася 11, рускіх – 4, яўрэяў – 6, беларускую мову ведалі 7 чалавек. У Мінскім сельскагаспадарчым інстытуце з 17 прафесароў беларус быў 1, рускіх – 14, іншых – 2, з іх беларускую мову ведаў 1; з 7 выкладчыкаў беларусаў было 2, рускіх – 2, іншых – 3, ведалі беларускую мову 3 чалавекі [10, с. 33].

Відавочна, што працэнт беларусаў у педагагічным складзе ВНУ быў мізэрны, а ведаючых беларускую мову – яшчэ меншы. Тлумачыцца гэта перш за ўсё тым, што да рэвалюцыі 1917 года на Беларусі такіх кадраў амаль не было, і іх не рыхтавалі. Сталая сетка ВНУ пачала фарміравацца толькі ў 1920-я гады (Беларускі палітэхнічны інстытут (1920 г.), Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт (1921 г.), педагагічныя інстытуты ў Віцебску, Магілёве, Мінску).

Асабліва ўвага надавалася вывучэнню беларускай мовы студэнтамі ВНУ пры пераходзе на апошні курс навучання, і калі, напрыклад, выпускнікі ўніверсітэта не паказвалі дастатковых ведаў па беларускай мове, іх пакідалі яшчэ на год для спецыяльнага яе вывучэння.

Для вырашэння пытання аб павелічэнні колькасці даследчыкаў і выкладчыкаў вышэйшай школы нацыянальнымі кадрамі ў 1927 годзе пры Інбелкульце была адкрыта, а ў БДУ атрымала новы штуршок для свайго развіцця аспірантура з трохгадовым тэрмінам навучання.

Трэба адзначыць, што ў ходзе беларусізацыі вышэйшых навучальных устаноў былі складанасці і сур'ёзныя недахопы, назіраліся фармальныя адносіны і нават супраціўленне некаторай часткі супрацоўнікаў ВНУ вывучэнню беларускай мовы і пераводу выкладання сваіх дысцыплін на гэтую мову. Не садзейнічала беларусізацыі ВНУ прымяненне націску і адміністрацыйных мер. Напрыклад, значная частка выкладчыкаў і студэнтаў выказвала незадаволенасць рашэннем агітпрапа ЦК КП(б)Б, згодна якому скончыўшымі ўніверсітэт лічылі толькі тых студэнтаў, якія добра валодалі беларускай моваю. На гэтай глебе ўзніклі канфлікты і сярод студэнтаў.

Тым не менш, нягледзячы на шматлікія цяжкасці, да канца 1920-х гадоў значна ўзмацнілася навуковая база Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Беларускай сельскагаспадарчай акадэміі, іншых ВНУ рэспублікі. Тым самым забяспечвалася падрыхтоўка як кадраў спецыялістаў-практыкаў, так і маладой беларускай прафесуры, якая разам з вучонымі, прыехаўшымі ў БССР па запрашэнні беларускага ўрада, склала даволі

значны на той час інтэлектуальны патэнцыял на-раджаючайся беларускай навукі.

У 1920-я гады вялікую ролю ў навукова-культурным жыцці адыграў Інстытут беларускай культуры, у складзе якога працавалі чатыры нацыянальныя аддзелы: яўрэйскі, польскі, літоўскі і латышскі, якія вялі навуковыя даследаванні мовы, гісторыі, этнаграфіі, культуры асобных нацыянальнасцей. Інстытут стаў асяродкам беларускай навукова-культурнай і грамадскай думкі.

Улічваючы патрэбы развіцця народнай гаспадаркі і культуры, на базе Інбелкульты была ўтворана Беларуская Акадэмія навук, якая адкрылася 1 студзеня 1929 года. Яе першым прэзідэнтам стаў акадэмік У. Ігнатоўскі, віцэ-прэзідэнтамі – акадэмікі С. Некрашэвіч і М. Бялуга. У ліку першых правадзейных членаў Акадэміі былі Я. Купала, Я. Колас, У. Пічэта, І. Замоцін, А. Ясініскі.

Для распрацоўкі навуковых і культурных праблем, звязаных з асаблівасцямі тых ці іншых нацыянальнасцей, пры Акадэміі навук былі арганізаваны яўрэйская, польская і латышская секцыі. Напрыклад, яўрэйская секцыя мела ў сваім складзе лінгвістычную, літаратурную, сацыяльна-эканамічную і фальклорную камісіі, якія распрацоўвалі пытанні па гісторыі яўрэяў у Беларусі і Літве, па гісторыі каланізацыі, рэкрутчыны і г. д.

Заклучэнне. Такім чынам, у 1920-я гады сістэма народнай адукацыі ў асноўным складалася, сфарміраваліся прынцыпы дзяржаўнай палітыкі і дзейнасці партыйных і грамадскіх арганізацый у гэтай сферы. У складаных матэрыяльных умовах расла сетка агульнаадукацыйных школ, тэхнікумаў, ВНУ. Пашырэнне выкладання на беларускай мове закладвала асновы для выхавання нацыянальнай свядомасці. Відавочна, што гэты час стаў важным этапам у становленні беларускай навукі, калі былі ўтвораны і разгортвалі сваю дзейнасць першыя навуковыя ўстановы, фарміраваліся кадры вучоных і былі дасягнуты пэўныя поспехі ў галіне гуманітарных, біялагічных, сельскагаспадарчых і іншых навук. Цэнтрам навуковага развіцця стаў Інстытут беларускай культуры, які быў асяродкам культурнага жыцця, многа зрабіў для справы беларускага адраджэння, фарміравання навуковых і культурных кадраў, якія сцвярджалі развіццё нацыянальнай культуры і самасвядомасці народа. Разам з тым спроба стварыць у 1920-я гады сістэму адукацыі нацыянальных меншасцей, пражываючых у БССР, нягледзячы на шэраг станоўчых момантаў, засталася незавершанай. Усё прыйшло да таго, што нацыянальная школа гэтых народаў, як і культура наогул, з другой паловы 1930-х гадоў знікла на доўгія гады амаль цалкам.

Спіс літаратуры

1. Інстытут беларускай культуры (ІнБелКульт): гісторыя ўзнікнення, сучасная структура, навукова-даследчая дзейнасць. Менск: Дзярж. выд-ва Беларусі, 1926. 118 с.
2. Чарвякоў А. За Савецкую Беларусь. Мінск: Беларускае выд-ва, 1927. 137 с.
3. НАРБ. Ф. 42. Воп. 1. Спр. 347. Арк. 10.
4. НАРБ. Ф. 701. Воп. 1. Спр. 2.
5. Харэвіч А. Школа і палітыка // Полымяю 1924. № 3. С. 90–96.
6. НАРБ. Ф. 42. Воп. 1. Спр. 526. Арк. 7.
7. Белорусская Советская Социалистическая Республика. Минск: Изд-во СНК БССР, 1927. 528 с.
8. НАРБ. Ф. 42. Воп. 1. Спр. 1898. Арк. 5.
9. НАРБ. Ф. 42. Воп. 1. Спр. 1897. Арк. 54.
10. НАРБ. Ф. 701. Воп. 1. Спр. 4. Арк. 33.

References

1. *Instytut belaruskaj kul'tury (InBelKul't): gistoryya uzniknennya, suchasnaya struktura, navukova-dasledchaya dzejnasts'* [Institute of Belarusian Culture (InBelKult): history of origin, modern structure, research activity]. Minsk, Dzyarzhhaunaye vydavetstva Belarusi Publ., 1926. 118 p.
2. Charvyakou A. *Za Savetskuyu Belarus* [For Soviet Belarus]. Minsk, Belaruskaye vydavetstva Publ., 1927. 137 p.
3. NARB. Fund 42. I. 1. F. 347. L. 5.
4. NARB. Fund 701. I. 1. F. 2.
5. Harevich A. School and politiks. *Polymya* [Flame], 1924, no. 3, p. 90–96 (In Belarusian).
6. NARB. Fund 42. I. 1. F. 526. L. 7.
7. *Belaruskaya Savetskaya Sotsialisticheskaya Respublika* [Belarusian Soviet Socialist Republic]. Minsk: Izdatel'stvo SPK BSSR, 1928. 528 p.
8. NARB. Fund 42. I. 1. F. 1898. L. 5.
9. NARB. Fund 42. I. 1. F. 1897. L. 54.
10. NARB. Fund 701. I. 1. F. 4. L. 33.

Інфармацыя пра аўтара

Каляда Іна Уладзіміраўна – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі і паліталогіі. Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт (220006, г. Мінск, вул. Святлова, 13а, Рэспубліка Беларусь). E-mail: koleda@belstu.by

Information about the author

Kolyada Ina Uladzimirauna – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: koleda@belstu.by

Пасмыніў 10.09.2021

УДК 377.3:631

Н. М. Якуш

Белорусский государственный технологический университет

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ ТЕХНИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ РАБОЧИХ КАДРОВ ДЛЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА БЕЛОРУССКОЙ ССР (1976–1985 ГГ.)

В статье отражены основные формы и методы совершенствования системы технической подготовки рабочих кадров для агропромышленного комплекса Белорусской ССР. Обращено внимание на вопросы технического оснащения учебной базы в сельской общеобразовательной школе, получение школьниками конкретных трудовых навыков и профессиональной механизаторской подготовки. Проанализированы вопросы повышения уровня квалификации по профессиям и специальностям, получаемым учащимися сельских профессионально-технических училищ. Выделены моменты создания средних сельских ПТУ, модернизации и коренной перестройки на их основе всего учебно-воспитательного процесса. Приведены убедительные примеры интенсификации образовательного пространства в лучших учебных заведениях за счет внедрения технических комплексов обучения и расширения спектра общеобразовательных знаний. Рассмотрены направления укрепления учебно-материальной базы и поиска эффективных форм курсовой подготовки сельскохозяйственных рабочих и их переподготовки для работы на новой технике и механизмах. Подчеркнуты определенная взаимосвязь и преемственность ступеней профессионального образования молодых сельскохозяйственных рабочих, перестройка системы их подготовки с учетом научных перспектив развития агропромышленного комплекса республики.

Ключевые слова: профессиональная подготовка, квалификация, технический всеобуч, ССПТУ, обучающий комплекс, курсы.

Для цитирования: Якуш Н. М. Совершенствование системы технической подготовки рабочих кадров для сельского хозяйства Белорусской ССР (1976–1985 гг.) // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2021. № 2 (251). С. 34–38.

N. M. Yakush

Belarusian State Technological University

IMPROVEMENT OF THE SYSTEM OF TECHNICAL TRAINING OF WORKERS PERSONNEL FOR AGRICULTURE OF THE BELARUSIAN SSR (1976–1985)

The article reflects the main forms and methods of improving the system of technical training of workers for the agro-industrial complex of the Belarusian SSR. Attention is paid to the issues of technical equipment of the educational base in a rural secondary school, the acquisition of specific labor skills and professional mechanistic training by schoolchildren. The issues of improving the level of qualification in the professions and specialties received by students of rural vocational schools are analyzed. The moments of creating medium-sized rural vocational schools, modernization and radical reconstruction of the entire educational process on their basis are highlighted. Convincing examples of the intensification of the educational space in the best educational institutions due to the introduction of technical training complexes and the expansion of the range of general education knowledge are given. The directions of strengthening the educational and material base and searching for effective forms of course training of agricultural workers and their retraining to work on new equipment and mechanisms are considered. A certain interrelation and continuity of the stages of professional education of young agricultural workers, the restructuring of their training system taking into account the scientific prospects for the development of the agro-industrial complex of the republic are emphasized.

Key words: professional training, qualification, technical general education, SSPTU, training complex, courses.

For citation: Yakush N. M. Improvement of the system of technical training of workers personnel for agriculture of the Belarusian SSR (1976–1985). *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2021, no. 2 (251), pp. 34–38 (In Russian).

Введение. Главным содержанием аграрной политики БССР в период середины 1970-х – середины 1980-х годов стал перевод сельского хозяйства на принципиально новый

научно-технический и организационный уровень, обеспечивающий создание прочной продовольственной базы, повышение благосостояния народа и экономических возможностей республики.

Соответствующие цели и задачи были сформулированы решениями XXVIII, XXIX съездов Компартии Белоруссии и конкретизированы в заданиях десятого и одиннадцатого пятилетних планов развития народного хозяйства Белорусской ССР. В рассматриваемый период происходили принципиальные перемены в развитии колхозно-совхозного производства. Разворачивались процессы межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции, углублялись специализация и концентрация производства, которые способствовали формированию такой производственно-экономической системы, как агропромышленный комплекс. Происходящие изменения сделали крайне важной задачу обеспечения сельского хозяйства рабочими кадрами, профессионально подготовленными для работы в условиях интенсивно развивающегося производства и обладающими новой технологической культурой. Для ее решения были осуществлены крупные меры по созданию и совершенствованию системы подготовки механизаторских кадров массовых профессий, обеспечивающей условия для получения высокой технической квалификации и предоставляющей возможность сельским труженикам систематически повышать уровень профессионального мастерства.

Основная часть. База для повышения технического уровня профессиональной квалификации рабочих кадров села закладывалась в процессе перестройки образовательного пространства средней школы и сельских профессионально-технических училищ (СПТУ). Советская школа за годы своего существования накопила большой опыт по воспитанию молодежи, ее подготовке к активному участию в общественной и трудовой жизни. В рассматриваемый период развитие системы народного образования в СССР определялось требованиями научно-технического прогресса, что усиливало политехнизацию учебного процесса. Партийные и хозяйственные органы, педагогические коллективы Белорусской ССР сделали решительный поворот к улучшению подготовки школьников к труду в сфере материального производства, обоснованного выбора ими профессии. Комплекс мер в этом направлении включал в себя создание соответствующей материальной базы, улучшение профессиональной и идейной подготовки учителей, разработку новых учебных программ и методических пособий, обеспечивающих реализацию принципа политехнического образования.

Характерным моментом периода 1976–1985 гг. является установление шефских связей и заметное расширение контактов трудовых коллективов колхозов, совхозов, близлежащих предприятий с сельскими школами и их сотрудничество

в вопросах совершенствования учебного процесса, создания стационарных лагерей труда и отдыха. Совместные усилия были направлены на совмещение производственных интересов хозяйств и педагогических интересов учащихся. Ставилась задача становления в школе допрофессиональной и профессиональной подготовки механизаторов. Финансовая помощь со стороны производства и непосредственное организационное участие хозяйств в реализации комплексной программы трудовой подготовки школьников способствовали упрочению учебно-материальной базы сельских школ. Заметно расширились площади пришкольных учебно-опытных участков, проводилось переоборудование кабинетов обслуживающего труда, учебных мастерских, велось строительство теплиц, трактородромов, кабинетов механизации сельского хозяйства и профессиональной ориентации по основам сельскохозяйственной техники, городков по правилам дорожного движения [1].

К началу 1980-х гг. в сельских школах республики уже определились теоретическая основа и практическая база углубленного трудового обучения специальным агропромышленного комплекса. Плодотворно велась работа в таком направлении в Мостовском, Рогачевском, Солигорском, Столинском районах. В лучших школах этих районов были созданы возможности для изучения тракторов, освоения новых видов техники, технологии механизированных работ и основ агротехники полевых культур [2]. Активные поиски по усилению технической составляющей образовательного процесса привели к решению повсеместного создания в сельской местности межшкольных учебно-производственных комбинатов (УПК) трудового обучения и профессиональной ориентации. Именно сельские УПК в рассматриваемый период выступили новой формой политехнизации общеобразовательной школы, усиления ее социально-экономической и научно-культурной роли.

Однако основным направлением работы по формированию у школьников готовности и стремления к сельскохозяйственному труду выступала ориентация их на дальнейшее обучение в сельских профессионально-технических училищах (СПТУ). В исследуемое время именно они выступили наиболее целесообразной формой обучения рабочих кадров агропромышленного комплекса. Складывающаяся новая производственно-экономическая система аграрного сектора требовала от выпускника сельских ПТУ технической грамотности, высокой квалификации, широкого агро- и зоотехнического кругозора наряду с общеобразовательной подготовкой. Решение этой задачи предполагалось на путях количественного и качественного роста

профтехучилищ с учетом значительного увеличения количества средних СПТУ, кардинальной технической модернизации их материально-учебной базы, перехода на обучение молодежи профессиям широкого профиля, совмещенным и сложным, повышения уровня квалификации педагогических кадров. Планировались такие темпы развития сети училищ, чтобы в перспективе в каждом административном районе имелось современное технически оснащенное сельское среднее ПТУ. На эти цели только в 1976–1985 годах было выделено 91,7 млн. рублей капитальных вложений [3].

В исследуемый период осуществлялась значительная по масштабам и темпам программа строительства и реконструкции СПТУ, их оснащения современной сельскохозяйственной техникой и оборудованием, совершенствования учебной базы теоретического и производственного обучения, исходя из требования: для каждой профессии – учебная мастерская, для каждого предмета – учебный кабинет или лаборатория. С 1 сентября 1984 года в соответствии с основными направлениями реформы общеобразовательной и профессиональной школы сельские профессионально-технические училища были преобразованы в средние и включены в агропромышленные объединения. Качественные изменения процесса обучения демонстрировали те СПТУ, в которых инженерно-педагогические коллективы совместно с базовыми хозяйствами вели эту работу системно и творчески. В качестве примера можно назвать Смиловичское СПТУ. В нем только за 1978 год было оборудовано техническими средствами обучения с рабочим местом для преподавателя 27 учебных кабинетов, реконструировано 9 лабораторий для проведения лабораторно-практических занятий по 10-звеньевой системе с полным комплексом изучаемых машин и узлов к ним, изготовлено 76 единиц наглядных пособий, значительно укрепилась база учебного хозяйства. По качеству подготовки сельскохозяйственных рабочих училище было признано образцовым в Минской области, а по итогам Всесоюзного социалистического соревнования в 1981 году оно названо лучшим в СССР среди учебных заведений мелиоративного профиля. Инициативно решался вопрос модернизации учебно-производственной базы коллективом Борисовского СПТУ № 25, в котором для руководства работой по переоборудованию кабинетов, цехов и мастерских в 1976 году была создана группа научной организации труда (НОТ). Под ее началом в течение двух лет большинство классов теоретического обучения были переоборудованы в соответствии с требованиями профессиональной подготовки, снабжены необходимыми учебными средствами.

В дальнейшем группа принимала меры по созданию условий обучения профессии слесаря контрольно-измерительных приборов и автоматики, а также совершенствованию базы подготовки механизаторов-мелиораторов с учетом требований технической эстетики и научной организации труда [4].

Совершенствование процесса теоретического обучения в средних сельских профтехучилищах нашло отражение в учебных планах, введенных с начала 1978/1979 учебного года. Они предусматривали тесную взаимосвязь изучения общеобразовательных дисциплин с дисциплинами общетехническими и специальными, а также с производственным обучением. В профессионально-технический цикл вводился курс «Основы экономики труда и производства». В курсе специальной технологии кроме материала, связанного с профессией, стали изучаться такие технические темы, как сопротивление материалов, технический контроль, детали машин, вопросы теории машин и механизмов, технический контроль, надежность и качество продукции, сведения по механизации и автоматизации производства, вопросы техники, основы гигиены и промышленной санитарии. Эти знания обеспечивали повышение квалификационного уровня и расширение технического кругозора в рамках получаемых специальностей, увеличивали профессиональную мобильность выпускников.

Вместе с изменением научно-теоретической основы учебного процесса менялся и характер обучения. Решающими становились методы, обеспечивающие развитие познавательной деятельности, творчества и технической инициативы самих учащихся. Огромную роль в пробуждении технической мысли учащихся сыграло активное включение СПТУ Белорусской ССР во Всесоюзный смотр-конкурс на лучшую постановку работы в области рационализации, изобретательства, технического и художественного творчества в учебных заведениях профессионально-технического образования. Конкурс активизировал кружковую и выставочную деятельность сельских ПТУ. Экспонаты, демонстрируемые на выставках СПТУ, были в основном действующими моделями сельскохозяйственной техники и всевозможных тренажеров различных ее узлов. Так, на юбилейной выставке технического творчества учащихся ПТУ в 1979 году были представлены сработанная руками учащихся сельских профтехучилищ электрофицированная модель трактора Т-150 и модель комбайна «Нива», экскаватор Э-652 и шагающий экскаватор, электрооборудование для тракторов МТЗ-50 и МТ-80, гидросилитель рулевого управления комбайна СК-4А [5]. Многие из разрабатываемых моделей, особенно из числа

автоматических справочных установок, активно использовались в самом процессе обучения.

В решающей степени качественное изменение образовательного пространства в СПТУ определялось изменением квалификационно-профессионального состава инженерно-педагогических кадров училищ. В исследуемый период педагогические кадры сельских профессионально-технических училищ пополнились значительным количеством выпускников инженерно-технических и педагогических вузов республики. Была налажена система постоянного повышения профессионального мастерства. В соответствии с планами повышения квалификации за 1975–1985 гг. было переподготовлено преподавателей специальных дисциплин и мастеров производственного обучения сельских ПТУ в Белорусском институте механики и электрификации сельского хозяйства – 460 человек, на Западной машиноиспытательной станции – 528, на заводах-изготовителях сельскохозяйственной техники – 578, в Горецкой сельскохозяйственной академии – 70 человек. Кроме того, 1600 мастеров производственного обучения повысили свое мастерство в республиканском институте повышения квалификации работников профтехобразования, а преподаватели общеобразовательных дисциплин – в республиканском и областных институтах усовершенствования учителей [6]. Возможности повышения квалификационного уровня педагогов создавались и непосредственно в самих учебных заведениях.

Несмотря на несомненные положительные достижения сельских профтехучилищ в вопросах создания реальной основы подготовки технически грамотного, с высокой общеобразовательной подготовкой сельскохозяйственного рабочего, оставалось и значительное количество вопросов проблемного характера. Так, учебно-материальная база во многих училищах не соответствовала требованиям подготовки высококвалифицированных специалистов, наблюдались диспропорции в ее уровнях развития в разрезе отдельных профессий, а сам процесс совершенствования материально-технического обеспечения учебного процесса проходил без должного учета необходимости расширения женских профессий и вопросов специализации СПТУ. В составе инженерно-педагогических кадров среди мастеров производственного обучения был высок процент практиков, не имеющих специального образования, а молодые преподаватели общеобразовательных дисциплин – выпускники вузов были слабо ориентированы и подготовлены для работы в профтехучилищах.

Острая нехватка механизаторов и квалифицированных сельскохозяйственных рабочих в колхозно-совхозном производстве привлекла

пристальное внимание партийных, советских и хозяйственных органов республики к вопросам курсовой подготовки кадров массовых профессий. В исследуемые годы было подготовлено и утверждено отраслевое положение о профессиональном обучении сельскохозяйственных рабочих и нормативы на создание учебно-производственной базы. В итоге проведенной работы к 1985 году была создана разветвленная сеть курсового обучения. Она включала 1 республиканский, 6 областных и 1 межрайонный (на базе Несвижской райсельхозтехники) хозрасчетный учебно-курсовой комбинат, 117 учебных пунктов районных объединений сельхозтехники, насчитывающие 509 классов на 13 587 посадочных мест, классы и кабинеты в колхозах и совхозах на 11 520 ученических мест [7].

Система курсов обеспечивала подготовку рабочих таких массовых профессий, как тракторист-машинист, водитель автомобиля, комбайнер, машинист дождевальных поливных машин и машинист насосных установок, газоэлектросварщик, операторы по приготовлению и раздаче кормов, по выращиванию крупного рогатого скота, по производству свиней, по очистке, активному вентилированию и сушке зерна. Велась подготовка слесарей по ремонту и наладке оборудования, сантехники и др. Кроме того, учебные центры Госкомсельхозтехники обеспечивали повышение квалификации механизаторских кадров, изучение ими новой энергонасыщенной техники и передовой технологии сельскохозяйственного производства. Учебный процесс осуществляли методисты, мастера производственного обучения и преподаватели из числа специалистов и руководящих работников Госкомсельхозтехники. Для преподавания на курсах в колхозах и совхозах привлекались специалисты сельскохозяйственного производства, преподаватели вузов, техникумов, сельских профтехучилищ, передовики производства. В каждом сельском районе республики была введена должность по техническому всеобучу населения.

Инженерно-педагогические кадры, осуществлявшие курсовую подготовку рабочих кадров массовых профессий для села, систематически совершенствовали свои знания и опыт. Повышение их мастерства осуществляли Всесоюзный институт повышения квалификации руководящих работников Госкомсельхозтехники СССР и республиканский институт повышения квалификации работников профтехобразования, республиканский и областные учебные комбинаты, а также школы передового опыта.

Стояла задача оснащения сети районных и областных отделений сельхозтехники новейшими средствами обучения и самым современным оборудованием, создания при каждом пункте

методических кабинетов, организации полностью механизированных учебных классов, особенно передвижных классов на базе автомобилей ЛАЗ и «Москвич» для занятий с животноводами. Положительные примеры ее решения демонстрировала Гродненская область. Так, в 1979 году учебно-производственный пункт Слонимской райсельхозтехники располагал общим классом на 42 места с полной механизацией, классом-цехом для подготовки специалистов животноводческих ферм, полностью механизированным отдельным классом для подготовки водителей. Кроме того, в учебном пункте имелся методический кабинет, оборудованный в соответствии с требованиями научной организации труда, работал методический совет из двенадцати специалистов и наставников молодежи. Все это позволило добиться высоких темпов и качества подготовки сельскохозяйственных ра-

бочих. Государственный Комитет Сельхозтехники Белорусской ССР создал на его базе школу передового опыта [8].

Заключение. Таким образом, совершенствование системы технической подготовки рабочих кадров для села в Белорусской ССР в 1976–1985 годах проводилось, во-первых, на основе дальнейшей политехнизации сельской общеобразовательной школы, углубленного трудового обучения школьников сельскохозяйственным профессиям и его связи с производительным трудом; во-вторых, за счет качественной модернизации учебно-производственной базы и интенсификации процесса обучения в сельских профтехучилищах; в-третьих, на базе формирования разветвленной сети курсовой подготовки и переподготовки кадров массовых сельскохозяйственных профессий с современной учебно-материальной базой и централизованным методическим руководством.

Список литературы

1. Настаўніцкая газета. 1978. 30 чэрвеня.
2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4. Оп. 1. Д. 61. Л. 9–15.
3. НАРБ. Ф. 4. Оп. 125. Д. 64. Л. 27–30, 76, 82.
4. НАРБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 33. Л. 41–43; Д. 23. Л. 12, 91.
5. НАРБ. Ф. 4. Оп. 75. Д. 32. Л. 21, 23, 56–61.
6. НАРБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 30. Л. 121; Д. 34. Л. 49–51.
7. НАРБ. Ф. 4. Оп. 79. Д. 4. Л. 16–20.
8. Сельская газета. 1979. 13 ноября.

References

1. *Nastaunitskaya gazeta* [Teachers newspaper]. 1978, June 30.
2. National Archives of the Republic of Belarus (NARB). Fund 4. I. 1. F. 61. L. 9–15.
3. NARB. Fund 4. I. 1. F. 64. L. 27–30, 76, 82.
4. NARB. Fund 4. I. 1. F. 33. L. 41–43; F. 23. L. 12, 91.
5. NARB. Fund 4. I. 75. F. 32. L. 21, 23, 56–61.
6. NARB. Fund 4. I. 1. F. 30. L. 121; F. 34. L. 49–51.
7. NARB. Fund 4. I. 79. F. 4. L. 16–20.
8. *Sel'skaya gazeta* [Rurals newspaper]. 1979, November 30.

Информация об авторе

Якуш Надежда Михайловна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Беларуси и политологии. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: yakush@belstu.by

Information about the author

Yakush Nadzhezha Mikhailovna – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: iackush@yandex.ru

Поступила 10.09.2021

УДК 316.74

**П. С. Крючек¹, О. В. Матвеев², В. Н. Ракачев², Д. Н. Ракачев²,
А. А. Райченко¹**

¹Белорусский государственный технологический университет

²Кубанский государственный университет

ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ КАК ВАЖНЕЙШАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ БЕЛОРУСОВ И РОССИЯН

В статье представлены результаты социологического исследования, посвященного памяти о Великой Отечественной войне среди молодежи Российской Федерации и Республики Беларусь, реализованного совместным научным коллективом Кубанского государственного университета и Белорусского государственного технологического университета в апреле – мае 2021 г. Сравнительный анализ результатов опроса по двум выборкам (русской и белорусской) показал наличие ряда общих аффективных и когнитивных элементов в структуре исторической памяти, при этом обозначились различия на уровне вовлеченности молодежи в коммеморативные практики.

Ключевые слова: историческая память, Великая Отечественная война, политика памяти, молодежь, коммеморативные практики.

Для цитирования: Крючек П. С., Матвеев О. В., Ракачев В. Н., Ракачев Д. Н., Райченко А. А. Память о Великой Отечественной войне как важнейшая составляющая исторической культуры белорусов и россиян // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2021. № 2 (251). С. 39–45.

P. S. Kruchek¹, O. V. Matveyev², V. N. Rakachev², D. N. Rakachev², A. A. Raichonak¹

¹Belarusian State Technological University

²Kuban State University

MEMORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR AS THE MOST IMPORTANT COMPONENT OF THE HISTORICAL CULTURE OF BELARUSIANS AND RUSSIANS

The article presents the results of a sociological study dedicated to the memory of the Great Patriotic War among the youth of the Russian Federation and the Republic of Belarus, implemented by a joint research team of the Kuban State University and the Belarusian State Technological University in April–May 2021. A comparative analysis of the survey results for two samples (Russian and Belarusian) showed the presence of a number of common affective and cognitive elements in the structure of historical memory, while there were differences in the level of youth involvement in commemorative practices associated with the Great Patriotic War.

Key words: historical memory, the Great Patriotic War, the politics of memory, youth, commemorative practices.

For citation: Kruchek P. S., Matveyev O. V., Rakachev V. N., Rakachev D. N., Raichonak A. A. Memory of the Great Patriotic War as the most important component of the historical culture of Belarusians and Russians. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2021, no. 2 (251), pp. 39–45 (In Russian).

Введение. В настоящее время анализ исторической культуры как динамической и всеобъемлющей концепции является одним из перспективных и актуальных направлений.

Сам термин «историческая культура» (*Geschichtskultur*) первоначально возник и получил распространение в немецкой научной среде, где был связан с теоретическими исследованиями представителей особой науки – «дидактики истории», целью которой были широкое изучение и обсуждение вопросов общественного использования истории и формирования исторического сознания.

Наиболее популярными в современной немецкой научной среде являются определения термина

«историческая культура» в работах Й. Рюзена [1, с. 211–234] и Б. Шёнеманна [2]. По мнению Й. Рюзена, историческая культура есть историческое сознание, схваченное в действии. Она представляет собой все формы и способы восприятия прошлого в контексте настоящего и будущего. Сюда входят и бессознательное, и политизация истории, различные аспекты запоминания, места памяти и идентичности. Она охватывает все случаи «присутствия» прошлого в повседневной жизни [1, с. 238]. Определение «исторической культуры», данное Й. Рюзеном, получило дальнейшее развитие в работах европейских и российских историков (Б. Гене, Д. Вульф, Л. П. Репина, А. В. Дмитриев).

В работах Б. Шёнеманна историческая культура трактуется как социальная система. При этом он не стремится описать сущность самой исторической культуры, а переносит свое исследование на элементы системы: институциональное, профессиональное, медиальное и публичное.

Как и предыдущий исследователь, Б. Шёнеманн рассуждает о необходимости практической интерпретации термина «историческая культура», говоря о пяти наиболее перспективных темах его анализа: истории как политическом аргументе, национальных и военных памятниках, праздниках и юбилеях, общественных представлениях об истории, культуре воспоминаний и мемориальной культуре [2, с. 26].

Исследования исторической культуры находятся в тесной связи с изучением вопросов исторической памяти. Память о прошлом дает возможность адекватно воспринимать настоящее и планировать будущее. Историческая память и ее осмысление играют большую роль в формировании гражданской солидарности в обществе, в обеспечении связи поколений, в сопричастности граждан государству. На международном уровне гармонизация и сближение исторических нарративов в разных странах представляется залогом для конструктивного диалога между обществами по современным проблемам и для преодоления существующих негативных стереотипов восприятия других государств и народов.

Таким образом, историческая память является ценностью, которая определяет как социальное, так и политическое поведение. Историческая память обладает большой потенциальной силой, способностью сохранять в массовом сознании оценки событий прошлого, которые превращаются в ценностные ориентации, определяющие поступки и действия людей.

Историческая память о Великой Отечественной войне – это выражение процесса организации, сохранения и воспроизводства прошлого опыта народа, страны, государства, связанного с событиями Великой Отечественной войны, для возвращения его влияния в сферу общественного сознания с целью формирования патриотизма, гражданского самосознания и единения нации.

Историческая память о Великой Отечественной войне выступает фактором мобилизации нации на выдвижение позитивного, конструктивного сценария будущего развития страны.

Историческая память о Великой Отечественной войне может быть представлена как «синтез культурной, социальной и коммуникативной памяти». Такой ракурс позволяет выделить три основных компонента исторической памяти: культурную память – уровень памяти, который формируется институциональными каналами и представляет собой кодифицированный набор

описаний, идей и образов прошлого; социальную память – социальные представления о прошлом, формирующиеся в результате инкорпорации и усвоения культурной памяти в массовом сознании; коммуникативную память – социальные установки, сформированные на основе личного опыта под влиянием социокультурных факторов и детерминирующие культурную и социальную память.

Формирование исторической памяти, в том числе и памяти о Великой Отечественной войне, может осуществляться разными путями. Это может быть экспертное знание, доступное для достаточно узкого круга специалистов-историков, хорошо знакомых с источниками, владеющих профессиональными методами исторического исследования. Однако в широком общественном мнении формирование исторической памяти достигается не через научные монографии и статьи. Здесь ключевую роль играет информационное и культурное пространство. Поэтому трансляция через него исторических знаний (а иногда и исторических мифов) является одним из главных инструментов. Механизмами создания исторической памяти служат выступления политиков, заявления парламентов и политических партий по историческим вопросам, научно-популярные интервью историков, документальные и художественные фильмы, проза, поэзия и многое другое.

Основная часть. Для Республики Беларусь и Российской Федерации, белорусского и российского народов одним из важнейших событий, наиболее ярко представленных через образы прошлого, является Великая Отечественная война. Великая Отечественная война стала серьезным испытанием для народов и послужила толчком к осознанию широкими массами своей национальной идентичности. Именно уроки, вынесенные из огня Великой Отечественной войны, легли в основу современной идеологии двух государств [3, с. 193].

Память о войне продолжает активно воспроизводиться в современном российском и белорусском обществе, где для ее трансляции активизированы практически все возможные каналы культурной политики. Закрепление исторической памяти о Великой Отечественной войне в Республике Беларусь и Российской Федерации проходит прежде всего через целенаправленную политику памяти, реализуемую в том числе посредством государственных праздников, главным из которых является День Победы, отмечаемый 9 мая. Также отмечаются иные памятные даты, связанные с событиями Великой Отечественной войны: годовщины начала, дни освобождения населенных пунктов, дни памяти жертв, праведников народов мира и т. д.

В обеих странах развернута активная социальная рекламная кампания, широкое распространение получили общественные инициативы и акции. В сфере образования историческая память о Великой Отечественной войне преподается в рамках обязательных и факультативных дисциплин во всех учреждениях образования. Медиакультура также наполнена материалами, отсылающими к истории Великой Отечественной войны (трансляции фильмов о войне на телевидении, тема войны занимает важное место в кинопроизводстве обеих стран). Поэтому совершенно неудивительным выглядит тот факт, что, по результатам социологических исследований, наиболее значимым событием в истории Беларуси и России, которым можно гордиться, выступает победа в Великой Отечественной войне [4, 5].

Подтверждают эти данные и результаты пилотажного социологического исследования, посвященного памяти о Великой Отечественной войне, реализованного совместно научными коллективами Кубанского государственного университета и Белорусского государственного технологического университета в апреле – мае 2021 г. среди молодежи Российской Федерации и Республики Беларусь.

Исследование преследовало цель выявить помимо когнитивно-содержательного компонента исторической памяти современной молодежи, который включает в себя знания о Великой Отечественной войне, и отношение молодых людей к такому событию, как Великая Отечественная война, оценки и интерпретацию исторических событий, т. е. эмоционально-ценностный компонент исторической памяти. В исследовании использован количественный метод сбора эмпирических данных – анкетный опрос в форме онлайн-анкетирования с применением платформы GoogleForms. Выборочная совокупность представлена двумя группами студенческой молодежи: российской ($N = 2032$) и белорусской ($N = 233$).

Аффективная составляющая исторической памяти. Исследование показало высокую степень эмоционального отклика молодежи двух стран на события Великой Отечественной войны. Среди чувств преобладают волнение, сопереживание, а также сожаление о жертвах и неприятие войны в целом как явления.

94,8% опрошенных молодых людей в российской выборке и 87,1% в белорусской отметили, что разговоры о войне, фильмы на военную тематику, музыка военных лет вызывает чувства волнения и сопереживания. У 93,4% российских респондентов и 94,4% белорусских эмоциональный отклик на военные события выражается в сожалении о жертвах и неприятии войны в целом как явления. 90,2% российских

респондентов и 73,8% белорусских гордятся Победой. При этом фактор удаленности события от современности проявляется в том, что часть молодежи не испытывает сильных эмоций, воспринимает войну как событие далекого прошлого.

Подавляющее большинство опрошенных в обеих выборках считают, что победа – результат мужества и героизма народа. В Беларуси эту причину как основную отметили 84,5% респондентов, в России – 92,9%. Верное руководство военачальников и государственных деятелей как главную причину указали примерно половина опрошенных в Беларуси – 54,5%, и 72,5% в России. Вклад союзников в победу над фашизмом выше оценивает белорусская молодежь, 41,2% респондентов здесь указали союзническую помощь как основной фактор. В России этот фактор как основной отметили 36,3% опрошенных. Среди белорусской молодежи больше доля тех, кто считает, что решающая роль в победе над врагом в ВОВ принадлежит ресурсной базе страны – 42,1%. В России так считают 36,9%.

В ответах на вопрос о том, смог бы Советский Союз победить в этой войне без помощи союзников, доля белорусских респондентов, посчитавших, что без этой помощи СССР не смог бы победить, намного выше, чем российских. В Беларуси так ответили 26,6% респондентов, в России – 16,5%. Более 2/3 опрошенных (68,1%) молодых людей в России полагают, что СССР мог победить в войне без этой помощи. В Беларуси доля респондентов, разделяющих эту позицию, составила 50,7%. Доля тех, кто затруднился дать ответ по этому вопросу, в Беларуси составила 22,7%, в России – 15,5%.

Когнитивная составляющая исторической памяти, образы прошлого. Следующий блок вопросов касался непосредственно знаний о событиях, героях, потерях в Великой Отечественной войне. В продолжение темы союзников респондентам был задан вопрос о том, какие страны были противниками, а какие, напротив, союзниками СССР в войне. Вопрос был задан в открытой форме, что соответственно дало значительный разброс вариантов ответов, которые частично были сгруппированы в смысловые блоки. Подавляющее большинство респондентов в обеих выборках (более 90%) верно указали основных противников – страны гитлеровской коалиции. В вопросе о союзниках СССР верно были указаны основные страны антигитлеровской коалиции: Великобритания (в том числе доминионы) и США.

На вопрос о датах начала и окончания Великой Отечественной войны в основном были даны верные ответы. Так 74,8% респондентов в России и 79,4% в Беларуси верно указали точную дату (число, месяц и год) начала ВОВ. Более точно опрошенные указали дату окончания

Великой Отечественной войны. Верно указали полную дату 77,2% респондентов в российской выборке и 84,1% в белорусской, точно только год отметили еще 15,5% опрошенных в России и 0,4% в Беларуси.

Содержательный компонент исторической памяти, связанный с войной, на наш взгляд, будет неполным без знания персоналий, тех людей, кто непосредственно «ковал» великую Победу. Один из вопросов в этом блоке был посвящен осведомленности молодых людей о том, кто был верховным главнокомандующим Красной Армии во время Великой Отечественной Войны (открытый вопрос). Можно отметить, что уровень знаний в этом вопросе достаточно высок. 83,8% респондентов в России и 78,5% в Беларуси назвали И. В. Сталина. Список военачальников Красной Армии и героев времен Великой Отечественной войны названных респондентами включает командующих войсками фронтов – высших советских военачальников, руководивших оперативно-стратегическими объединениями войск в оборонительных и наступательных операциях Великой Отечественной войны: Жукова, Рокоссовского, Василевского, Конева, Тимошенко, Малиновского, Ворошилова, Буденного, Павлова и др.

Помимо командиров и военачальников Победу приближали миллионы рядовых солдат, партизан, тружеников тыла, которых в полной мере можно назвать героями. В список героев Великой Отечественной войны молодежь действительно включила и тех, кто совершил героический подвиг на фронтах, и тех, кто боролся с врагом на оккупированной территории, и тех, кто глубоко в тылу помогал фронту всеми силами. Среди героев Великой Отечественной Войны наиболее известными для наших респондентов являются Зоя Космодемьянская, Александр Матросов и Николай Гастелло.

Более ста человек упомянули каждого из этих героев в своих ответах. Самым известным из кубанцев-героев войны стал летчик Александр Покрышкин. В целом локальных героев упоминают реже общесоюзных, но тем не менее место их подвигам тоже нашлось в ответах респондентов.

Кроме имен война оставила в памяти народа значимые вехи и события. Их знание также отражает содержательный компонент памяти. При ответе на вопрос «Какие значимые события времен Великой Отечественной войны Вы знаете?» 20,8% опрошенных в исследовании 2010 г. не смогли дать ответ. Среди событий, которые были названы, чаще всего упоминались Сталинградская битва (34,6%), блокада Ленинграда (32,1%), битва на Курской дуге (29,6%), битва за Москву (17,1%). Несколько реже битва

за Берлин (5,8%), оборона Кавказа (4,2%), танковое сражение под Прохоровкой (3,3%).

Источники знаний о Великой Отечественной войне. Среди возможных источников нами были выделены рассказы родственников и знакомых в семье, уроки истории в школе, книги, телепередачи, кинофильмы о войне. Значение и роль каждого источника в формировании исторической памяти неодинаково. Однако если учитывать фактор времени (удаленность события от современности), то можно предположить, что передача информации о событии будет иметь опосредованный характер. Действительно, такой источник, как рассказы родственников и знакомых, разговоры в семье, и в России и в Беларуси оказался менее значимым, например, чем уроки истории или кинофильмы, телепередачи и книги о войне.

Показательно, что уроки истории являются основным источником знаний о Великой Отечественной войне для молодежи обеих стран. На втором месте в обеих выборках – кинофильмы. Заметную роль в формировании знаний о ВОВ играет такой источник, как литература, в том числе научная и научно-популярная. Вместе с тем все активнее формируют исторические знания у молодежи новые источники информации: контент в сети Интернет и компьютерные игры на военную тему. Более трети опрошенных молодых людей в России и Беларуси указали, что значительный объем знаний о войне они получили посредством компьютерных игр (37,1 и 42,5%). При этом Интернет активнее используется как информационный канал российской молодежью, а компьютерные игры популярнее у молодежи Беларуси. Но в целом структура ответов в этом вопросе в обеих выборках во много идентична.

Таким образом, передача информации о войне происходит через старые и новые каналы, такие как семейные рассказы, кинофильмы, книги, выставки, памятные мероприятия, организованные визиты в места памяти, театральные и радиопостановки, веб-сайты, приложения и даже геймификация.

Включенность в коммеморативные практики. Исследование показало сходные практики приобщения молодежи Беларуси и России к памяти о Великой Отечественной войне. 80,3% опрошенных в российской выборке и 68,7% в белорусской отметили, что в последнее время смотрели фильмы о войне. Более половины респондентов в России и Беларуси – 57,2 и 54,5%, – посещали места боевой славы, музеи, мемориалы. Примерно равные доли опрошенных – 44,7 и 43% – в последнее время участвовали в акциях, мероприятиях, флешмобах и читали книги о войне в российской выборке. Среди

белорусских респондентов участие в акциях отметили 21,9% опрошенных, чтение книг о войне – 30,9%. 38,1% респондентов в России и 27% в Беларуси встречались с ветеранами. Посещали памятные места 33,7% опрошенных в российской выборке и 27,9% в белорусской.

Среди фильмов, оказавших влияние на респондентов, как классические советские картины, так и современные фильмы, посвященные событиям Великой Отечественной Войны. В числе наиболее значимых для опрошенных были указаны: «А зори здесь тихие», «В бой идут одни старики» (1974 г.), «Сталинград» (2013 г.), «Битва за Севастополь» (2015 г.), «Т-34» (2019 г.) и др. Также присутствует блок упоминаний популярных западных фильмов, посвященных Второй мировой войне.

Самой масштабной коммеморативной практикой, связанной с Великой Отечественной войной, является празднование Дня Победы. Подавляющее большинство молодых людей в той или иной форме отмечают этот памятный день. Чаще всего в российской выборке молодые люди празднуют это событие в кругу семьи и друзей. 61,1% в таком формате отмечают праздник всегда и 25,4% иногда. В белорусской выборке такой формат празднования Дня Победы отметили 29,6% (всегда) и 32,2% (иногда). Около половины опрошенных (48,5%) в России и 21,5% в Беларуси практически всегда посещают парад в честь Дня Победы и 37 и 45,9% соответственно делают это иногда. 44,8% опрошенных в России и 21,5% в Беларуси практически всегда смотрят трансляцию праздничных мероприятий по телевидению, 43,1 и 46,8% иногда. Более трети опрошенных в России (35,6%) и 16,7% в Беларуси практически всегда в День Победы поздравляют ветеранов, 37,9 и 15,5% посещают мемориалы, памятные места. Вместе с тем по совокупности ответов «практически всегда» и «иногда» в обеих выборках лидирует такой формат, как просмотр парада по телевидению, а наименее популярным является посещение памятных мест.

Акции «Бессмертный полк» в России и «Беларусь помнит» в Беларуси имеют недолгую традицию, однако приобрели широкий размах. В совокупности участвовали в данной акции в российской выборке 45,3% иногда (эпизодически) и 15,4% всегда, в Беларуси соответственно 19,3 и 2,1%. Кроме того, 12,1% респондентов в России и 19,3% в Беларуси заявили, что хотели бы принять участие в этих мероприятиях.

Акции воспринимаются значительной частью опрошенных как несомненно положительные, молодежь привлекают подобные акции возможностью больше узнать об истории семьи, а также как способ достойно почтить память павших в войне.

В какой степени молодежь знает не только о событиях и героях войны в масштабах всей страны, но знакома с войной на уровне микроистории, истории своей семьи, своих близких, существуют ли семейные коммеморативные практики, традиции по сохранению памяти о войне? На вопрос о том, что знают молодые люди о своих родных и близких, участвовавших в Великой Отечественной войне или бывших современниками, около половины опрошенных (45,7%) в России и 33,9% в Беларуси ответили, что много знают об этом из рассказов близких и семейных архивов. Треть респондентов в обеих выборках – 33,1% в российской и 32,2% в белорусской – указали, что знают о том, что их родные воевали, но подробности им неизвестны. Еще 13,3% опрошенных в России и 14,6% в Беларуси знают, что их родные участвовали в войне, погибли или пропали без вести и о них ничего не известно. 3,3% в России и 9% в Беларуси отметили, что в числе их родственников нет участников войны, 4,6 и 10,3% соответственно не знают, воевал ли кто-либо из их родственников в Великой Отечественной войне. Таким образом, подавляющее большинство опрошенных в обеих выборках знают о своих родных, участвовавших в войне.

Сравнительно небольшой процент молодых людей имеет возможность посредством семейных архивов получать информацию о войне. Треть респондентов в российской выборке (35,5%) и 20,2% в белорусской отметили, что в их семье хранятся артефакты, связанные с войной (альбомы, подборки фотографий, документы, награды родственников и др.). В то же время в России у 21,4% респондентов и в Беларуси у 35,2% таких артефактов в семье не хранят.

Вместе с тем сегодня существует множество Интернет-ресурсов, позволяющих искать и находить информацию о родных и близких, не только участвовавших в боевых действиях в период ВОВ, но также угнанных в плен, погибших, без вести пропавших и т. п.

Более трети опрошенных молодых людей в российской выборке (37,5%) и 14,6% в белорусской знают о таких ресурсах, искали и находили там информацию о своих родственниках, об их боевом пути и наградах. 42,1% опрошенных в Беларуси и 38,5% в России знают о них, но не пользовались ими. При этом 30,5% белорусских респондентов и 15,6% российских не знают о существовании таких сайтов, 12,9 и 8,3% соответственно затруднились ответить.

Отношение к политике памяти о Великой Отечественной войне. Тот факт, что в целом уровень знаний молодежи о Великой Отечественной войне, степень вовлеченности в коммеморативные практики достаточно высоки в обеих странах, несомненно, является следствием

активной политики памяти, которая включает в себя различные инструменты и механизмы: от школьной программы по истории до информационных ресурсов, общественных инициатив и акций. В этой связи 46,8% респондентов в России и 48,5% в Беларуси считают, что в каждом государстве сегодня делается достаточно для сохранения памяти о Великой Отечественной войне. 32,2% опрошенных в российской выборке и 24% в белорусской полагают, что можно уделить сохранению памяти о войне больше внимания, 9,3 и 5,6% соответственно считают, что в этом направлении еще сделано недостаточно. 21,9% опрошенных в Беларуси и 11,6% в России полагают, что вопросам сохранения памяти о Великой Отечественной войне уделяется излишне много внимания.

Каким образом следует сохранять память о Великой Отечественной войне? Способы сохранения памяти о Великой Отечественной войне, предложенные респондентами, можно разделить на два блока: те, что подразумевают активное вовлечение людей в коммеморативные практики, связанные с Великой Отечественной (такие, например, как акции «Бессмертный полк», «Мечта ветерана»), и те, в которых человеку (преимущественно ребенку) уделяется роль исключительно реципиента, того, кто получает информацию о Великой Отечественной из внешних каналов. Так, наиболее популярен второй блок, и в числе предлагаемых в нем способов сохранения памяти присутствуют, во-первых, организованные беседы с ветеранами, во-вторых, просмотры фильмов, посвященных этой

теме. Несомненно, одним из самых популярных предложений стали организованные семейные беседы, посвященные родственникам и знакомым, заставшим Великую Отечественную войну. Также многие респонденты высказались о том, что задачей государства должно стать обеспечение именно высокого уровня жизни ветеранов, поскольку они выступают одним из основных источников знаний о войне.

Итак, респонденты видят в сохранении памяти о Великой Отечественной войне в первую очередь социальную, гуманитарную миссию, и в фокусе их внимания в прежде всего находится микроистория, воспроизводимая на уровне и непосредственных свидетелей, и участников.

Заключение. Подводя итог, можно отметить, что сравнительный анализ по двум выборкам (русской и белорусской) показал наличие ряда общих аффективных и когнитивных элементов в структуре исторической памяти о ВОВ, при этом обозначились некоторые различия на уровне вовлеченности молодежи в коммеморативные практики, связанные с Великой Отечественной войной.

Статья подготовлена в рамках совместного российско-белорусского проекта «Историческая культура белорусов и россиян: формирование представлений о национальном и общем прошлом», реализуемого при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) № 20-59-00017/20 (российская сторона) и Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (БРФФИ) № Г20Р-227 (белорусская сторона).

Список литературы

1. Rösen J. *Historische Orientierung. Über die Arbeit des Geschichtsbewußtseins, sich in der Zeit zurechtzufinden*. Köln: Böchlau, 1994. 264 s.
2. Schönemann B. *Geschichtsdidaktik und Geschichtskultur // Geschichtskultur. Theorie – Empirie – Pragmatik / B. Mütter, B. Schönemann, U. Uffelman (Hrsg.)*. Weinheim: Deutscher Studien Verlag, 2000. S. 26–58.
3. Абраменко А. А. Коммеморация исторической памяти о Великой Отечественной войне в Республике Беларусь // *Историческая память о Беларуси как фактор консолидации общества: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 26–27 сент. 2019 г. / ред. кол.: Г. П. Коршунов (гл. ред.) [и др.]; НАН Беларуси, Ин-т социологии НАН Беларуси*. Минск: СУГАРТ, 2019. С. 193–194.
4. Сосновская Н. А. Историческая память о великой отечественной войне: поколенческий анализ // *Историческая память о Беларуси как фактор консолидации общества : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 26–27 сент. 2019 г. / ред. кол.: Г. П. Коршунов (гл. ред.) [и др.]; НАН Беларуси, Ин-т социологии НАН Беларуси*. Минск: СУГАРТ, 2019. С. 261–265.
5. Денисова Н. Ф., Бровчук Н. М. Историческая память белорусов: социологический анализ // *Весті Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук*. 2018. Т. 63, № 1. С. 21–32.

References

1. Rösen J. *Historische Orientierung. Über die Arbeit des Geschichtsbewußtseins, sich in der Zeit zurechtzufinden* [Historical orientation. About the work of the historical consciousness to find one's way in time]. Köln, Böchlau, 1994. 264 s.
2. Schönemann B. History didactics and history culture. *Geschichtskultur. Theorie – Empirie – Pragmatik*. Schönemann B., Mütter B., Uffelman U. (Hrsg.). *Geschichtskultur. Theorie – Empirie – Pragmatik* [History culture. Theory – empiricism – pragmatics]. Weinheim, Deutscher Studien Verlag, 2000. S. 26–58.

3. Abramenko A. A. Commemoration of the historical memory of the Great Patriotic War in the Republic of Belarus. *Istoricheskaya pamyat' o Belarusi kak faktor konsolidatsii obshchestva: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Historical memory of Belarus as a factor of consolidation of society: materials of the International Scientific and Practical Conference]. Minsk, SUGART Publ., 2019, pp. 193–194 (In Russian).

4. Sosnovskaya N. A. Historical memory of the Great Patriotic War: generational analysis. *Istoricheskaya pamyat' o Belarusi kak faktor konsolidatsii obshchestva: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Historical memory of Belarus as a factor of consolidation of society: materials of the International Scientific and Practical Conference]. Minsk, SUGART Publ., 2019, pp. 261–265 (In Russian).

5. Denisova N. F., Brovchuk N. M. Historical memory of Belarusians: a sociological analysis. *Vestsi Natsyianal'nay akademii navuk Belarusi. Seryya gumanitarnykh navuk* [Bulletin of the National Academy of Sciences of Belarus. The Humanities Series], 2018, vol. 63, no. 1, pp. 21–32 (In Russian).

Информация об авторах

Крючек Петр Степанович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Беларуси и политологии. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: kruchek@belstu.by

Матвеев Олег Владимирович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории. Кубанский государственный университет (350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, Российская Федерация). E-mail: vim12@rambler.ru

Ракачев Вадим Николаевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры социологии. Кубанский государственный университет (350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, Российская Федерация). E-mail: midav.sf@mail.ru

Ракачев Дмитрий Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры зарубежного регионоведения и востоковедения. Кубанский государственный университет (350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, Российская Федерация). E-mail: rd_rd@mail.ru

Райченко Александр Александрович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Беларуси и политологии. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: raichonak@belstu.by

Information about the authors

Kruchek Peter Stepanovich – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian state Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: kruchek@belstu.by

Matveyev Oleg Vladimirovich – DSc (History), Professor, Professor of the Department of History. Kuban State University (149, Stavropolskaya str., 350040, Krasnodar, Russian Federation). E-mail: vim12@rambler.ru

Rakachev Vadim Nikolaevich – DSc (History), Professor, Professor of the Department of Sociology. Kuban State University (149, Stavropolskaya str., 350040, Krasnodar, Russian Federation). E-mail: midav.sf@mail.ru

Rakachev Dmitriy Nikolaevich – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of Foreign Regional Studies and Oriental Studies (149, Stavropolskaya str., 350040, Krasnodar, Russian Federation). E-mail: rd_rd@mail.ru

Raichonak Aliksandr Aliksandravich – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian state Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: raichonak@belstu.by

Поступила 15.03.2021

УДК 373.5.016:821.161.1(476)

В. А. Острога

Белорусский государственный университет

**СЮЖЕТЫ ПО ИСТОРИИ РОССИИ В УЧЕБНЫХ ПРОГРАММАХ
ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ В СРЕДНИХ ШКОЛАХ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

В статье на основе анализа учебников и учебных программ для 5–11 классов по «Русской литературе» для средних школ Республики Беларусь рассматриваются особенности отражения в них сюжетов по истории России. Наличие лучших образцов российской художественной литературы различных эпох в белорусской школьной программе позволяет учащемуся более глубоко познать российское прошлое, что в итоге содействует взаимопознанию и взаимодействию белорусской и российской культур. Делается вывод о значительном внимании разработчиков к наличию в учебных материалах российской исторической тематики. Однако в рамках дальнейшего развития белорусско-русского взаимодействия в образовательной сфере предлагается включить в учебный план средней школы Российской Федерации отдельную учебную дисциплину «Белорусская литература» либо включить темы по белорусской литературе в том же объеме учебных часов, как и в Республике Беларусь.

Ключевые слова: художественное произведение, русская литература, исторические сюжеты, история России, учебник, учебная программа, средняя школа, межкультурное взаимодействие.

Для цитирования: Острога В. А. Сюжеты по истории России в учебных программах по русской литературе в средних школах Республики Беларусь // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2021. № 2 (251). С. 46–51.

V. A. Astroha

Belarusian State University

**SUBJECTS ON THE HISTORY OF RUSSIA IN THE CURRICULA OF RUSSIAN
LITERATURE IN SECONDARY SCHOOLS OF THE REPUBLIC OF BELARUS**

The article analyzes textbooks and curricula for grades 5–11 on “Russian literature” for secondary schools of the Republic of Belarus and examines the peculiarities of reflecting subjects on the history of Russia in them. The presence of the best examples of Russian fiction of various eras in the Belarusian school curriculum allows the student to learn more deeply about the Russian past, which ultimately contributes to mutual understanding and interaction between the two Belarusian and Russian cultures. The conclusion is made about the considerable attention of developers to the presence of Russian historical topics in educational materials. However, as part of the further development of the Belarusian-Russian cooperation in the educational sphere, it is proposed to include a separate academic discipline “Belarusian Literature” in the curriculum of the secondary school of the Russian Federation or to include topics on Belarusian literature in the same amount of academic hours as in the Republic of Belarus.

Key words: fiction, Russian literature, historical subjects, history of Russia, textbook, curriculum, secondary school, intercultural interaction.

For citation: Astroha V. A. Subjects on the history of Russia in the curricula of Russian literature in secondary schools of the Republic of Belarus. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy, 2021, no. 2 (251), pp. 46–51 (In Russian).*

Введение. Познание исторического прошлого в школе, как известно, не ограничивается только уроками истории. Историческому образованию школьников различных классов содействует, в частности, и изучение литературы. Так, на занятиях по русской литературе, которую в белорусских школах проходят весь период школьного обучения, дети узнают много известных или малоизвестных дополнительных исторических фактов из прошлого России. Это дает возможность более ярко представить историю соседнего государства, позволяет с помощью

образов художественной литературы различных эпох более глубоко познать российское прошлое, что в итоге содействует взаимопознанию и взаимодействию двух культур, белорусской и российской.

В данном исследовании будут рассмотрены сюжеты по истории России в учебных программах по русской литературе в средних школах Республики Беларусь. В настоящее время это малоизученная и актуальная тема, рассматриваемая зачастую не на академическом, а на журналистском, публицистическом уровне.

Основная часть. Говоря о современной ситуации в учебных программах по литературе в белорусских школах, необходимо сразу отметить, что там изучаются два полноценных и фактически равных по учебным часам предмета – «Белорусская литература» и «Русская литература». Вместе с тем в учебные программы дисциплины «Русская литература», помимо произведений, являющихся примерами литературного богатства России, внесены и произведения французской, британской, американской и литературы других стран. В этой связи учебный предмет, вероятно, мог бы называться «Зарубежная литература» или «Русская и зарубежная литература». Однако он именуется именно «Русская литература» и это оправдано, так как в ходе большинства уроков рассматриваются в основном произведения российских авторов, хотя в учебных программах имеется специальный раздел «Зарубежная литература».

Проанализируем отображение исторического прошлого России по классно. Как отмечается в учебной программе по предмету «Русская литература» для V класса учреждений общего среднего образования с белорусским и русским языками обучения и воспитания Министерства образования Республики Беларусь: «целью изучения литературы является приобщение учащихся к искусству слова в контексте движения духовной и социально-исторической жизни народа и развитие на этой основе художественного мышления и эстетических чувств, творческих способностей, читательской и речевой культуры, формирование нравственно-эстетических ориентаций» [1, с. 1]. Среди изучаемых белорусскими пятиклассниками разделов «Русской литературы» есть раздел «Историческое прошлое в литературных произведениях», куда включены творения М. Ю. Лермонтова о Бородинской битве («Бородино»), И. С. Тургенева о крепостничестве («Муму»), Л. Н. Толстого о Кавказских войнах XIX в. («Кавказский пленник»), на взгляд авторов, главная мысль которых определяется словами пушкинского летописца из трагедии «Борис Годунов»: «Минувшее проходит предо мною...» [1, с. 3]. Хотелось бы обратить внимание на вопросы авторов учебника к ученику, которые требуют от него осознанного погружения в историю России. Наиболее показательно это в отношении к стихотворению М. Ю. Лермонтова. Так, у школьника просят рассмотреть репродукцию картины Ф. А. Рубо «Бородинская битва» и ответить на вопросы. Как художник передает напряженность боя? В каком месте сражения мог быть старый солдат-рассказчик? Какие детали Бородинского сражения нашли отражение на репродукциях картин А. С. Чагадаева и В. Г. Правдина? Какие строки стихотворения М. Ю. Лермонтова

созвучны этим картинам? Также ученика просят нарисовать портрет старого или молодого солдата (словами, красками, карандашами); либо используя пластилин или плотную бумагу и краски, воссоздать фигурки солдат русской и французской армий; затем организовать выставку работ. Вопрос 8 просит выразительно прочитать строки, которые наиболее ярко передают патриотизм русских солдат, а девятый – прочитать стихотворение М. Ю. Лермонтова «Два великана», посвященное Отечественной войне 1812 г., и подумать, кого подразумевает поэт под «русским витязем», а кого – под «двухнедельным удалцем» [2, с. 81].

Как отмечают составители учебной программы по русской литературе для VI класса: «принцип построения курса – жанрово-хронологический: от былины и летописи до современной повести и лирической поэзии. Учащиеся получают представление о жанрах художественной литературы и фольклора, обучаются элементам сравнительного анализа» [3, с. 2]. На уроках ученики на примере «Повести временных лет» впервые знакомятся с таким жанром древнерусской литературы, как летопись. Летопись представлена учащимся как исторический и литературный памятник. С точки зрения литературных примеров ученикам предлагается познакомиться с стихотворением А. С. Пушкина «Песнь о вещем Олеге».

На взгляд авторов учебной программы русской литературы для VII класса также «принцип построения курса – жанрово-хронологический: учащиеся последовательно знакомятся с народными и литературными песнями, балладой В. А. Жуковского, повестью А. С. Пушкина, поэмой М. Ю. Лермонтова, комедией Н. В. Гоголя, рассказами Л. Н. Толстого и К. Г. Паустовского и другими произведениями» [4, с. 3]. Считается, что это позволит сформировать начальные представления о связи русской литературы с историческими событиями. В этой связи школьникам предлагается ознакомиться с народными и литературными историческими песнями: «Сон Степана Разина» («Ой, то не вечер, то не вечер...»), литературной исторической песней К. Ф. Рылеева «Смерть Ермака». Значительное внимание отводится на изучение исторической повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка». В частности, при обсуждении этого произведения ученик должен ответить на вопрос учителя: «В чем историческая правда и художественный вымысел в повести?». При изучении литературы XX в. предлагается изучить творчество А. Т. Твардовского «Переправа», «Гармонь», «Два солдата», высказаться о истории создания поэмы, патристическом пафосе «книги про бойца», объяснить ее популярность во время Великой Отечественной войны.

Содержание курса русской литературы в VIII классе, в соответствии с положениями учебной программы, «строится по хронологическому принципу – от античной литературы до нашего времени. Учащиеся получают начальное представление об особенностях античной литературы, литературы эпохи Возрождения, русской классической литературы XIX века, литературы XX века» [5, с. 2]. Знакомство на уроках с произведениями русских авторов проходит не сразу, лишь на шестом уроке в рамках темы «Литература первой половины XIX в.», в ходе которого рассматриваются исторические события в Европе конца XVIII – начала XIX в., в том числе политическое и экономическое состояние России накануне войны 1812 г., подвиг народа в ней; ситуация в стране после войны. Ученикам предлагаются такие творения А. С. Пушкина, как «К морю», «Узник», «Сожженное письмо» и «Цыгане». Далее школьники изучают литературу второй половины XIX в. (Н. А. Некрасов «Плач детей», «Внимая ужасам войны...», И. С. Тургенев «Мы еще повоюем», «Русский язык», «Воробей», А. П. Чехов «Переполох»), литературу первой половины XX в. (В. В. Маяковский «Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче», «Хорошее отношение к лошадям»). Особо выделяется тема русской литературы в годы Великой Отечественной войны (А. А. Ахматова «Мужество», «Клятва»; К. М. Симонов «Жди меня...»; М. В. Исаковский «Враги сожгли родную хату...»; С. С. Орлов «Его зарыли в шар земной...»). Не была обойдена вниманием и роль в формировании общественного сознания поэзии и прозы 1950–1990-х гг. как литературы второй половины XX в. (Р. И. Рождественский «За того парня», «Все начинается с любви...», Е. А. Евтушенко «Людей неинтересных в мире нет...», «Я не сдаюсь, но все-таки сдаю...», Н. М. Рубцов «Русский огонек», «Утро»).

Считается, что учебная программа IX класса «отражает относительно завершённое образование по русской литературе, включая историко-литературный процесс XI–XX вв., выстроенный на ключевых проблемах и творчестве писателей, дающих в художественном отражении объективное представление о мире и человеке» [6, с. 2]. Учащиеся после изучения этого предмета должны иметь прочные знания о истоках славянской письменности, основных этапах древнерусской литературы как колыбели русской, украинской и белорусской национальных литератур (XI–XVII вв.). Школьники изучают «Слово о полку Игореве» как историко-культурный памятник славянских народов. В рамках рассмотрения русской литературы XVII в. анализируют как литературное произведение «Домострой».

По теме «Литература XVIII в.» школьники проходят произведения М. В. Ломоносова («Ода на день восшествия на Всероссийский престол Ея Величества Государыни императрицы Елисаветы Петровны 1747 года», «Разговор с Анакреоном»), Г. Р. Державина («Властителям и судиям», «Памятник», «Ласточка», «Снигирь»). Литература XIX в. в основном представлена произведениями романтизма: Е. А. Баратынский, К. Н. Батюшков, К. Ф. Рылеев, В. К. Кюхельбекер, А. А. Дельвиг. Особое внимание уделено В. А. Жуковскому («Вечер», «Море», «Сельское кладбище», «Светлана»). В рамках изучения русской литературы XX в. анализируется модернизм и реализм. Развитие литературы советского периода рассматривается в контексте истории России – литература СССР и русского зарубежья; перестройка и литература; роль возвращенной литературы. Как всегда, большое внимание уделено теме Великой Отечественной войны. Например, роман Б. Л. Васильева «А зори здесь тихие...».

В X классе учебная программа ориентирует учащихся на «освоение творчества писателей-реалистов ... предполагается обращение к “золотому” фонду русской классической литературы второй половины XIX в., поскольку этот этап ее истории отмечен выдающимися достижениями, пользующимися всемирным признанием» [7, с. 3]. Нужно подчеркнуть, что учебный материал в этом классе подается в своеобразной историко-литературной форме. Учащиеся познают русскую литературу в контексте развития российской истории и русской литературы XIX в. Соответственен и подбор литературных произведений: Н. В. Гоголь «Мертвые души», А. Н. Островский «Гроза», «Бесприданница», Ф. И. Тютчев «Не то, что мните вы, природа...», «Природа – сфинкс. И тем она верней...», «Silentium!», «Умом Россию не понять...», «О, как убийственно мы любим...», «К. Б.» («Я встретил вас – и все былое...»), И. С. Тургенев «Отцы и дети», Н. А. Некрасов «Кому на Руси жить хорошо», Ф. М. Достоевский «Преступление и наказание», Л. Н. Толстой «Война и мир» и др.

Предметом изучения в выпускном XI классе становится русская литература XX в. Как отмечают авторы учебной программы: «важнейшая методологическая проблема курса литературы XI класса – традиции и новаторство в литературном процессе XX в., сосуществование различных художественных систем и творческая индивидуальность художника – рассматривается в социально-эстетическом аспекте взаимосвязей: писатель – общество – государство» [8, с. 1]. В этой связи рассматривается влияние на развитие литературы в России революций 1905 г., Февральской и Октябрьской 1917 г., Первой и Второй мировых войн, распада Советского Союза.

Так, в теме «Модернизм конца XIX – начала XX в.» рассмотрены особенности русского модернизма. В теме «Литература 1920-х – середины 1950-х гг.» указывается на возникновение «двух потоков» русской литературы (литература метрополии и русского зарубежья). Отмечается, что главной темой литературы стала «Революция – Россия – народ – личность». В теме «Литература 1940-х – середины 1950-х гг.» рассматривается публицистика в годы Великой Отечественной войны (А. Н. Толстой, И. Г. Эренбург и др.), лирика (О. Ф. Берггольц, М. Джалиля), песенная поэзия (А. А. Сурков. «Бьет в тесной печурке огонь», «Соловьи»; А. И. Фатьянов и др.). Школьникам предлагаются эпические произведения, освещающие войну: А. А. Бек («Волоколамское шоссе»), А. А. Фадеев («Молодая гвардия»), В. С. Гроссман («Народ бессмертен»), К. М. Симонов («Дни и ночи»), Л. М. Леонов («Русский лес»). При изучении литературы середины 1950–1960-х гг. школьники должны увидеть попытки переосмысления исторического пути СССР с «позиции личности как главного критерия общественного прогресса» (П. Ф. Нилин «Жестокость», В. С. Гроссман «Жизнь и судьба», К. М. Симонов «Живые и мертвые», Ю. В. Бондарев «Горячий снег»). Взгляд на русскую литературу 1970-х – начала 1990-х гг. должен дать школьнику понимание «системы “вечных” нравственных ценностей и исторической памяти народа» (В. Г. Распутин «Последний срок», «Живи и помни» и др.). Завершает учебный курс темой «Русская литература конца XX – начала XXI в.». Она демонстрирует развитие литературы в России в новых социокультурных условиях, отход от идеологических стандартов прошлых десятилетий, обращение к общечеловеческим проблемам (В. Г. Распутин «Женский разговор», «Новая профессия», «В ту же землю», «Изба», Е. И. Носов «Темная вода», «Алюминиевое солнце», В. И. Белов «Лейкоз», Т. Н. Толстая «Факир», «Легкие миры», О. А. Славникова «Стрекоза, увеличенная до размеров собаки», Д. И. Рубина «Уроки музыки», «Дорога домой», Б. П. Екимов «Учительница Маруся», «Елка для матери»).

В результате анализа данных учебных программ мы видим, что в средней школе Республики Беларусь уделяется большое внимание русской литературе. Имеется полноценный учебный предмет, в ходе изучения которого школьники на контекстном уровне повторяют и знакомятся с новыми аспектами российской истории.

Учитывая подобную значительную долю российской литературы и истории в белорусской школе, уместно задать вопрос: как обстоит ситуация с изучением белорусской литературы в школах России? Однако анализ аналогичных учебных программ позволяет сделать вывод об

несоответствии и полном отсутствии ознакомления с литературными произведениями из Беларуси в школах России. Существование этой проблемы признают как белорусские, так и российские политики. Например, в 2017 г. на страницах центральной газеты Республики Беларусь «Беларусь сегодня» председатель Постоянной комиссии по образованию, культуре и науке Палаты представителей Национального собрания Беларуси И. А. Марзалюк отметил: «Культуру и литературу славян-соседей надо знать. А если мы говорим о Союзном государстве, то хорошо было бы, чтобы и в России изучали белорусскую литературу, пусть и в переводе на русский язык, как во времена Советского Союза» [9]. На двухсмысленность ситуации обратил внимание и специальный представитель президента Российской Федерации по международному культурному сотрудничеству М. Е. Швыдкой, бывший министр культуры России. На торжественном собрании «Союзное государство: открывая новые возможности», которое проходило в Минске 2 апреля 2021 г., он высказал следующее мнение: «Мы в школе читали Якуба Коласа наравне с Пушкиным, и это было нормой, чего, к сожалению, сейчас нет. Это, мне кажется, большой недостаток. Это одна из тем, над которой можно работать, когда мы говорим о Союзном государстве, – чтобы белорусская литература была представлена как часть школьной программы в России» [10].

Заключение. Таким образом, анализ учебных программ по «Русской литературе» в современной средней школе Республики Беларусь демонстрирует значительное внимание к наличию в учебных материалах сюжетов по истории России. В связи с этим можно констатировать тот факт, что уроки по русской литературе позволяют белорусским школьникам параллельно с познанием истории России непосредственно на уроках истории повторять и получать дополнительные сведения по истории этой страны и из курса «Русской литературы». Вместе с тем, на наш взгляд, процесс белорусско-российского взаимодействия в образовательной сфере в рамках союзного государства, существующего с 1999 г., да и в целом в области взаимопознания народов двух наших стран подразумевает обоюдный процесс и наличие в учебном плане средней школы Российской Федерации отдельной учебной дисциплины «Белорусская литература» либо включение в том же объеме учебных часов, как и в Республике Беларусь, в российские школьные учебные программы по литературе тем по белорусской литературе.

Статья выполнена при поддержке БРФФИ в рамках совместного белорусско-российского проекта «Историческая культура белорусов и россиян: формирование представлений о национальном и общем прошлом».

Список литературы

1. Учебная программа по учебному предмету «Русская литература» для V класса учреждений общего среднего образования с белорусским и русским языками обучения и воспитания [Электронный ресурс]: утв. постановлением Министерства образования Республики Беларусь, 29.07.2019, № 123 // Национальный образовательный портал. URL: <https://adu.by/ru/homepage/obrazovatelnyj-protsess-2020-2021-uchebnyj-god/obshchee-srednee-obrazovanie-2020-2021/304-uchebnye-predmetry-v-xi-klassy-2020-2021/3804-russkaya-literatura.html> (дата обращения: 01.09.2021).

2. Русская литература: учеб. пособие для 5 класса учреждений общего среднего образования с белорусским и русским языками обучения: в 2 ч. Ч. 2 / под ред. А. И. Гараниной. Минск: Национальный институт образования, 2019. 143 с.

3. Учебная программа по учебному предмету «Русская литература» для VI класса учреждений общего среднего образования с белорусским и русским языками обучения и воспитания [Электронный ресурс]: утв. постановлением Министерства образования Республики Беларусь, 29.07.2019, № 123 // Национальный образовательный портал. URL: <https://adu.by/ru/homepage/obrazovatelnyj-protsess-2020-2021-uchebnyj-god/obshchee-srednee-obrazovanie-2020-2021/304-uchebnye-predmetry-v-xi-klassy-2020-2021/3804-russkaya-literatura.html> (дата обращения: 01.09.2021).

4. Учебная программа по учебному предмету «Русская литература» для VII класса учреждений общего среднего образования с белорусским и русским языками обучения и воспитания [Электронный ресурс]: утв. постановлением Министерства образования Республики Беларусь, 27.07.2019, № 91 // Национальный образовательный портал. URL: <https://adu.by/ru/homepage/obrazovatelnyj-protsess-2020-2021-uchebnyj-god/obshchee-srednee-obrazovanie-2020-2021/304-uchebnye-predmetry-v-xi-klassy-2020-2021/3804-russkaya-literatura.html> (дата обращения: 01.09.2021).

5. Учебная программа по учебному предмету «Русская литература» для VIII класса учреждений общего среднего образования с белорусским и русским языками обучения и воспитания [Электронный ресурс]: утв. постановлением Министерства образования Республики Беларусь, 27.07.2018, № 76 // Национальный образовательный портал. URL: <https://adu.by/ru/homepage/obrazovatelnyj-protsess-2020-2021-uchebnyj-god/obshchee-srednee-obrazovanie-2020-2021/304-uchebnye-predmetry-v-xi-klassy-2020-2021/3804-russkaya-literatura.html> (дата обращения: 01.09.2021).

6. Учебная программа по учебному предмету «Русская литература» для IX класса учреждений общего среднего образования с белорусским и русским языками обучения и воспитания [Электронный ресурс]: утв. постановлением Министерства образования Республики Беларусь, 29.07.2019, № 123 // Национальный образовательный портал. URL: <https://adu.by/ru/homepage/obrazovatelnyj-protsess-2020-2021-uchebnyj-god/obshchee-srednee-obrazovanie-2020-2021/304-uchebnye-predmetry-v-xi-klassy-2020-2021/3804-russkaya-literatura.html> (дата обращения: 01.09.2021).

7. Учебная программа по учебному предмету «Русская литература» для X класса учреждений общего среднего образования с белорусским и русским языками обучения и воспитания [Электронный ресурс]: утв. постановлением Министерства образования Республики Беларусь, 19.06.2020, № 140 // Национальный образовательный портал. URL: <https://adu.by/ru/homepage/obrazovatelnyj-protsess-2020-2021-uchebnyj-god/obshchee-srednee-obrazovanie-2020-2021/304-uchebnye-predmetry-v-xi-klassy-2020-2021/3804-russkaya-literatura.html> (дата обращения: 01.09.2021).

8. Учебная программа по учебному предмету «Русская литература» для XI класса учреждений общего среднего образования с белорусским и русским языками обучения и воспитания [Электронный ресурс]: утв. постановлением Министерства образования Республики Беларусь, 27.07.2017, № 93 // Национальный образовательный портал. URL: <https://adu.by/ru/homepage/obrazovatelnyj-protsess-2020-2021-uchebnyj-god/obshchee-srednee-obrazovanie-2020-2021/304-uchebnye-predmetry-v-xi-klassy-2020-2021/3804-russkaya-literatura.html> (дата обращения: 01.09.2021).

9. «СОЮЗ» сравнил школьные программы по литературе в Беларуси и России // Беларусь Сегодня, 26 января 2017 г. URL: <https://www.sb.by/articles/chto-chitayut-nashi-deti.html> (дата обращения: 15.06.2021).

10. Швыдкой: в российских школах нужно изучать творчество Коласа и других белорусских классиков // БЕЛТА – Новости Беларуси: информационный портал. URL: <https://www.belta.by/society/view/shvydkoj-v-rossijskih-shkolah-nuzhno-izuchat-tvorchestvo-kolasa-i-drugih-belorusskih-klassikov-435494-2021/> (дата обращения: 20.06.2021).

References

1. *Uchebnaya programma po uchebnomu predmetu "Russkaya literatura" dlya V klassa uchrezhdeniy obshchego srednego obrazovaniya s belorusskim i russkim yazykami obucheniya i vospitaniya* [Curriculum on the academic subject "Russian literature" for the V grade of general secondary education institutions with the Belarusian and Russian languages of teaching and upbringing]. Available at: <https://adu.by/ru/homepage/>

obrazovatelnyj-protsess-2020-2021-uchebnyj-god/obshchee-srednee-obrazovanie-2020-2021/304-uchebnye-predmety-v-xi-klassy-2020-2021/3804-russkaya-literatura.html (accessed 01.09.2021).

2. *Russkaya literatura: ucheb. posobie dlya 5 klassa uchrezhdeniy obshchego srednego obrazovaniya s belorusskim i russkim yazykami obucheniya: v 2 ch. Ch. 2* [Russian literature: studies manual for the 5th grade of general secondary education institutions with Belarusian and Russian languages of instruction : in 2 books. Book 2]. Minsk, Natsional'nyy institut obrazovaniya Publ., 2019. 143 p.

3. *Uchebnaya programma po uchebnomu predmetu "Russkaya literatura" dlya VI klassa uchrezhdeniy obshchego srednego obrazovaniya s belorusskim i russkim yazykami obucheniya i vospitaniya* [Curriculum on the academic subject "Russian literature" for the VI grade of general secondary education institutions with the Belarusian and Russian languages of teaching and upbringing]. Available at: <https://adu.by/ru/homepage/obrazovatelnyj-protsess-2020-2021-uchebnyj-god/obshchee-srednee-obrazovanie-2020-2021/304-uchebnye-predmety-v-xi-klassy-2020-2021/3804-russkaya-literatura.html> (accessed 01.09.2021).

4. *Uchebnaya programma po uchebnomu predmetu "Russkaya literatura" dlya VII klassa uchrezhdeniy obshchego srednego obrazovaniya s belorusskim i russkim yazykami obucheniya i vospitaniya* [Curriculum on the academic subject "Russian literature" for the VII grade of general secondary education institutions with the Belarusian and Russian languages of teaching and upbringing]. Available at: <https://adu.by/ru/homepage/obrazovatelnyj-protsess-2020-2021-uchebnyj-god/obshchee-srednee-obrazovanie-2020-2021/304-uchebnye-predmety-v-xi-klassy-2020-2021/3804-russkaya-literatura.html> (accessed 01.09.2021).

5. *Uchebnaya programma po uchebnomu predmetu "Russkaya literatura" dlya VIII klassa uchrezhdeniy obshchego srednego obrazovaniya s belorusskim i russkim yazykami obucheniya i vospitaniya* [Curriculum on the academic subject "Russian literature" for the VIII grade of general secondary education institutions with the Belarusian and Russian languages of teaching and upbringing]. Available at: <https://adu.by/ru/homepage/obrazovatelnyj-protsess-2020-2021-uchebnyj-god/obshchee-srednee-obrazovanie-2020-2021/304-uchebnye-predmety-v-xi-klassy-2020-2021/3804-russkaya-literatura.html> (accessed 01.09.2021).

6. *Uchebnaya programma po uchebnomu predmetu "Russkaya literatura" dlya IX klassa uchrezhdeniy obshchego srednego obrazovaniya s belorusskim i russkim yazykami obucheniya i vospitaniya* [Curriculum on the academic subject "Russian literature" for the IX grade of general secondary education institutions with the Belarusian and Russian languages of teaching and upbringing]. Available at: <https://adu.by/ru/homepage/obrazovatelnyj-protsess-2020-2021-uchebnyj-god/obshchee-srednee-obrazovanie-2020-2021/304-uchebnye-predmety-v-xi-klassy-2020-2021/3804-russkaya-literatura.html> (accessed 01.09.2021).

7. *Uchebnaya programma po uchebnomu predmetu "Russkaya literatura" dlya X klassa uchrezhdeniy obshchego srednego obrazovaniya s belorusskim i russkim yazykami obucheniya i vospitaniya* [Curriculum on the academic subject "Russian literature" for the X grade of general secondary education institutions with the Belarusian and Russian languages of teaching and upbringing]. Available at: <https://adu.by/ru/homepage/obrazovatelnyj-protsess-2020-2021-uchebnyj-god/obshchee-srednee-obrazovanie-2020-2021/304-uchebnye-predmety-v-xi-klassy-2020-2021/3804-russkaya-literatura.html> (accessed 01.09.2021).

8. *Uchebnaya programma po uchebnomu predmetu "Russkaya literatura" dlya XI klassa uchrezhdeniy obshchego srednego obrazovaniya s belorusskim i russkim yazykami obucheniya i vospitaniya* [Curriculum on the academic subject "Russian literature" for the XI grade of general secondary education institutions with the Belarusian and Russian languages of teaching and upbringing]. Available at: <https://adu.by/ru/homepage/obrazovatelnyj-protsess-2020-2021-uchebnyj-god/obshchee-srednee-obrazovanie-2020-2021/304-uchebnye-predmety-v-xi-klassy-2020-2021/3804-russkaya-literatura.html> (accessed 01.09.2021).

9. SOYUZ compared school literature programs in Belarus and Russia. *Belarus' Segodnya, 2017, 26 yanvarya* [Belarus Today, January 26, 2017]. Available at: <https://www.belta.by/society/view/shvydkoj-v-rossijskih-shkolah-nuzhno-izuchat-tvorchestvo-kolasa-i-drugih-belorusskih-klassikov-435494-2021/> (accessed 15.06.2021).

10. *Shvydkoy: v rossiyskikh shkolakh nuzhno izuchat' tvorchestvo Kolasa i drugikh belorusskikh klassikov* [Shvydkoi: it is necessary to study the works of Kolas and other Belarusian classics]. Available at: <https://www.belta.by/society/view/shvydkoj-v-rossijskih-shkolah-nuzhno-izuchat-tvorchestvo-kolasa-i-drugih-belorusskih-klassikov-435494-2021/> (accessed 20.06.2021).

Информация об авторе

Острога Виктор Александрович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой таможенного дела. Белорусский государственный университет (220030, г. Минск, пр. Независимости, 4, Республика Беларусь). E-mail: ostroga.v@mail.ru

Information about the author

Astroha Victor Alexandrovich – DSc (History), Professor, Head of the Department of Customs Affairs. Belarusian State University (4, Nezavisimosti Ave., 220030, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: ostroga.v@mail.ru

Поступила 10.09.2021

УДК 351:338.48(476)“20/21”

Л. М. Гайдукевич

Белорусский государственный университет

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ
ТУРИСТИЧЕСКИМ КОМПЛЕКСОМ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА**

В статье рассматриваются основные этапы трансформации системы управления национальным туристическим комплексом в новейший период его развития. Автором раскрыта специфика реформирования туристического комплекса республики в условиях перехода на рыночные формы хозяйствования, показан поиск новых форм государственного регулирования комплекса в целях повышения его конкурентоспособности. Раскрыто содержание новых структурных инструментов регулирования туризма в стране после принятия Закона «О туризме». Показано значение пятилетних государственных программ планирования развития туризма, а также впервые созданного в структуре Министерства спорта и туризма Республики Беларусь Департамента по туризму, раскрыты его функциональные задачи. В статье особое внимание обращено на специфику государственной поддержки по становлению и развитию одного из приоритетных направлений внутреннего туризма – агроэкотуризма, который в последствии стал драйвером развития внутреннего туризма в регионах республики. На основе анализа развития в стране международного туризма в период 2014–2019 гг. автором раскрыто содержание реализуемой многовекторной внешней политики, показан положительный эффект от совершенствования визовой политики. Автором подняты вопросы совершенствования структуры управления туризмом в постковидный период, обращено внимание на имеющийся потенциал государственно-частного партнерства, потребности защиты прав потребителей туруслуг, национальных туроператоров, необходимости развития региональных структур управления туризмом.

Ключевые слова: туризм, этапы развития, структуры управления, нормативно-правовая база, координационный совет, общественные организации, туристические регионы, экономическое развитие, агроэкотуризм, визовая политика.

Для цитирования: Гайдукевич Л. М. Совершенствование системы государственного управления туристическим комплексом Республики Беларусь в конце XX – начале XXI века // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2021. № 2 (251). С. 52–57.

L. M. Gaidukevich

Belarusian State University

**IMPROVEMENT OF THE STATE MANAGEMENT SYSTEM
OF THE TOURIST COMPLEX OF THE REPUBLIC OF BELARUS
IN THE LATE XX – EARLY XXI CENTURY**

The article considers the main stages of the transformation of the management system of the national tourist complex and the latest period of its development. The author reveals the specifics of reforming the tourist complex of the republic in the conditions of transition to market forms of management, shows the search for new forms of state regulation of the complex in order to increase its competitiveness. The content of new structural instruments for regulating tourism in the country after the adoption of the Law “On Tourism” is disclosed. The role and significance of the five-year state programs for planning the tourism development, as well as the Department of Tourism, first created in the structure of the Ministry of Sports and Tourism of the Republic of Belarus, are shown, and its functional tasks are revealed. In the article, special attention is paid to the specifics of state support for the formation and development of one of the priority areas of domestic tourism – agroecotourism, which later became a driver for the domestic tourism development in the regions of the republic. Based on the analysis of the international tourism development in the country in the period 2014–2019 the author reveals the content of the implemented multi-vector foreign policy, shows the positive effect of improving the visa policy. The author raised the issues of improving the tourism management structure in the post-covid period, paid attention to the existing potential of public-private partnership, the need to protect the rights of consumers of travel services, national tour operators, the need to develop regional tourism management structures.

Key words: tourism, stages of development, management structures, regulatory framework, coordinating council, public organizations, tourist regions, economic development, agroecotourism, visa policy.

For citation: Gaidukevich L. M. Improvement of the state management system of the tourist complex of the Republic of Belarus in the late XX – early XXI century. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2021, no. 2 (251), pp. 52–57 (In Russian).

Введение. В условиях рыночных преобразований, начавшихся в республике в 1990-е гг., туристический комплекс, состоящий из предприятий гостиничного, транспортного, сервисного и посреднического секторов обслуживания, требовал качественных изменений в регулировании туристического рынка страны. Предыдущая административно-командная система государственного регулирования практически исчерпала себя, так как в ней Беларусь в основном выступала в роли коммуникационного транс-европейского коридора в рамках СССР. Вопросы трансформации туристического комплекса страны в рассматриваемый период исследовались отечественными учеными Шаповал Г. Ф., Решетниковым Д. Г., Тарасенком А. И., Клицуновой В. А. и др. [1]

Основная часть. В начале 1990-х гг. в складывающейся социально-экономической ситуации в белорусском обществе либерально-рыночная модель реформирования воспринималась как единственно возможная, чтобы быстро трансформировать хозяйственный комплекс страны, включая и туристический сектор.

Однако реализация данной модели не привела к быстрым положительным результатам. Более того, управляемость туристическим комплексом резко снизилась, поспешность приватизации объектов туристической инфраструктуры не обеспечила прорывного развития данной сферы услуг. Ряд ведомственных учреждений отдыха из-за финансовых трудностей были закрыты или перепрофилированы, вместимость рекреационных объектов республики значительно сократилось. Количество отдыхающих в рекреационно-курортных учреждениях республики сократилось с 1,5 млн. человек в 1990 г. до 1,1 млн. человек в 1994 г. [2, с. 205]. Анализируя этот период развития сейчас, становится понятно, что быстрого прорыва здесь сложно было ожидать из-за незрелости конкурентно-рыночной среды в республике, фактического отсутствия обновленной законодательной базы, отсутствия нового кадрового корпуса менеджеров, которые могли бы принимать грамотные управленческие решения в условиях изменившейся конкурентной среды. Необходимо отметить, что с аналогичными трудностями столкнулась не только наша республика, но и Болгария, Словакия [3, с. 35, 91–93]. Как отметил польский исследователь Р. Полински, рассматривая процесс трансформации в странах Центральной и Восточной Европы в 1990-е гг.: «Качество рынка в решающей степени зависит от институционального

порядка, ... а новая движущая сила должна быть соответствующим образом организована и направлена на общественно-экономический рост» [4, с. 142, 145]. С учетом того, что в реализации национальной туристической политики Беларуси участвует более 20 министерств и ведомств, было принято решение о создании в 2000 г. Межведомственного экспертно-координационного совета по туризму при Совете Министров Республики Беларусь. Задачами Совета стали:

- координация взаимодействия между субъектами хозяйственной деятельности и государственными органами;
- вопросы совершенствования законодательства Республики Беларусь в сфере туризма;
- разработка эффективных инструментов государственного регулирования сферой туризма;
- содействие развитию международного сотрудничества в сфере туризма;
- повышение экономической эффективности сферы туризма;
- укрепление туристического имиджа республики на международной арене;
- сохранение и рациональное использование культурного и природного наследия республики [5].

Начиная с 1994 г. в условиях принятия руководством страны социально-ориентированной модели рыночного развития в функционировании туристического комплекса начался новый этап (1994–2005 гг.). Данный этап характеризуется постепенным восстановлением государственного управления туркомплексом, разработкой единой рациональной системы туристического отдыха в республике, постепенным выходом национального турпродукта на международный рынок.

В 1999 г. впервые в республике был принят Закон «О туризме». В документе впервые в новейший период развития туркомплекса были закреплены базовые понятия в туризме, установлены организационные формы и виды туризма, определены приоритетные направления государственного регулирования туризма. Были введены в практику лицензирование деятельности турфирм, а также сертификация туристских услуг, оказываемых туроператорами и турагентами [6]. Разработанная Государственная программа, развитие физической культуры спорта и туризма на период до 2002 г. заложила основы последующей практики пятилетнего планирования развития туризма в республике. В декабре 2000 г. была принята первая Национальная

программа развития туризма на 2001–2005 гг. и последующие программы – Национальная программа развития туризма в Республике Беларусь на 2006–2010 гг., Национальная программа развития туризма в Республике Беларусь на 2008–2010 гг. и др. [7].

В ноябре 2005 г. было создано Министерство спорта и туризма Республики Беларусь, так как до этого времени управление туристическим комплексом осуществлялась Министерством внешнеэкономических связей Республики Беларусь, что не в полной мере позволяло сконцентрировать внимание на вопросах развития туризма в республике. Таким образом, к концу первого этапа фактически была устранена неуправляемость туристическим комплексом республики.

На втором этапе преобразований (2005–2014 гг.) в структуре Министерства спорта и туризма Республики Беларусь был создан Департамент по туризму, организовано Национальное агентство по туризму (2011 г.), создан Национальный туристический концерн «Белинтурист». Получили развитие специализированные общественные организации – учреждена белорусская федерация туризма, белорусская ассоциация экскурсоводов и гидов-переводчиков, начало функционировать общественное объединение по развитию агроэкотуризма БОО «Отдых в деревне» (2003 г.).

Особо востребованным стало создание в структуре Министерства спорта и туризма Республики Беларусь Департамента по туризму. Такое подразделение в составе министерства было создано впервые, а решением Совета Министров Республики Беларусь от 29 июля 2006 г. № 963 на него были возложены функции министерства в области туризма (формирование госполитики в области туризма, концептуальное развитие туризма в республике и поддержка субъектов хозяйствования всех видов собственности, осуществление практической помощи региональным органам управления сферой туризма, взаимодействие с общественными организациями, развитие международных связей в сфере туризма) [8, с. 18–19].

Весь последующий период развития туризма в республике подтвердил правильность, своевременность и эффективность функционирования созданных государственных структур управления на первом этапе, деятельность которых обеспечила создание правового поля развития национального туристического комплекса. Предпринятые руководством страны меры по развитию туризма в республике соответствовали международной практике, что было подтверждено принятием нашей страны в 2005 г. в состав Всемирной туристической организации (ЮНВТО).

Важной составляющей успешного развития туризма в республике в новейший период стало наличие устойчивого внимания к проблемам туристского комплекса со стороны государственных структур всех уровней. В 2006 г. образованы в регионах республики 27 туристических зон, утверждены планы-схемы развития инфраструктуры туризма во всех 118 административных районах страны [9]. Так, например, в Генеральный план развития города Минска до 2030 г. был включен отдельный раздел «Развитие туризма».

Принятые государством во второй половине 1990-х гг. меры по развитию в стране туризма положительно сказались на таком важном направлении внутреннего туризма, как агроэкотуризм. Указ Президента Республики Беларусь от 2 июня 2006 г. № 372 «О мерах по развитию агроэкотуризма в Республике Беларусь» создал эффективную правовую основу развития агроэкотуризма в республике. Данным указом не только предусмотрен льготный режим создания субъектов агроэкотуризма (уплата разового годового сбора, равного одной базовой величине; освобождение от уплаты налогов и сборов; упрощенный порядок регистрации и др.), но было открыто и льготное кредитование «Белагропромбанком» его инфраструктурного развития. Все это позволило создать в регионах республики развернутую сеть агроусадеб, которые стали драйвером развития внутреннего туризма в республике. По состоянию на 1 января 2020 г. в стране функционировало 2760 агроусадеб. Только в 2018 г. в них отдохнуло 515 тыс. человек, в том числе 60 тыс. человек – гости из 78 стран мира [10, с. 45]. Такому динамичному развитию агроэкотуризма способствовало и то, что в июне 2011 г. при Департаменте по туризму Министра спорта и туризма Республики Беларусь был создан Республиканский общественно-консультативный совет по развитию агроэкотуризма, преобразованный впоследствии (2015 г.) в Экспертно-координационный совет по туризму Министерства спорта и туризма Республики Беларусь [10, с. 45–46]. Сегодня развитие агротуризма в стране является одним из приоритетов развития национального туристического комплекса.

Расширение международных контактов во втором десятилетии XXI в. в рамках реализации многовекторной внешней политики республики, реализуемой руководством страны, положительно сказалось на развитии международного туризма в стране. Период с 2014 по 2019 гг. можно рассматривать как новый этап в развитии туризма в стране и совершенствовании его системы управления.

Два международных события – Чемпионат мира по хоккею в 2014 г. в Минске и Вторые Европейские игры в 2019 г. в столице – оказали

существенное влияние на совершенствование визовой политики страны. В соответствии с Указами Президента Республики Беларусь накануне проведения данных спортивных мероприятий был введен безвизовый въезд туристов в страну: в 2010 г. – пятидневный безвизовый въезд через Национальный аэропорт Минск, а Указом от 3 января 2017 г. безвизовый период нахождения иностранных граждан из 80 государств был продлен до 30 дней. Более того, Указом Президента от 7 августа 2019 г. № 300 «Об установлении безвизового порядка въезда и выезда иностранных граждан» ранее безвизовые территории в Брестской и Гродненской областях в количестве 13 районов были преобразованы в безвизовую территорию «Брест – Гродно» для туристов на срок до пятнадцати суток. Принятые меры активизировали въездной поток иностранных граждан в республику. По итогам 2017 г. численность иностранных туристов в Гродненскую область превысило 38 тыс. человек, что в 32 раза превысило уровень 2014 года [11, с. 111–112].

2019 г. вошел в историю человечества как период очень жестокой вирусной пандемии COVID-19, которая тяжело сказалась на всем мировом туристическом бизнесе. Международный туристический обмен в 2020 г. «просел» до показателей 1990 г. Международные коммуникации фактически прекращены, национальные государства закрывают внешние, а порой и внутренние границы. Белорусский туризм так же понес большие потери, въездной поток туристов упал в 2021 г. на 80%. Многие туристические компании республики обанкротились, так как их деятельность была направлена на организацию выездных путешествий белорусов. Совет Министров Республики Беларусь в июле 2020 г. принял ряд мер по оказанию финансовой поддержки компаниям, но в силу недостатка финансовых ресурсов эта помощь была кратковременной и не сумела в полном объеме минимизировать потери национального турбизнеса. Вместе с тем выстроенная за прошедший период система управления в республике позволила в кратчайшее время обеспечить доставку белорусских туристов из зарубежных стран и таким образом сохранить здоровье

своих соотечественников в сложный пандемийный период.

Заключение. Одним из ключевых аспектов современного развития национального туристического комплекса является перевод внутренних туристических активов на международный рынок. Этот процесс преобразования включает не только создание туристических продуктов с международной привлекательностью, но и совершенствование системы управления комплексом с учетом современных международных тенденций и национальной специфики нашего государства. Развитие национального туристического комплекса в новый пандемийный период (с 2020 г. по настоящее время) свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования национальной системы управления.

Переход республики на инвестиционно-инновационную модель развития туристического комплекса потребует кардинальной трансформации всей структуры управления в нем.

Так, в республике все еще не структурирован туристический рынок, на котором преобладают малочисленные туркомпании, что снижает их конкурентоспособность.

Требует новых подходов весь комплекс мер по обеспечению безопасности как туристов, так и субъектов хозяйствования в туристической сфере. В этом вопросе необходимо четко обозначить взаимные обязательства сторон – государства и частного бизнеса (вопросы страхования в туризме, совершенствование нормативно-правовой базы с учетом инвестиционного развития и другие вопросы).

С приходом на национальный рынок зарубежных компаний (особенно в гостиничном секторе) необходимо разработать эффективные меры по защите отечественных производителей туристических услуг и товаров с одновременной поддержкой иностранного капитала, инвестируемого в инновационные проекты в туризме.

Необходимо повысить статус региональных структур управления туризмом, расширить их правовые и финансовые возможности, обеспечить координацию взаимодействия всех структур хозяйствования, особенно в безвизовых зонах развития туризма.

Список литературы

1. Гайдукевич Л. М., Тарасенок А. И., Решетников Д. Г., Полещук Н. И. Туризм в Беларуси: пособие для студентов факультета международных отношений специальности Э.01.09.00 «Менеджмент» специализации Э.01.09.10 «Менеджмент международного туризма». Минск: БГУ, 2001. 133 с.
2. Гайдукевич Л. М. Международный туризм в системе взаимодействия стран Центральной и Восточной Европы в конце XX – начале XXI века. Минск: Четыре четверти, 2007. 300 с.
3. Tourism Development in Post-Soviet Nations. From Communism to Capitalism / ed. by S. L. Slocum, V. Klintsova. Palgrave Macmillan (Switzerland), 2020. P. 226.

4. Полиньски Р. Трансформация экономических систем в Центральной и Восточной Европе. Минск: Право и экономика, 2004. 261 с.

5. Положение о Межведомственном экспертно-координационном совете по туризму при Совете Министров Республики Беларусь: утв. постановлением Советов Министров Республики Беларусь от 01.08.2000 № 1186 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2000. № 74. 5/3760.

6. О туризме: Закон Республики Беларусь от 25.11.1999 № 326-З // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 1999. № 95. 2/101.

7. Национальная программа развития туризма в Республике Беларусь на 2008–2010 годы / отв. за выпуск Л. Е. Максимова; Министерство спорта и туризма Республики Беларусь; Департамент по туризму; ГУ «Республиканский учебно-методический центр физического воспитания населения». Минск, 2008. 200 с.

8. Шорец В. М. Правовое обеспечение туристической деятельности: учеб.-метод. пособие. Минск: РИПО, 2014. 130 с.

9. О создании туристских зон: постановление Совета Министров Республики Беларусь от 30.05.2005 № 573 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2005. № 92. 5/16066.

10. Агротуризм – 2020: новые поколения – новые тренды: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 11 дек. 2020 г. / Белор. гос. ун-т; редкол.: Л. М. Гайдукевич (гл. ред.), В. А. Клицунова, А. Н. Решетникова. Минск: БГУ, 2020. 126 с.

11. Современные тенденции развития международного туризма в мире и Республике Беларусь в условиях глобализации: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 20-летию основания каф. междунар. туризма фак. междунар. отношений Белорус. гос. ун-та, Минск, 12 окт. 2018 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: Л. М. Гайдукевич [гл. ред.] [и др.]. Минск: БГУ, 2018. 291 с.

References

1. Gaydukevich L. M., Tarasenok A. I., Reshetnikov D. G., Poleshchuk N. I. *Turizm v Belarusi: posobie dlya studentov fakul'teta mezhdunarodnykh otnosheniy spetsial'nosti E.01.09.00 "Menedzhment" spetsializatsii E.01.09.10 "Menedzhment mezhdunarodnogo turizma"* [Tourism in Belarus: a manual for students of the Faculty of International Relations of the specialty E.01.09.00 "Management" of the specialization E.01.09.10 "Management of international tourism"]. Minsk, BGU Publ., 2001. 133 p.

2. Gaydukevich L. M. *Mezhdunarodnyy turizm v sisteme vzaimodeystviya stran Tsentral'noy i Vostochnoy Yevropy v kontse XX – nachale XXI veka* [International tourism in the system of interaction between the countries of Central and Eastern Europe at the end of the XX – beginning of the XXI century]. Minsk, Chetyre chetverti Publ., 2007. 300 p.

3. Slocum S. L., Klitsonova V. (editors). *Tourism Development in Post-Soviet Nations. From Communism to Capitalism*. Palgrave Macmillan (Switzerland), 2020. P. 226.

4. Polin'ski R. *Transformatsiya ekonomicheskikh sistem v Tsentral'noy i Vostochnoy Yevrope* [Transformation of economic systems in Central and Eastern Europe]. Minsk, Pravo i ekonomika Publ., 2004. 261 p.

5. Regulations on the Interdepartmental Expert-Coordinating Council for Tourism under the Council of Ministers of the Republic of Belarus: approved by the Resolution of the Councils of Ministers of the Republic of Belarus. *Natsional'nyy reestr pravovykh aktov Respubliki Belarus'* [National Register of Legal Acts of the Republic of Belarus]. 2000, no. 74, 5/3760.

6. On Tourism: Law of the Republic of Belarus no. 326, 25.11.1999. *Natsional'nyy reestr pravovykh aktov Respubliki Belarus'* [National Register of Legal Acts of the Republic of Belarus], 1999, no. 95, 2/101.

7. *Natsional'naya programma razvitiya turizma v Respublike Belarus' na 2008–2010 gody* [National Program of Tourism development in the Republic of Belarus for 2008–2010]. Minsk, 2008. 200 p.

8. Shoret V. M. *Pravovoe obespechenie turisticheskoy deyatel'nosti: ucheb.-metod. posobie* [Legal support of tourism activities: tutorial]. Minsk, RIPO Publ., 2014. 130 p.

9. On the creation of tourist zones: Resolution of the Council of Ministers of the Republic of Belarus. *Natsional'nyy reestr pravovykh aktov Respubliki Belarus'* [National Register of Legal Acts of the Republic of Belarus], 2005, no. 92, 5/16066.

10. *Agroturizm – 2020: novye pokoleniya – novye trendy: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Agrotourism-2020: new generations – new trends: materials of the International scientific and practical conference]. Minsk, BSU Publ., 2020. 126 p.

11. *Sovremennye tendentsii razvitiya mezhdunarodnogo turizma v mire i Respublike Belarus' v usloviyakh globalizatsii: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 20-letiyu osnovaniya kaf. mezhdunar. turizma fak. mezhdunar. otnosheniy Belorus. gos. un-ta* [Modern trends in the development of international tourism in the world and the Republic of Belarus in the context of globalization: materials of the International scientific and practical conference, dedicated to the 20th anniversary of the foundation of the International Relations Faculty of the Belarusian State University]. Minsk, BSU Publ., 2019, 291 p.

Информация об авторе

Гайдукевич Леонид Михайлович – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой международного туризма. Белорусский государственный университет (220030, г. Минск, пр. Независимости, 4, Республика Беларусь). E-mail: lgaidukevich@mail.ru

Information about the author

Gaidukevich Leonid Mikhailovich – DSc (History), Associate Professor, Head of the Department of International Tourism. Belarusian State University (4, Nezavisimosti Ave., 220030, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: lgaidukevich@mail.ru

Поступила 10.09.2021

УДК 930+94(476)«1985/1991»

Я. І. Завацкі

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

ДЗЯРЖАЎНАЯ ПАЛІТЫКА ПА АХОВЕ НАВАКОЛЬНАГА АСЯРОДДЗЯ І ПРЫРОДАКАРЫСТАННІ Ў БССР (1985–1991 ГГ.): ГІСТАРЫЯГРАФІЯ ПЫТАННЯ

Тэма дзяржаўнай экалагічнай палітыкі ў БССР у гады гарбачоўскай перабудовы з'яўляецца наватарскай у гістарычнай навуцы на сённяшні дзень. Апошняе комплекснае даследаванне, прысвечанае дзяржаўнай палітыцы ў рэспубліцы ў сферы аховы навакольнага асяроддзя і прыродакарыстання, выйшла ў свет у 1987 г. Аднак яго храналагічныя рамкі ахопліваюць перыяд з 1976 па 1985 гг., у сувязі з чым працэсы перабудовы амаль не закранутыя. Асобныя пытанні разглядаемай палітыкі сталі прадметам даследавання спецыялістаў іншых навуковых галін, перш за ўсё юрыстаў і эканамістаў. Яны звяртаюць увагу на складанасці ў функцыянаванні сістэмы кіравання па ахове навакольнага асяроддзя, хібы ў экалагічным заканадаўстве і праблемы рэфармавання эканамічнага рэгулявання прыродакарыстаннем. У даследаваннях навукоўцаў-прыродазнаўцаў закрэсленыя экалагічныя праблемы, звязаныя з негатыўным уздзеяннем прамысловасці і меліярацыйных работ на стан навакольнага асяроддзя, у сувязі з чым прыводзяцца захавы з боку дзяржавы па пераадоленні наяўных прагалаў. З мэтай сістэмнага аналізу дзяржаўнай экалагічнай палітыкі ў рэспубліцы ў гады перабудовы патрабуецца даследаванне рашэнняў КПСС – КПБ, дзейнасці Дзяржкамтэта БССР па ахове прыроды, Беларускага рэспубліканскага ўпраўлення па гідраметэаралогіі і кантролі прыроднага асяроддзя і Пастаяннай камісіі Вярхоўнага Савета БССР па ахове прыроды і рацыянальным выкарыстанні прыродных рэсурсаў.

Ключавыя словы: гістарыяграфія, экалагічная палітыка, БССР, перабудова.

Для цытавання: Завацкі Я. І. Дзяржаўная палітыка па ахове навакольнага асяроддзя і прыродакарыстанні ў БССР (1985–1991 гг.): гістарыяграфія пытання // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2021. № 2 (251). С. 58–63.

Ya. I. Zavatski

Belarusian State University

STATE POLICY ON ENVIRONMENTAL PROTECTION AND NATURE MANAGEMENT IN THE BSSR (1985–1991): HISTORIOGRAPHY OF THE ISSUE

The topic of state environmental policy in the BSSR during the years of Gorbachev's perestroika is innovative in historical science today. The last comprehensive study on the state policy in the republic in the field of environmental protection and nature management was published in 1987. However, its chronological framework covers the period from 1976 to 1985, and therefore the processes of perestroika are almost not affected. Some issues of the policy under consideration have become the subject of research by specialists in other scientific fields, primarily lawyers and economists. They draw attention to the difficulties in the functioning of the environmental management system, omissions in environmental legislation and the problems of reforming the economic regulation of environmental management. In the studies of natural scientists environmental problems related to the negative impact of industry and land reclamation work on the state of the environment are touched upon, in connection with which measures are taken by the state to overcome the existing gaps. In order to systematically analyze the state environmental policy in the republic during the years of perestroika, it is necessary to study the decisions of the CPSU – CPB, the activities of the State committee of the BSSR for nature protection, the Belarusian republican department for hydrometeorology and environmental control and the Standing commission of the Supreme Council of the BSSR on nature protection and rational use of natural resources.

Keywords: historiography, environmental policy, the BSSR, Perestroika.

For citation: Zavatski Ya. I. State policy on environmental protection and nature management in the BSSR (1985–1991): historiography of the issue. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2021, no. 2 (251), pp. 58–63 (In Belarusian).

Уводзіны. Адметнасцю вывучэння пытання дзяржаўнай экалагічнай палітыкі ў БССР на мяжы 1980–1990-х гг. з'яўляецца адсутнасць на

сённяшні дзень у беларускай гістарыяграфіі комплексных навуковых працаў па дадзенай праблеме. Асобныя аспекты разглядаемай

палітыкі сталі прадметам даследавання перш за ўсё сярод прыродазнаўцаў, юрыстаў і эканамістаў.

Асноўная частка. Апошняя спроба сістэмнага гістарычнага аналізу дзяржаўнай прыродаахоўнай палітыкі ў БССР належыць М. Даўгяле, на падставе чаго ў 1987 г. ім была абаронена кандыдацкая дысертацыя. У сваім даследаванні навуковец закранае мерапрыемствы па ахове прыроды падчас ажыццяўлення X і XI пяцігадовых планаў (1976–1985 гг.), і ў рамках гэтага адзначае станоўчую ролю Камуністычнай партыі Беларусі па ўцягванні ў гаспадарчы зварот прамысловых і бытавых адходаў, беражлівым выкарыстанні і ахове водных рэсурсаў, ажыццяўленні меліярацыйных работ [1, с. 14, 16]. Разам з тым даследчык адзначае, што ў правядзенні меліярацыі ў разглядаемы перыяд не ўдалося дабіцца карэннага пералому [1, с. 16].

На сучасным этапе прававы аспект аховы навакольнага асяроддзя ў БССР у гады гарбачоўскай перабудовы знайшоў адлюстраванне ў працах С. Балашэнкі і Н. Мінько [2, 3, 4]. Пытанні дзяржаўнага кіравання ў сферы аховы прыроды ў Рэспубліцы Беларусь закранаюцца ў манаграфіі С. Балашэнкі, у межах чаго ім даследуецца працэс станаўлення рэспубліканскай сістэмы кіравання па ахове навакольнага асяроддзя. Адносна перыяду канца 1980-х – пачатку 1990-х гг. навуковец адзначае, што ў БССР на той час прыродаахоўнае кіраванне мела складаную арганізацыйную структуру, якая грунтавалася на сістэме выканаўча-распарадчых органаў. Па гэтай прычыне ўсе рэформы ў кіраванні былі непарыўна звязаныя са змяненнямі адзначаных органаў. Апроч за тое, ён падкрэслівае, што адсутнічаў адзіны орган, які адказваў за функцыю вырашэння першасных задач па ахове прыроды [2, с. 25–26]. У цэлым, на думку навукоўца, падчас гарбачоўскай перабудовы значная частка рэформ у сістэме прыродаахоўнага кіравання аказаліся няўдалымі [2, с. 28].

Пытаннем канстытуцыйна-прававога рэгулявання ў вобласці рацыянальнага выкарыстання прыродных рэсурсаў прысвечаныя артыкулы Н. Мінько. Беручы пад увагу час дзеяння канкрэтнага Асноўнага Закона рэспублікі, даследчыца вылучае пяць перыядаў канстытуцыйна-прававога рэгулявання прыродакарыстання ў Беларусі. Згодна з ёй, чацвёрты і пяты перыяды ахопліваюць адпаведна рамкі з 1977–1978 па 1990–1994 гг. і з 1990–1994 гг. па сённяшні дзень [3, с. 77]. У якасці водападзелу паміж адзначанымі перыядамі Н. Мінько ставіць Дэкларацыю аб дзяржаўным суверэнітэце БССР ад 27 ліпеня 1990 г., якая садзейнічала распрацоўцы і прыняццю некалькіх законаў па дзяржаўным рэгуляванні прыродакарыстання [4, с. 38].

Экалагічнае заканадаўства і прыродаахоўная палітыка ў БССР на мяжы 1980-х і 1990-х гг. сталі прадметам даследавання ў шэрагу айчынных навучальных дапаможнікаў па юрыспрудэнцыі, якія выйшлі ў свет у 1991–1992 гг. Сістэмнай у гэтых адносінах працай з’яўляецца кніга А. Бабылёва і С. Балашэнкі «Пытанні агульнай тэорыі экалагічнага права». Яе аўтары адзначаюць, што гісторыя развіцця савецкага грамадства грунтавалася на канцэпцыі дамінавання эканамічных інтарэсаў над экалагічнымі. Дадзеная канцэпцыя праяўлялася ў чатырох фактарах. Па-першае, у значным адставанні тэмпаў узаўважэння прыродных рэсурсаў над тэмпамі іх выкарыстання. Па-другое, у вызначальнай перавазе развіцця навукі і тэхнікі над ажыццяўленнем прыродаахоўных захадаў. Па-трэцяе, у палітычным прыярытэце праграм, звязаных з ростам спажывання прыродных рэсурсаў. Па-чацвёртае, у грэбаванні экалагічнай бяспекі людзей, што праявілася ў змаганні з вынікамі аварыі на Чарнобыльскай АЭС. А. Бабылёў і С. Балашэнка падкрэсліваюць, што падчас перабудовы правільнае спалучэнне эканамічных інтарэсаў і экалагічнай бяспекі грамадства не ўлічвалася пры ажыццяўленні мерапрыемстваў па пераходзе краіны да рынкавай эканомікі [5, с. 5–7]. На думку даследчыкаў, прыродаахоўная дзейнасць савецкай дзяржавы на той момант не забяспечвала яе грамадзянам экалагічнай бяспекі. Па гэтай прычыне аўтары кнігі прапаноўваюць замацаваць у Канстытуцыі БССР самастойнае права грамадзян на спрыяльнае навакольнае асяроддзе, якое гарантавалася б судовым парадкам [5, с. 7, 64].

У другім навучальным дапаможніку пад рэдакцыяй А. Бабылёва – «Прававы рэжым выкарыстання і аховы прыродных аб’ектаў і прыродных рэсурсаў» – робіцца аналіз рэспубліканскага прыродаахоўнага заканадаўства, у рамках чаго адзначаюцца ў тым ліку яго прагалы. У прыватнасці, паводле арт. 6 Кодэкса БССР аб зямлі ад 11 снежня 1990 г. рашэнні Саветаў народных дэпутатаў, якія былі звязаны з адабраннем і прадастаўленнем зямлі для несельскагаспадарчых патрэб, калектыўнага садаводства і агародніцтва, прымаліся з улікам грамадскага меркавання. Аднак у артыкуле не быў замацаваны механізм адзначанага грамадскага меркавання, што дазваляла месцовым Саветам дэманстраваць ігнараванне: «Грамадскае меркаванне не падтрымлівае», «народ нас не зразуме» і г. д. [6, с. 29]

Разнастайныя пытанні эканомікі прыродакарыстання ў БССР на мяжы 1980–1990-х гг. аналізуюцца ў спецыяльным зборніку навуковых працаў «Экалага-эканамічныя праблемы ў Беларусі і шляхі іх вырашэння», падрыхтаваным

Навукова-даследчым эканамічным інстытутам Дзяржэканамплана БССР у 1991 г. Разгляд гэтых пытанняў на дзяржаўным узроўні даследуецца ў артыкулах С. Качаноўскага, В. Шымавай і П. Барташа. Праблема захавання экалагічнай бяспекі ва ўмовах пераходу БССР да рынкавай эканомікі закранаецца ў артыкуле С. Качаноўскага. Навуковец адзначае наступныя прычыны, якія прывялі да катастрофічнага становішча навакольнага асяроддзя ў СССР: памылковыя ўяўленні аб заканамернасцях ва ўзаемадзеянні прыроды і грамадства; ілюзія бязмежнага панавання сацыялістычнай дзяржавы над прыроднымі багаццямі; знішчэнне векавых традыцый; грэбаванне ўласным народам, яго культурай і асяроддзем пражывання; прыход да кіраўніцтва малакампетэнтных людзей, не здольных разважаць доўгатэрміновымі катэгорыямі. Даследчык бачыць карэннае паляпшэнне экалагічнай абстаноўкі ў рэспубліцы ў паспяховым ажыццяўленні эканамічнай рэформы. На яго меркаванне, важнейшай перадумовай у справе аховы прыроды павінна стаць падрыхтоўка нарматыўна-прававога, эканамічнага і сацыяльна-палітычнага механізмаў экалагічнага кіравання [7, с. 5–7].

Пытанне рэфармавання савецкага гаспадарчага механізму ва ўмовах пераходу да рынкавай эканомікі прааналізавала В. Шымава ў артыкуле «Некаторыя аспекты ўдасканалення гаспадарчага механізму прыродакарыстання ва ўмовах пераходу да рынку». У прыватнасці, яна сцвярджае, што агульнанародная ўласнасць на прыродныя рэсурсы, абвешчаная ў Канстытуцыі СССР 1977 г., насамрэч была падменена на дзяржаўную ў асобе канкрэтных міністэрстваў і ведамстваў. У выніку гэта прывяло да мноства згубных наступстваў. Выйсце са складанай сітуацыі яна бачыць у пераходзе ад фактычна ведамаснай уласнасці на прыродныя рэсурсы да агульнанароднай у асобе мясцовых органаў улады, якія павінны несці поўную грамадскую адказнасць за стан навакольнага асяроддзя [8, с. 16].

На хібы ў рэфармаванні дзяржаўнага экалагічнага кіравання ў БССР звяртае ўвагу П. Барташ. У артыкуле «Некаторыя праблемы перабудовы дзяржаўнага экалагічнага кіравання ў рэспубліцы» ён адзначае, што шматлікім прыродаахоўным структурам уласцівы паралелізм і дубляванне па ажыццяўленні гэтага кіравання. Апроч за тое, кіраўнічая дзейнасць Дзяржкампрыроды БССР носіць выбарачны характар: ёй, галоўным чынам, нададзеныя правы па ахове водных рэсурсаў [9, с. 103].

Эканамічныя супярэчнасці прыродакарыстання ва ўмовах пераходу да рынкавай эканомікі сталі прадметам даследавання ў аднайменнай кандыдацкай дысертацыі В. Пацехінай.

У дадзеным рэчышчы асноўнай супярэчнасцю даследчыца бачыць разыходжанне паміж грамадскім характарам прыродных багаццяў і ўскосным іх прысваеннем эканамічна адасобленымі гаспадарчымі суб'ектамі [10, с. 10]. Вырашэнне экалагічнага крызісу В. Пацехіна разглядае праз стварэнне новага прыродагаспадарчага механізму. На яе погляд, умовамі яго стварэння павінны стаць пераадоленне састарэлых форм гаспадарчай дзейнасці і іх носьбітаў; забеспячэнне ўзгодненасці і сумяшчальнасці рынкавых і планавых метадаў гаспадарання; змяненне адносін уласнасці на прыродна-рэсурсны патэнцыял і тэхнагенныя сродкі вытворчасці [10, с. 12–13].

Экалагічны аспект аховы навакольнага асяроддзя і рацыянальнага прыродакарыстання ў БССР напачатку перабудовачных працэсаў стаў прадметам даследавання ў манаграфіях С. Валянцэя, В. Парфёнава і А. Лучкова [11, 12]. С. Валянцэй адзначае, што на мяжы 1970–1980-х гг. у СССР адсутнічала надведамная сістэма кіравання па ахове навакольнага асяроддзя (на той час разглядаемай дзейнасцю займаліся 14 арганізацый). Адмоўным следствам гэтага стала недасканалая выкарыстанне тэхнічных сродкаў аховы прыроды, раззасяроджаных практычна па ўсіх галінах эканомікі, якія ў той ці іншай меры забруджвалі навакольнае асяроддзе. Да таго ж даследчык звяртае ўвагу на той факт, што сістэма падрыхтоўкі спецыялістаў у сферы экалогіі патрабавала ўдасканалення [11, с. 29–30]. Рашэнні, прынятыя на XXVII з'ездзе КПСС (23 лютага – 3 сакавіка 1986 г.), ён разглядае як карэнную змену курса ў вобласці экалага-эканамічнай стратэгіі савецкага грамадства [11, с. 27]. У пытанні глабальнага вырашэння праблемы аховы навакольнага асяроддзя С. Валянцэй вылучае два накірункі: «гарманічнае развіццё адносін паміж грамадствам і прыродай і фармаванне рэсурсазберагальнай вытворчасці» [11, с. 32].

В. Парфёнаў і А. Лучкоў сцвярджаюць, што напружаная экалагічная сітуацыя ў шэрагу беларускіх гарадоў напрыканцы існавання СССР была часткова абумоўлена эканамічнымі прычынамі. Яны разглядаюць аптымізацыю прыродакарыстання праз прызму адпаведнасці эканамічнага механізму прававым нормам. У гэтай сувязі аўтары манаграфіі выступаюць за ўдасканаленне прыродаахоўных законаў, прымяненне штрафных санкцый за парушэнне экалагічных патрабаванняў і нарматываў, а таксама за паляпшэнне экалагічнай адукацыі і выхавання насельніцтва і, перш за ўсё, падрыхтоўку кваліфікаваных спецыялістаў-экалагаў [12, с. 3–4, 44].

Пытаннем аховы навакольнага асяроддзя і рацыянальнага прыродакарыстання ў БССР у гады перабудовы прысвечаны канспект лекцый Л. Машаравай, А. Бацвінневай і С. Канстанціновіча.

Асаблівую цікавасць прадстаўляе раздзел канспекта, дзе закранаецца пытанне абароны ад забруджвання водных рэсурсаў рэспублікі, у першую чаргу возера Нарач. На думку аўтараў, гаротнае становішча возера з'яўляецца пераканаўчым сведчаннем таго, што экалагічная культура савецкага народа знаходзіцца не на належным узроўні [13, с. 38]. Напрыканцы раздзела кнігі навукоўцы падкрэсліваюць: «Зараз мы ўкладваем у ахову прыроды каля аднаго адсотку нацыянальнага даходу. Даказана, што выкарыстанне трох адсоткаў нацыянальнага даходу стабілізуе прыроднае асяроддзе, пяці адсоткаў – паляпшае, калі не пераступіць небяспечную рысу, за якой узнікаюць незваротныя з'явы. Тады і дзесяці працэнтаў не хопіць» [13, с. 41].

Меліярацыя Беларускага Палесся прысвечаная аднайменнай манаграфія М. Аўраменкі. Навуковец адзначае, што комплексная меліярацыя 1960–1980-х гг. змяніла ў лепшы бок палескі рэгіён у сацыяльных і эканамічных адносінах [14, с. 41]. Выпадкі ж парушэння прыродакарыстання, такія як распашка водахоўных палос, пераасушэнне торфу і інш., ён разглядае толькі як прагалы, якія частка землекарыстальнікаў дапускае пры правядзенні меліярацыі. Тым не менш пры пераадоленні адзначаных недахопаў асушальная сістэма з'яўляецца экалагічна надзейнай. У цэлым масавы вывад асушаных зямель з сельскагаспадарчага звароту М. Аўраменка лічыць непрымальным [14, с. 156]. «Без меліярацыі зямель у Палессі немагчыма не толькі весці сельскую гаспадарку, але і палепшыць жыццё насельніцтва», – падсумоўвае ён [14, с. 156].

Экалагічныя праблемы СССР на мяжы 1980–1990-х гг. даследаваў амерыканскі палітолаг Д. Дж. Пітэрсан у манаграфіі «Праблемныя землі: спадчына савецкага разбурэння навакольнага асяроддзя». Адносна Беларусі навуковец прыводзіць статыстычныя даныя па атмасферным, водным і зямельным забруджванні ў савецкім кантэксце. Найбольш глыбока прыклад Беларусі ўзгадваецца ім пры вывучэнні хібаў эканомікі прыродакарыстання ў Савецкім Саюзе. Так, на той час кіраўнікі прадпрыемстваў надавалі мала ўвагі ахове навакольнага асяроддзя, паколькі наступствы невыканання плана былі больш сур'ёзнымі, чым наступствы парушэння экалагічных правілаў. Таму кіраўнікі не былі схільнымі спыняць вытворчасць дзеля барацьбы

з забруджваннем [15, с. 68]. У дадзеным рэчышчы Д. Дж. Пітэрсан узгадвае адкрыты ліст работнікаў вытворчага аб'яднання «Хімвалакно» г. Светлагорска да сваіх таварышаў з Асацыяцыі хімічнай вытворчасці г. Славянска Данецкай вобласці, які быў надрукаваны ў «Праўдзе Украіны» ў студзені 1990 г. У лісце работнікі «Хімвалакна» адзначылі, што іх прадпрыемства атрымала са Славянска толькі трэць запланаванай колькасці кальцыніраванай соды для ачысткі сцёкавых вод, таму яны былі вымушаны скідваць неачышчаныя прамысловыя сцёкі ў р. Бярэзіну. У выніку працоўны калектыв «Хімвалакна» панёс штраф у памеры 89 тыс. рублёў за атручванне рыбы [15, с. 69–70].

Заклучэнне. Праблема дзяржаўнай экалагічнай палітыкі ў БССР на мяжы 1980–1990-х гг. у сённяшняй гістарычнай навуцы амаль не закранутая. Асобныя аспекты гэтай праблемы даследаваліся іншымі навукоўцамі, у першую чаргу юрыстамі і эканамістамі. Аналізуючы дзяржаўныя захады па ахове прыроды, яны акцэнтуюць увагу галоўным чынам на адпаведнасці заканадаўства экалагічным нормам і эканамічнай палітыкі на стан навакольнага асяроддзя. Пры вывучэнні прыродаахоўнай праблематыкі сучаснымі гісторыкамі працы адзначаных навукоўцаў уяўляюць карысць у сэнсе даследавання савецкай нарматыўна-прававой базы і функцыянавання дзяржаўнага кіравання па ахове прыроды. Тым не менш патрэбна звярнуць увагу на тое, што юрыстамі і эканамістамі не былі сістэмна прааналізаваны рашэнні XXVII і XXVIII з'ездаў КПСС, XIX Усесаюзнай канферэнцыі КПСС, XXX і XXXI з'ездаў КПБ і іх уплыў на трансфармацыю заканадаўства і эканамічнага кіравання ў справе аховы прыроды.

Акрамя даследавання ўплыву партыйных з'ездаў на экалагічную палітыку ў БССР, у гістарычнай навуцы патрабуецца вывучэнне дзейнасці дзяржаўных органаў, якія неслі адказнасць за ахову навакольнага асяроддзя і прыродакарыстанне. У выпадку БССР разглядаемая праблема тычыцца дзейнасці Дзяржкамітэта БССР па ахове прыроды, Беларускага рэспубліканскага ўпраўлення па гідраметэаралогіі і кантролі прыроднага асяроддзя і Пастаяннай камісіі Вярхоўнага Савета БССР па ахове прыроды і рацыянальным выкарыстанні прыродных рэсурсаў.

Спіс літаратуры

1. Довгялло М. С. Деятельность Компартии Белоруссии по организации охраны и рациональному использованию природных ресурсов (1976–1985 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.01. Минск: БГУ им. В. И. Ленина, 1987. 22 с.
2. Балашенко С. А. Государственное управление в области охраны окружающей среды. Минск: БГУ, 2000. 341 с.

3. Мінько Н. С. Канстытуцыйна-правое рэгуляванне ў сферы прыродакарыстання ў БССР і Рэспубліцы Беларусь: станаўленне і развіццё // Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні. 2009. № 4. С. 75–86.
4. Мінько Н. С. Канстытуцыйна-правое рэгуляванне ў сферы прыродакарыстання ў БССР і Рэспубліцы Беларусь // Беларускі гістарычны часопіс. 2009. № 12. С. 36–39.
5. Бобылев А. И., Балашенко С. А. Вопросы общей теории экологического права. Минск: БГУ, 1991. 123 с.
6. Бобылев А. И., Демичев Д. М., Шингель Н. А. Правовой режим использования и охраны природных объектов и природных ресурсов: экологическое право: особенная часть: учеб. пособие. Минск: БГУ, 1992. 198 с.
7. Кочановский С. Б. Охрана природной среды и экологическая безопасность в условиях перехода республики к рыночной экономике // Эколого-экономические проблемы в Белоруссии и пути их решения: сб. науч. тр. Минск: НИЭИ Госэкономплана БССР, 1991. С. 5–12.
8. Шимова О. С. Некоторые аспекты совершенствования хозяйственного механизма природопользования в условиях перехода к рынку // Эколого-экономические проблемы в Белоруссии и пути их решения: сб. науч. тр. Минск: НИЭИ Госэкономплана БССР, 1991. С. 12–20.
9. Бартош П. Н. Некоторые проблемы перестройки государственного экологического управления в республике // Эколого-экономические проблемы в Белоруссии и пути их решения: сб. науч. тр. Минск: НИЭИ Госэкономплана БССР, 1991. С. 103.
10. Потехина О. Я. Экономические противоречия природопользования: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.01. Минск: БГУ, 1993. 19 с.
11. Валентей С. Д. Совершенствование региональной системы рационального природопользования и охраны окружающей среды. Минск: БелНИИНТИ, 1986. 92 с.
12. Парфенов В. И., Лучков А. И. Современные подходы к решению экологических проблем в Белоруссии. Минск: БелНИИНТИ, 1991. 47 с.
13. Машарова Л. П., Ботвиньева А. М., Константинович С. А. Охрана окружающей среды и природопользование. Минск: РМ ИПК, 1989. 57 с.
14. Авраменко Н. М. Мелиорация Белорусского Полесья. Минск: Беларуская навука, 2017. 165 с.
15. Peterson D. J. Troubled lands: the legacy of Soviet environmental destruction. Boulder, San Francisco, Oxford: Westview Press, 1993. 276 p.

References

1. Dovgyallo M. S. *Deyatel'nost' Kompartii Belorussii po organizatsii okhrany i ratsional'nomu ispol'zovaniyu prirodnikh resursov (1976–1985 gg.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Activities of the Communist Party of Belarus on the organization of protection and rational use of natural resources (1976–1985). Abstract of thesis PhD (Historical science)]. Minsk, 1987. 22 p.
2. Balashenko S. A. *Gosudarstvennoe upravlenie v oblasti okhrany okruzhayushchej sredy* [State administration in the field of environmental protection]. Minsk, BGU Publ., 2000. 341 p.
3. Min'ko N. S. Constitutional and legal regulation in the sphere of nature management in the BSSR and the Republic of Belarus: formation and development. *Satsyyal'na-ekanamichnyya i pravavyya dasledavanni* [Socio-economic and legal studies], 2009, no. 4, pp. 75–86 (In Belarusian).
4. Min'ko N. S. Constitutional and legal regulation in the sphere of nature management in the BSSR and the Republic of Belarus. *Belaruski gistorychny chasopis* [Belarusian historical journal], 2009, no. 12, pp. 36–39 (In Belarusian).
5. Bobylev A. I., Balashenko S. A. *Voprosy obshchey teorii ekologicheskogo prava* [Questions of the general theory of environmental law]. Minsk, BGU Publ., 1991. 123 p.
6. Bobylev A. I., Demichev D. M., Shingel' N. A. *Pravovoy rezhim ispol'zovaniya i okhrany prirodnikh ob'ektov i prirodnikh resursov: ekologicheskoe pravo: osobennaya chast': ucheb. posobie* [Legal regime for the use and protection of natural objects and natural resources: Ecological law: Special part]. Minsk, BGU Publ., 1992. 198 p.
7. Kochanovskiy, S. B. Environmental protection and environmental safety in the conditions of transition of the republic to a market economy. *Ekologo-ekonomicheskie problemy v Belorussii i puti ikh resheniya: sbornik nauchnykh trudov* [Ecological and economic problems in Belarus and ways to solve them: a collection of scientific papers]. Minsk, NIEI Gosekonomplana BSSR Publ., 1991, pp. 5–12 (In Russian).
8. Shimova O. S. Some aspects of improving the economic mechanism of environmental management in the conditions of transition to the market. *Ekologo-ekonomicheskie problemy v Belorussii i puti ikh*

resheniya: sbornik nauchnykh trudov [Ecological and economic problems in Belarus and ways to solve them: a collection of scientific papers]. Minsk, NIEI Gosekonomplana BSSR Publ., 1991, pp. 12–20 (In Russian).

9. Bartosh P. N. Some problems of restructuring the state environmental management in the republic. *Ekologo-ekonomicheskie problemy v Belorussii i puti ikh resheniya: sbornik nauchnykh trudov* [Ecological and economic problems in Belarus and ways to solve them: a collection of scientific papers]. Minsk, NIEI Gosekonomplana BSSR Publ., 1991, pp. 103 (In Russian).

10. Potekhina O. Ya. *Ekonomicheskie protivorechiya prirodopol'zovaniya: avtoref. dis. ... kand. ekon. nauk* [Economic contradictions of nature management: Abstract of thesis PhD (Economic Science)]. Minsk, 1993. 19 p.

11. Valentey S. D. *Sovershenstvovanie regional'noy sistemy ratsional'nogo prirodopol'zovaniya i okhrany okruzhayushchey sredy* [Improvement of the regional system of rational use of natural resources and environmental protection]. Minsk, BelNIINTI Publ., 1986. 92 p.

12. Parfenov V. I., Luchkov A. I. *Sovremennye podkhody k resheniyu ekologicheskikh problem v Belorussii* [Modern approaches to solving environmental problems in Belarus]. Minsk, BelNIINTI Publ., 1991. 47 p.

13. Masharova L. P., Botvinyeva A. M., Konstantinovich S. A. *Okhrana okruzhayushchey sredy i prirodopol'zovanie* [Environmental protection and nature management]. Minsk, RM IPK Publ., 1989. 57 p.

14. Avramenko N. M. *Melioratsiya Belorusskogo Poles'ya* [Melioration of the Belarusian Polesie]. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2017. 165 p.

15. Peterson D. J. *Troubled lands: the legacy of Soviet environmental destruction*. Boulder, San Francisco, Oxford, Westview Press, 1993. 276 p.

Инфармацыя пра аўтара

Завацкі Яўген Ігаравіч – магістр гістарычных навук, аспірант кафедры гісторыі Беларусі новага і навейшага часу. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт (220006, г. Мінск, пр. Незалежнасці, 6, Рэспубліка Беларусь). E-mail: zawadzki1996jauhien@mail.ru

Information about the author

Zavatski Yauhen Iharavich – Master of Historical Science, PhD student, the Department of Modern and Contemporary History of Belarus. Belarusian State University (6, Nezavisimosti Ave., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: zawadzki1996jauhien@mail.ru

Пасмыніў 20.09.2021

УДК 327

Сунь Цзюньфэн

Белорусский государственный университет

ПОЛИТИКА США ПО ОТНОШЕНИЮ К ТАЙВАНЮ В ЭПОХУ Д. ТРАМПА

В статье рассматриваются Индо-Тихоокеанская стратегия США и ее влияние на сдерживание Китая в Индо-Тихоокеанском регионе. 18 декабря 2017 г. Соединенные Штаты обнародовали новую Стратегию национальной безопасности. КНР была названа стратегическим соперником США. Соединенные Штаты надеются сдержать расширение влияния Китая путем усиления сдерживания Китая в «цепи Первого острова». Тайваньская политика как часть Индо-Тихоокеанской стратегии США является результатом сочетания внешних факторов, которые включают развитие китайско-американских отношений и китайско-тайваньских отношений. Во времена администрации Д. Трампа правительство Тайваня управлялось Демократической прогрессивной партией после смены власти на острове. В связи со сменой политических партий на Тайване политика США в отношении Китая после избрания Д. Трампа претерпела изменения.

Ключевые слова: китайско-американские отношения, политика США в отношении Тайваня, тайваньская проблема, Д. Трамп.

Для цитирования: Цзюньфэн Сунь. Политика США по отношению к Тайваню в эпоху Д. Трампа // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2021. № 2 (251). С. 64–69.

Sun Junfeng

Belarusian State University

US POLICY ON TAIWAN IN THE ERA OF TRUMP

The article examines the “Indo-Pacific Strategy” in the United States and the influence of containment of China in the Indo-Pacific region. On December 18, 2017, the United States unveiled a new regular “US National Security Strategy,” the PRC was called the “strategic rival” of the United States. The United States hopes to restrain China’s expanding influence by reinforcing China’s containment in the “First Island chain”. Taiwanese politics as part of the US Indo-Pacific Strategy is the result of a combination of factors, external factors include the development of Sino-US relations and the development of Sino-Taiwan relations. During the Trump administration, the government of Taiwan was governed by the DPP after the change of political parties. After the change of political parties in Taiwan, the US policy towards Taiwan has also changed.

Key words: Sino-US relations, US policy on Taiwan, Taiwan problem, Trump.

For citation: Junfeng Sun. US policy on Taiwan in the era of Trump. *Proceeding of BSTU, issue 6, History, Philosophy, 2021, no. 2 (251), pp. 64–69 (In Russian).*

Введение. США включает Тайвань в Индо-Тихоокеанскую стратегию, что является результатом корректировки администрацией Д. Трампа своей политики в отношении Китая, а также важным фактором, влияющим на будущее направление политики США в отношении Тайваня.

В данной статье анализируется изменение политики США в отношении Тайваня в политической, военной, экономической и дипломатической областях в рамках Индо-Тихоокеанской стратегии с целью определения и характеристики тенденций политики США в отношении Тайваня. В важный период стратегического соперничества США и Китая исследование этого вопроса будут иметь большое значение.

Основная часть. *Соединенные Штаты продвигают политический статус Тайваня через национальное законодательство.* Укрепление связей между Соединенными Штатами и

Тайванем на законодательном уровне является одной из основных форм политики США в отношении Тайваня. 6 марта 2018 г. президент Д. Трамп подписал «Акт о посещении Тайваня» (Taiwan Travel Act), который отменил ограничения на визиты на высшем уровне между правительствами США и Тайванем и открыл больше пространства для международного обмена [1, с. 125]. Это еще один юридический документ, действующий в отношениях США и Тайваня в дополнение к «Акту об отношениях с Тайванем», который регулировал отношения на протяжении 40 лет. 31 декабря 2018 г. Д. Трамп подписал «Акт об азиатской инициативе по обеспечению» (Asia Reassurance Initiative Act of 2018, ARIA), который был предложен для укрепления лидерства Соединенных Штатов в Индо-Тихоокеанском регионе. Его содержание включает долгосрочную стратегию правительства США по всей

Азии. В законе появился ряд положений в поддержку Тайваня. В нем говорится, что Тайвань является важным экономическим, политическим партнером и партнером по безопасности США в Азии; содержится требование к президенту США регулярно продавать оружие Тайваню, а также направлять высокопоставленных чиновников для посещения Тайваня в соответствии с «Актом о посещении Тайваня» [2, с. 58]. Акт подчеркивает, что «Шесть гарантий Соединенных Штатов Тайваню» и «Акт об отношениях с Тайванем» продвигают отношения между США и Тайванем до статуса, эквивалентного китайско-американским отношениям.

26 марта 2020 г. Д. Трамп подписал «Закон о международной инициативе по защите и усилению союзников Тайваня от 2019 года» (Taiwan Allies International Protection and Enhancement Initiative Act of 2019), который требует от государственного секретаря регулярно докладывать конгрессу о существующем дипломатическом положении Тайваня и позволяет правительству принимать конкретные меры, чтобы наказывать страны, разорвавшие дипломатические отношения с Тайванем, в частности сократить или отменить финансовую помощь [3]. В настоящее время Тайвань поддерживает дипломатические отношения лишь с 15 странами мира. Закон призван помочь Тайваню укрепить существующий международный статус и не допустить разрыва дипломатических отношений [4, с. 47].

С тех пор как президент Д. Трамп вступил в должность, конгресс Соединенных Штатов принял множество важных законопроектов по Тайваню, и все они были подписаны президентом. Соединенные Штаты путем изменения внутреннего законодательства настоятельно призывают исполнительные органы действовать в поддержку Тайваня, обеспечивая правовую основу для улучшения отношений между Соединенными Штатами и Тайванем. Эти законопроекты имеют руководящее значение для будущего направления политики США в отношении Тайваня, а также оказывают глубокое влияние на китайско-американские отношения [5, с. 11–12].

Продолжение укрепления военного сотрудничества между США и Тайванем, укрепление продажи оружия США на Тайвань. Вопрос продажи оружия был важнейшим вопросом трехсторонних отношений между Соединенными Штатами, Китаем и Тайванем с момента установления дипломатических отношений между Китаем и США. После вступления Д. Трампа в должность Соединенные Штаты внесли некоторые новые коррективы и укрепили сотрудничество между США и Тайванем в военной области, с тем чтобы ограничивать Китай в военном отношении и продемонстрировать свое влияние в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Администрация Д. Трампа усилила продажи оружия и передачу технологий на Тайвань по причине выполнения своих обязательств по обеспечению безопасности Тайваня. Администрация Д. Трампа согласилась продать военную технику, включая 108 танков M1A2, 66 истребителей F-16V, 254 зенитные ракеты и массовую военную технику на общую сумму около 12,47 млрд. долл., а также предоставила Тайваню ключевые технологии для производства подводных лодок. Из факта непрерывного предоставления военной техники и технических услуг администрацией Д. Трампа Тайваню становится ясно, что по мере того как стратегические конкурентные отношения между Соединенными Штатами и Китаем становятся все более очевидными, намерения в отношении Тайваня становятся более серьезными. США усиливают продажи оружия.

Укрепление американо-тайваньского экономического сотрудничества. Тайваньская экономика в значительной степени зависит от Китая. Чтобы уменьшить свою зависимость от китайской экономики, правительство Демократической прогрессивной партии (ДПП) первоначально надеялось присоединиться к «Соглашению о Трансатлантической зоне свободной торговли» (The Trans-Pacific Partnership, TPP), возглавляемому Соединенными Штатами, чтобы сбалансировать внешнюю торговлю, но 23 января 2017 г. президент США подписал акт, и Соединенные Штаты вышли из «Соглашения о Трансатлантической зоне свободной торговли». Надежда правительства Тайваня была разрушена. Однако в настоящее время Соединенные Штаты являются вторым по величине торговым партнером Тайваня, а Тайвань является одиннадцатым по величине торговым партнером Соединенных Штатов и экспортером сельскохозяйственной продукции. Хотя Соединенные Штаты и Тайвань все еще имеют некоторые проблемы в экономическом сотрудничестве, так как Тайвань по-прежнему запрещает импорт говядины и свинины из Соединенных Штатов, и не уменьшается торговый дефицит, США по-прежнему придают большое значение тому, что Тайвань способен играть роль в экономическом развитии всего Азиатско-Тихоокеанского региона. Тайвань остается одним из важнейших экономических партнеров США в Индо-Тихоокеанском регионе.

В настоящее время основными целями экономического сотрудничества между Соединенными Штатами и Тайванем является содействие возобновлению «Рамочного соглашения о торговле и инвестициях» (Trade and Investment Framework Agreement, TIFA) и подписание соглашения о свободной торговле [6]. «Тайваньский закон о гарантиях 2019 года», принятый

Палатой представителей США, требует, чтобы управление торгового представителя США (USTR) нацелилось на подписание соглашения о свободной торговле между США и Тайванем и возобновление переговоров «Рамочного соглашения о торговле и инвестициях». Американский фонд «Наследие» также опубликовал отчет, в котором говорится, что сейчас самое подходящее время для Соединенных Штатов и Тайваня подписать соглашение о свободной торговле, и что подписание соглашения о свободной торговле между США и Тайванем имеет целью усилить экономическое сотрудничество между Соединенными Штатами и Японией, Вьетнамом и Филиппинами. Сотрудничество между двумя сторонами в экономической области поможет Соединенным Штатам справиться с угрозой быстрого развития Китая и в то же время будет способствовать продвижению Индо-Тихоокеанской стратегии [7].

С распространением китайско-американской торговой войны в области науки и технологий Соединенные Штаты надеются с помощью Тайваня соперничать с китайскими технологическими компаниями, такими как Huawei. Тайваньская полупроводниковая промышленность занимает важное место в глобальной цепочке поставок и имеет тесные деловые связи с китайскими технологическими компаниями [8, с. 267]. США надеются, что Тайвань будет сотрудничать с ними в технической блокаде материкового Китая, и в то же время рассчитывают использовать потенциал Тайваня, чтобы обогнать Китай в области 5G и AI.

Поддержка участие Тайваня в международных организациях. С 2018 г. Соединенные Штаты непрерывно поддерживают участие Тайваня в международных организациях, и методы становятся все более разнообразными. Белый дом, Госдепартамент и Американский институт на Тайване (American Institute in Taiwan, AIT) продолжают критиковать Китай за то, что он препятствует участию Тайваня в международном сообществе, и поддерживают Тайвань в различных формах. 26 марта 2020 г. президент Д. Трамп подписал «Акт о международной инициативе по защите и усилению союзников Тайваня от 2019 года» (Taiwan Allies International Protection and Enhancement Initiative Act of 2019). Цель законопроекта – надеяться, что Соединенные Штаты, имеющие могучее политическое влияние, поддержат более активное участие Тайваня в международных делах, повысят его международный статус и закрепят существующие дипломатические отношения Тайваня с 15 странами. Законопроект уполномочивает правительство США вводить санкции в отношении стран, которые разорвали дипломатические отношения с Тайванем и установили

дипломатические отношения с Китайской Народной Республикой.

16 мая 2018 г. 172 члена палаты представителей совместно направили письмо генеральному секретарю Всемирной организации здравоохранения (World Health Organization, WHO) Тедросу Аданому (Tedros Adhanom), чтобы он пригласил Тайвань для участия во Всемирной ассамблее здравоохранения в качестве наблюдателя (World Health Assembly, WHA). Также США мобилизовали таких союзников, как Япония и Канада, для поддержки Тайваня. В целях улучшения позиции и роли Тайваня в Азиатско-Тихоокеанском регионе Соединенные Штаты продолжали поддерживать участие Тайваня в различных международных организациях, таких как Всемирная организация здравоохранения, Интерпол и Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций по климату, подчеркивая необходимость этого [9, с. 52]. После того как кандидатура Тайваня была отклонена от участия во Всемирной ассамблее здравоохранения (WHA) в третий раз в 2019 г., Государственный департамент США вновь заявил о поддержке участия Тайваня во Всемирной ассамблее здравоохранения. Соединенные Штаты заявляют, что Тайвань внес важный вклад в сбор гуманитарной помощи, оказание помощи при бедствиях, разрабатывал медицинские технологии, внес вклад в борьбу с террористической организацией «Исламское государство» (ISIS), борьбу с распространением вируса Эбола и решение других важных глобальных проблем. По мнению США, если Тайвань будет исключен из участия в международных программах здравоохранения, безопасности и правоохранительных органов, это может привести к непредсказуемым последствиям.

Укрепление сотрудничества между США и Тайванем в сфере безопасности. Сотрудничество в области безопасности является наиболее важным между США и Тайванем в рамках Индо-Тихоокеанской стратегии в дополнение к сотрудничеству в военной области. Помимо традиционного форума «Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество» (Asia-Pacific Economic Cooperation, APEC), существуют также международные платформы, например Глобальный контртеррористический форум (Global Counterterrorism Forum, GCTF). В 2019 г. Соединенные Штаты и Тайвань вновь создали платформы для обмена и сотрудничества, такие как форум Индо-Тихоокеанского региона по защите религиозных свобод (Regional Religious Freedom Форум) и механизм Консультации по вопросам демократического управления в Индо-Тихоокеанском регионе (Indo-Pacific Democratic Governance Consultations). Сотрудничество США и Тайваня

в области безопасности включает экономическое сотрудничество, свободу вероисповедания, технологическое развитие, общественное здравоохранение, защиту окружающей среды, защиту прав женщин и оказание помощи при бедствиях и другие сферы.

По приглашению Соединенных Штатов в июне 2019 г. Тайвань принял участие в семинаре, организованном командованием американского Индо-Тихоокеанского региона, по усилению гуманитарных операций и операций по оказанию помощи в случае стихийных бедствий в Индо-Тихоокеанском регионе. В то же время правительство Тайваня заявило, что для продолжения укрепления сотрудничества между Соединенными Штатами, Японией и Тайванем бюджет Глобального контртеррористического форума (GCTF) будет увеличен в три раза по сравнению с прошлым годом. В марте 2019 г. Соединенные Штаты и Тайвань совместно организовали форум Индо-Тихоокеанского региона по защите религиозных свобод, и Тайвань пообещал в течение следующих пяти лет пожертвовать один млн. долл. США в международный фонд за свободу вероисповедания США.

Таким образом, Тайвань становится важным партнером США в области свободы вероисповедания. 19 марта Американская ассоциация в Тайване и правительство Тайваня объявили о создании нового регулярного обмена в рамках механизма «Консультации по вопросам демократического управления в Индо-Тихоокеанском регионе», чтобы помочь странам в Индо-Тихоокеанском регионе решать проблемы эффективного управления. Обе стороны провели первую встречу на Тайване 12 сентября. Скотт Басби (Scott Busby), заместитель помощника государственного секретаря по вопросам демократии, прав человека и труда, привез делегацию США на встречу [10].

США помогают Тайваню укреплять дипломатию. С момента прихода к власти ДПП в 2016 г. 7 стран разорвали дипломатические отношения с Тайванем, а именно Сан-Томе и Принсипи, Панама, Доминика, Буркина-Фасо, Сальвадор, Соломоновы острова, Кирибати, поэтому сейчас остались 15 стран, которые имеют дипломатические отношения с Тайванем. Эти страны в основном сосредоточены в Латинской Америке и Карибском бассейне. Это не только дипломатическая неудача для правительства Тайваня, но и борьба между Китаем и Соединенными Штатами в международной дипломатии, поэтому постепенное увеличение числа стран, разорвавших дипломатические отношения с Тайванем, также привело к тому, что Соединенные Штаты стали очень бдительными и превентивными в своей внешней политике. Поэтому США используют

свое международное влияние для оказания давления на соответствующие страны дипломатическими, политическими или экономическими средствами. В то же время Соединенные Штаты помогают Тайваню в укреплении дипломатических отношений путем совместного использования разведки и сдерживают расширение и влияние Китая в Латинской Америке и южной части Тихого океана. После вступления в силу «Акта о международной инициативе по защите и усилению союзников Тайваня от 2019 года» правительство США получит больше полномочий для оказания давления и санкций в отношении стран, которые разорвали дипломатические отношения с Тайванем. К конкретным методам относятся понижение статуса дипломатических отношений или сокращение помощи [11].

В марте 2019 г. госсекретарь США Майк Помпео заявил на слушаниях в Комитете по иностранным делам Палаты представителей Соединенных Штатов, что США пытаются помешать Китаю дипломатически изолировать Тайвань. После того как Доминика разорвала дипломатические отношения с Тайванем в 2018 г., Соединенные Штаты начали корректировать политику одного Китая и критиковали материковый Китай. Когда Сальвадор разорвал дипломатические отношения с Тайванем в августе 2018 г., Белый дом США, Государственный департамент, Американская ассоциация на Тайване и другие департаменты выразили свои позиции один за другим, осуждая материковый Китай за дестабилизацию зоны Тайваньского пролива. Соединенные Штаты также оказали давление на соответствующие латиноамериканские страны, отзыв дипломатических посланников в Панама, Доминике и Сальвадоре. В это время помощник Белого дома США по делам безопасности Джон Болтон звонил президенту Сальвадору по вопросу сохранения дипломатических отношений до того, как Сальвадор разорвал их с Тайванем, чтобы отговорить президента Сальвадора Санчеса Серена (Salvador Sánchez Cerén) от разрыва дипломатических отношений с Тайванем, а затем попытался убедить нового проамериканского президента Сальвадора Найиба Букеле (Nayib Bukele) вновь восстановить дипломатические отношения с Тайванем. Соединенные Штаты также повышают бдительность в связи с включением Китаем южной части Тихого океана в инициативу «Один пояс, один путь». Они обеспокоены тем, что Китай усилит свое влияние, участвуя в строительстве инфраструктуры в странах южнотихоокеанского региона, и даже стремится создать военные базы. Таким образом, Соединенные Штаты сконцентрировали внимание на южной части Тихого океана, пытаясь сохранить влияние путем увеличения помощи

южнотихоокеанскому региону, а также числа дипломатов, находящихся в странах южной части Тихого океана, и укрепления сотрудничества между Соединенными Штатами, Австралией и Новой Зеландией. Помогая Тайваню укрепить дипломатические отношения в южной части Тихого океана, США противостоят экспансии Китая.

В феврале 2019 г. госсекретарь США Майк Помпео заявил главам государств южнотихоокеанского региона на 19-м саммите Микронезии (19th Micronesia Presidents' Summit), что Соединенные Штаты уважают и поддерживают этот регион [12]. В марте Мэтт Поттингер (Matt Pottinger), старший директор по азиатским вопросам в Совете национальной безопасности США при Белом доме, и Александр Грей (Alexander Gray), директор по вопросам безопасности в Совете национальной безопасности Океании и Индо-Тихоокеанского региона, посетили Соломоновы острова и встретились с тайваньскими дипломатами, чтобы обсудить, как США и Тайвань могут укрепить сотрудничество в южной части Тихого океана. В апреле во время визита Цяя Инвэна в Палау посол США в Палау сопровождал весь процесс, передавая сильный сигнал о поддержке Соединенными Штатами дипломатических отношений между Палау и Тайванем. В мае официальные лица правительства США впервые совместно с Генеральным секретарем Совета национальной безопасности Тайваня в Соединенных Штатах встретились с официальными лицами Палау и Маршалловых островов, чтобы оказать поддержку США Тайваню в надежде укрепить позиции Тайваня в южнотихоокеанском регионе. Несмотря на это, дипломатический статус Тайваня в южной части Тихого океана все еще нестабилен: Соломоновы острова разорвали дипломатические отношения с Тайванем 16 сентября, а Кирибати – 20 сентября. Вице-президент США Майк Пенс перво-

начально планировал встретиться с премьер-министром Соломоновых островов Манассе Согаваре (Manasseh Sogavare) во время Генеральной ассамблеи ООН в сентябре 2019 г., но Соединенные Штаты отменили встречу из-за разрыва дипломатических отношений Соломоновых островов и Тайваня. А Агентство США по международному развитию (USAID) заявило, что правительство США пересматривает план помощи Соломоновым островам.

Заключение. На продвижение Индо-Тихоокеанской стратегии США влияют такие факторы, как внутренняя политика США, отношения между США и их союзниками, китайско-американские отношения. Однако с точки зрения стратегических конкурентных отношений между Соединенными Штатами и Китаем первые будут продолжать продвигать эту стратегию, поскольку Соединенные Штаты рассматривают Китай в качестве стратегического противника в Индо-Тихоокеанском регионе, что определенно усилит стратегическое развертывание против Китая в будущем. Поскольку Тайвань находится в особом положении между Китаем и США, будущее вмешательство США в политику в отношении тайваньского вопроса неизбежно увеличится. Соединенные Штаты могут и дальше укреплять отношения с Тайванем на основе расширения и неясной трактовки политики одного Китая или создания новых прорывов в вопросе продажи оружия США на Тайвань и обмена визитами между высокопоставленными чиновниками. В процессе продвижения Индо-Тихоокеанской стратегии в США Тайвань неизбежно станет центром притяжения американской политики. Поскольку США продолжают улучшать свои отношения с Тайванем, это повлияет на китайско-американские отношения и отношения между двумя сторонами пролива и станет серьезной неопределенностью в ситуации на Тайване.

Список литературы

1. Шен Хэуйпин. Тенденция политики США в отношении Тайваня и ее влияние на отношения между двумя сторонами пролива во время Трампа // Тайваньский вестник исследований. 2019. № 6. С. 125.
2. Ван Шушень. Новые тенденции и влияние законодательства Конгресса США в отношении Тайваня – на основе исследования 115-го Конгресса США // Объединенный фронт исследований. 2019. № 4. С. 58.
3. The Asia Reassurance Initiative Act (ARIA) of 2018 // The Asia Reassurance Initiative Act (ARIA) of 2018. URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/IF11148.pdf> (дата обращения: 05.03.2021).
4. Тон Лицзянь. Содержание, характеристики и влияние важного законопроекта Конгресса США в отношении Тайваня (2016–2018) // Тайваньский вестник исследований. 2019. № 4. С. 47.
5. Хэ Даруи, Лю Сянпин. Политика администрации Трампа в отношении Тайваня и тенденция отношений США и Тайваня в рамках стратегии конкуренции великих держав // Тайваньские исследования. 2019. № 2. С. 11–12.
6. Christensen W. B. Remarks by AIT Director W. Brent Christensen at Forum on Deepening Economic Ties in the Indo-Pacific // American Institute in Taiwan. URL: <https://www.ait.org.tw/sp-06182019/> (дата обращения: 10.03.2021).

7. Blumenthal D., Mazza M. A Golden Opportunity for a U.S.-Taiwan Free Trade Agreement, Feb. 14, 2019 // A Golden Opportunity for a U.S.-Taiwan Free Trade Agreement. URL: https://project2049.net/wp-content/uploads/2019/02/US_TW_Trade_Blumenthal_Mazza_P2049_021419.pdf (дата обращения: 13.03.2021).

8. Шэн Цзююань. Экономическое и торговое сотрудничество через пролив под китайско-американским торговым конфликтом // Тайваньские исследования. 2020. № 5. С. 267.

9. Тон Лицзюнь. Краткий обзор внешних связей Тайваня в 2019 году // Современные исследования Тайваня. 2020. № 1. С. 52.

10. Цай Инвэнь встретился с заместителем помощника госсекретаря США Басби // Office of the President Republic of China (Taiwan). URL: <https://www.president.gov.tw/NEWS/24739> (дата обращения: 13.03.2021).

11. Taiwan Allies International Protection and Enhancement Initiative (TAIPEI) Act of 2019 // CONGRESS.GOV. URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-bill/1678/text?q=%7B%22search%22%3A%5B%22s.1678%22%5D%7D&r=1&s=2> (дата обращения: 15.03.2021).

12. Помпео: Тайвань является надежным партнером для демократического успеха // UP MEDIA. URL: https://www.upmedia.mg/news_info.php?SerialNo=57950 (дата обращения: 15.03.2021).

References

1. Shen Huepin. Trends in US policy towards Taiwan and its impact on relations between the two sides of the strait during Trump. *Tayvan'skiy vestnik issledovaniy* [Taiwan Research Gazette], 2019, no. 6, p. 125 (In Chinese).

2. Van Shushen. New Trends and Impact of US Congressional Law on Taiwan – Based on Research by the 115th US Congress. *Obedinennyi front issledovaniy* [Joint Research Front], 2019, no. 4, pp. 58 (In Chinese).

3. The Asia Reassurance Initiative Act (ARIA) of 2018. Available at: <https://fas.org/sgp/crs/row/IF11148.pdf> (accessed 05.03.2021).

4. Tong Liqun. Content and Characteristics and Impact of an Important U.S. Congress Bill on Taiwan (2016–2018). *Tayvan'skiy vestnik issledovaniy* [Taiwan Research Gazette], 2019, no. 4, p. 47 (In Chinese).

5. He Dalu, Liu Xiangpin. The Trump Administration's Policy on Taiwan Relations and the Trend of US-Taiwan Relations within the Great Power Competition Strategy. *Tayvan'skie issledovaniya* [Taiwan Studies], 2019, no. 2, pp. 11–12 (In Chinese).

6. Christensen W. B. Remarks by AIT Director W. Brent Christensen at Forum on Deepening Economic Ties in the Indo-Pacific. Available at: <https://www.ait.org.tw/sp-06182019/> (accessed 10.03.2021).

7. Blumenthal D. Mazza M. A Golden Opportunity for a U.S.-Taiwan Free Trade Agreement. Available at: https://project2049.net/wp-content/uploads/2019/02/US_TW_Trade_Blumenthal_Mazza_P2049_021419.pdf (accessed 13.03.2021).

8. Shen Jiuyuan. Economic and trade cooperation across the strait under the Sino-American trade conflict *Tayvan'kie issledovaniya* [Taiwan Studies], 2020, no. 5, p. 267 (In Chinese).

9. Tong Liqun. A Brief Overview of Taiwan's External Relations in 2019. *Sovremennye issledovaniya Tayvanyu* [Contemporary research in Taiwan], 2020, no. 1, pp. 52 (In Chinese).

10. Tsai Ingwen met with US Deputy Assistant Secretary of State Busby. Available at: <https://www.president.gov.tw/NEWS/24739> (accessed 13.03.2021).

11. Taiwan Allies International Protection and Enhancement Initiative (TAIPEI) Act of 2019. Available at: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-bill/1678/text?q=%7B%22search%22%3A%5B%22s.1678%22%5D%7D&r=1&s=2> (accessed 15.03.2021).

12. Pompeo: Taiwan is a trusted partner for democratic success. Available at: https://www.upmedia.mg/news_info.php?SerialNo=57950 (accessed 15.03.2021).

Информация об авторе

Сунь Цзюньфэн – аспирант кафедры международных отношений. Белорусский государственный университет (220030, г. Минск, пр. Независимости, 4, Республика Беларусь). E-mail: sunjunfeng9012@gmail.com

Information about the author

Sun Junfeng – PHD student, the Department of International Relations. Belarusian State University (4, Nezavisimosti ave., 220030, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: sunjunfeng9012@gmail.com

Поступила 13.09.2021

УДК 355.42.424

А. А. Зайцев

Военная академия Республики Беларусь

БОЕВЫЕ СИСТЕМЫ БУДУЩЕГО: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Статья посвящена анализу разработанного зарубежными странами оружия для ведения боя в городе и других населенных пунктах, а также в условиях местности с ограниченной видимостью. Основное внимание уделяется информационному обеспечению каждого командира и солдата с тем, чтобы они знали окружающую обстановку, смело действовали в бою и не поддавались панике. Для снижения потерь в личном составе разрабатываются системы высокоточного тактического вооружения и военной техники, заменяющие солдата в бою. К ним можно отнести беспилотные самолеты-разведчики всех классов, роботизированную технику, способную без экипажа выполнять боевые, транспортные, разведывательные и другие обеспечивающие задачи, боевые машины пехоты, машины дистанционного разминирования местности и другие военные системы.

Ключевые слова: боевые системы будущего, роботы, беспилотные летательные аппараты, бой в городе.

Для цитирования: Зайцев А. А. Боевые системы будущего: история и современность // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2021. № 2 (251). С. 70–73.

A. A. Zaitsev

Military academy of the Republic of Belarus

COMBAT SYSTEMS OF THE FUTURE: HISTORY AND MODERNITY

The article is devoted to the analysis of weapons developed by foreign countries for waging combat in cities and other settlements, as well as in terrain with limited visibility. The main attention is paid to the information support of each commander and soldier so that they know the surrounding situation, act boldly in battle and do not succumb to panic. To reduce losses in personnel, systems of high-precision tactical weapons and military equipment are being developed to replace the soldier in battle. These include unmanned aircraft reconnaissance of all classes, robotic tech-free, capable of performing combat, transport, intelligence and other providing problems, infantry combat vehicles, terrain remote mission machines and other military systems.

Keywords: combat systems of the future, robots, unmanned aerial vehicles, combat in the city.

For citation: Zaitsev A. A. Combat systems of the future: history and modernity. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy, 2021, no. 2 (251), pp. 70–73 (In Russian).*

Введение. В период «холодной войны» военные специалисты США и других стран НАТО готовились к возможным крупномасштабным, но относительно редким конфликтам. В настоящее время они пришли к выводу, что большие войны ушли в прошлое, а мир стоит перед угрозой небольших, но часто происходящих вооруженных конфликтов, в которых могут участвовать сразу несколько сторон. Военные действия будут происходить в городах и на урбанизированной местности.

Основная часть. Военно-политическое руководство США и НАТО, говоря об армии будущего, отмечают тот факт, что в настоящее время существует официально принятая в США научно-техническая программа – FCS (Future Combat Systems – Боевые системы будущего). Остальные западные страны создают свои программы по образцу и подобию американской [1].

Ее основная идея – полная информация о противнике и о своих силах, максимально возможное

использование автоматических систем управления, разведки и связи, а также минимум времени на переброску группировок ВС к району применения, их развертывание и последующее всестороннее обеспечение боевых действий.

Крупные военные операции в Ираке и Афганистане показали, что США неспособны одновременно содержать и обеспечивать крупные группировки ВС в нескольких регионах в течение длительного времени и успешно вести такие войны.

Разрабатываемый в рамках программы комплекс боевых систем будет включать сверхскоростные каналы передачи данных, которые свяжут между собой все боевые единицы на поле боя, роботы-танки, беспилотные летательные аппараты различных классов, ракетные установки, другие машины и технические средства, позволив им лучше координировать свои действия [2].

Что касается информации, то она является самой важной частью концепции FCS, ее нервной

системой. В ней будут объединены все компоненты, начиная от миниатюрного датчика, заброшенного с беспилотного летательного аппарата в тыл противника, солдата, который готовится прорвать линию фронта, и заканчивая командующим группировки ВС. Информационная система позволит каждому командиру получить те сведения, которые ему больше всего необходимы – данные о том, что происходит за соседним холмом, какие силы развернуты в близлежащем городе, что творится в тылу.

В концепции «Боевые системы будущего» человек должен представлять собой не просто отдельного солдата на поле боя, а целую боевую компьютерную систему, включающую в себя собственно военнослужащего, его вооружение, а также всевозможные приборы и устройства, которые интегрируют его в общую структуру боевой группы. Он будет подключен к компьютерной сети, иметь малогабаритные средства отображения информации, а также специальные датчики контроля обстановки на поле боя и средства передачи информации на центральный компьютер [3].

В основу новой концепции закладываются высокоскоростные закрытые беспроводные цифровые средства связи и передачи данных, объединенные в единую сеть. Каждый ее компонент (узел) должен получать всю необходимую информацию в режиме реального времени. Первый шаг в этом направлении уже сделан при попытке внедрения в сухопутные войска США системы радиосвязи JTRS (Joint Tactical Radio System) с возможностью передачи речи, команд, донесений и других данных, фото и видеозображений.

К основным разрабатываемым перспективным средствам, предназначенным для ведения боевых действий в городах и населенных пунктах, следует отнести следующие [4].

Бронетанковые средства:

– танки и самоходно-артиллерийские установки, обладающие высокой мобильностью, огневой мощью, повышенной бронезащитой. Экипажные наземные машины будут иметь максимальную скорость около 90 км/ч и запас хода до 750 км;

– бронетранспортеры в четырех модификациях – двух командирских (для командира роты и взвода) и двух обычных (для отделения «легкой» (rifle squad) и «тяжелой пехоты» (weapons squad)). Каждая машина будет способна не только осуществлять поддержку действий пехоты, перевозить полный комплект ее вооружений и оборудования, но также и самостоятельно определять цели, передавать эту информацию на командный центр, согласовывать и координировать свои действия с остальными компонентами FCS;

– самоходные гаубичные артиллерийские установки повышенной проходимости, вооруженные высокоточными боеприпасами с системой автоматического заряжания. Должны быть способны при любых погодных условиях и на любой местности как поражать отдельные цели, так и работать «по площадям»;

– бронетранспортеры, оснащенные минометной установкой (предположительно калибра 81 мм и выше) с высокоточными управляемыми боеприпасами. Они будут находиться в непосредственной близости от боевых порядков пехоты и работать преимущественно по «точечным» целям;

– разведывательно-дозорные машины, оснащенные аппаратурой связи и передачи данных, оптоэлектронными и другими средствами (датчиками) наблюдения на поле боя, а в перспективе – миниатюрными беспилотными летательными аппаратами (БПЛА) и роботизированными установками;

– средства медицинского обеспечения и эвакуации на базе бронетранспортеров, предназначенные для оказания первой помощи, причем ее уровень должен гарантировать сохранение жизни солдата даже при получении некоторых видов тяжелых ранений и травм;

– боевые ремонтно-эвакуационные машины на базе БТР, оснащенные легким стрелковым вооружением и гранатометами. Предназначены для оперативного устранения повреждений, полученных в ходе боевых действий, или других технических неисправностей боевой техники;

– боевые машины боевого управления и связи, предназначенные для обработки информации, поступающей от всех средств (датчиков), формирования обобщенной картины обстановки на поле боя, доведения ее до командиров всех уровней, а при необходимости и до отдельного солдата.

Беспилотные летательные аппараты:

Класс 1. Самые маленькие БПЛА массой до 7 кг, обеспечивающие боевые действия небольших подразделений (отделений и взводов). Предназначены для ведения визуальной разведки, наблюдения и выдачи информации целеуказания на ударные средства. Каждый аппарат будет способен совершать автономный полет на малых высотах продолжительностью до 1 часа. Аппарат сможет подолгу «зависать» на одном месте, а также действовать в городе, лесу и другой местности, рельеф которой не позволяет самолетам и БПЛА других классов снижаться до небольшой высоты.

Класс 2. Тактико-технические характеристики БПЛА второго класса будут примерно в два раза превышать соответствующие параметры первого (радиус действия до 16 км). Они

предназначены для передачи информации на более высокий уровень управления войсками (командирам рот и выше) и обеспечения корректировки огня гаубиц и ракетных установок.

Класс 3. Аппараты данного класса (уровень управления – батальон и выше, радиус действия – до 40 км, продолжительность полета – около 6 часов) будут поддерживать связь между отдельными подразделениями, обнаруживать установленные мины, контролировать радиационную обстановку, наличие в воздухе отравляющих химических веществ, следов воздействия биологического оружия, возможно – вести метеорологическую разведку. Они смогут взлетать с неподготовленных площадок.

Класс 4. Данный класс БПЛА, оснащенный различными датчиками (дальность действия – до 75 км, продолжительность полета – не менее 18 часов) по своим возможностям должен значительно превосходить вышеперечисленные аппараты. Он должен обеспечивать выполнение разведывательно-дозорных функций, топографической съемки, ретрансляцию сигналов различных радиолиний управления войсками, ведение радиационной, химической, биологической разведки с возможностью первичной обработки полученных данных. Эти всепогодные БПЛА будут летать на высотах (более 5 км), позволяющих избежать поражения стрелковым оружием и средствами противовоздушной обороны (ПВО) ближнего действия.

Безэкипажные боевые машины:

– автоматические бронетранспортеры, предназначенные для ведения разведки и наблюдения на поле боя, будут выпускаться в двух вариантах – штурмовом и разведывательно-дозорном. Обе машины будут способны производить разведку на местности, устанавливать различные датчики и мины. Штурмовой вариант автоматической боевой машины будет предназначен также для поражения живой силы и бронетехники противника, а разведывательно-дозорный – поддерживать связь между боевыми группами и осуществлять некоторые другие специальные операции;

– многофункциональные автоматические транспортные бронированные грузовики массой до 2,5 т в трех вариантах – транспортном, саперном и боевом. В первом варианте они смогут доставлять в место назначения до тонны груза, во втором – средства дистанционного обнаружения противотанковых мин, в третьем – осуществлять функции разведки, наблюдения и выдачи целеуказания. Модификации будут различаться между собой составом оборудования модульного типа, которое можно будет оперативно заменять, перепрофилируя назначение автоматических аппаратов;

– малогабаритные роботизированные установки, оснащенные различными датчиками. Предназначены для проведения разведки в труднодоступных местах – в городских зданиях, туннелях, системах канализации и пещерах. Каждую подобную установку сможет переносить один человек. Прототипы подобных устройств прошли испытания в Ираке и Афганистане, где с их помощью обследовались пещеры и подвальные помещения.

Необслуживаемые средства:

– система малогабаритных датчиков и прочих электронных устройств, объединенных в одну сеть. Их предполагается устанавливать на поле боя, сбрасывая с летательных аппаратов или размещая другими способами. Эти устройства дадут возможность командиру боевой группы иметь полную картину того, что происходит как в непосредственной близости от места дислокации подразделения, так и в тылу врага;

– автоматические ракетные установки, представляющие собой контейнер, в котором будет находиться пусковые установки для 15 ракет и электронное оборудование (для связи и обработки полученной информации). Данный тип оружия предназначен для уничтожения противника в укрытиях вне зон прямой видимости;

– автономные пространственно разнесенные датчики, работающие на различных принципах построения, которые позволят собирать информацию об обстановке в глубоком тылу противника. Их также можно будет либо сбрасывать с летательных аппаратов, либо размещать вручную силами спецподразделений. Подобные датчики смогут работать в течение многих недель и даже месяцев, передавая информацию по радиолиниям на центральный пункт обработки.

Изначально на программу FCS было запланировано потратить 92 млрд. долл. США, однако в процессе ее разработки ученые и конструкторы столкнулись с таким количеством проблем и трудностей, что в настоящее время никто не может с уверенностью сказать, сколько в результате будет стоить эта программа и когда она будет окончательно реализована (первоначально предполагалось, что это должно произойти к 2030 году). Некоторые эксперты полагают, что к этому времени на реализацию программы FCS потребуется не менее 450 млрд. долл. США. При этом гарантий того, что концепция FCS окажется боеспособной, нет.

Оборонные корпорации ведущих европейских стран НАТО также приступили к разработке концепций армии будущего – системы FRES (Future Rapid Effect System), аналогичной американской Future Combat System. Пока в рамках проекта FRES предполагается разработать демонстрационную программу электронной архитектурной

модели, при помощи которой будет создаваться структура армии будущего.

Между тем европейские военные эксперты уже подвергли критике британский (по большей части компоненты FRES разрабатывают в Великобритании) аналог американской армии будущего. По мнению аналитиков, этот амбициозный проект слишком дорог. В качестве аргумента критики FRES выдвигают тезис о соотношении затрат министерства обороны США и иракских партизан на войну. Так, американский танк стоимостью в миллионы долларов можно при удачном стечении обстоятельств уничтожить из ручных подствольных гранатометов, который на рынке в Багдаде стоит 20 долл. Они также обвиняют правительство Великобритании в том, что

оно пытается слепо копировать американские программы, не пытаясь оценить их с точки зрения достижения поставленных целей и боевой эффективности.

Заключение. ВС ведущих зарубежных стран, и прежде всего США, в настоящее время переживают коренную реорганизацию. В целом строительство и применение американских ВС в ближайшие годы будет ориентировано не на противодействие конкретному противнику, а на весь спектр возможных (даже гипотетических) угроз будущего. Имеющаяся программа FCS в военном бюджете США имеет высокий приоритет по затратам, сопоставимым с затратами на программу создания системы противоракетной обороны.

Список литературы

1. Печуров С. Военная стратегия – дело коллегиальное // Независимое военное обозрение. URL: <http://nvo.ng.ru/concepts/2007-02-02> (дата обращения: 08.09.2021).
2. Программы разработки боевых систем для будущих армий ведущих стран запада // Военно-промышленный курьер – 2007. № 3 (169). URL: <https://vpk-news.ru/articles/4826> (дата обращения: 08.09.2021).
3. Системы и средства управления вооруженных сил ведущих зарубежных стран и направления их развития / И. Аношкин [и др.]. Минск: НИИ ВС Респ. Беларусь, 2007. 334 с.
4. Jane's Defence Equipment 2006–2007 (Электронная библиотека вооружений стран мира) // Jane's Explosive Ordnance Disposal 2006–2007 (Janes Eod and Cbrne Defence Equipment). URL: <https://www.amazon.com/Explosive-Ordnance-Disposal-2006-2007-Equipment/dp/0710627521> (дата обращения: 08.09.2021).

References

1. Pechurov S. *Voyennaya strategiya – delo kollegialnoye* [Military Strategy – Case Collegial]. Available at: <http://nvo.ng.ru/concepts/2007-02-02> (accessed 08.09.2021).
2. *Programmy razrabotki boyevykh sistem dlya budushchikh armiy vedushchikh stran zapada* [Martial System Development Programs for future armies of the leading countries of the West]. Available at: <https://vpk-news.ru/articles/4826> (accessed 08.09.2021).
3. Anoshkin I., Kostyukovich S., Krasnov Ye., Poznyak F. et al. *Sistemy i sredstva upravleniya vooruzhennykh sil vedushchikh zarubezhnykh stran i napravleniya ikh razvitiya* [Systems and means of management of the armed forces of leading foreign countries and directions for their development]. Minsk, NII VS Resp. Belarus Publ., 2007. 334 p.
4. Jane's Defence Equipment 2006–2007. Available at: <https://www.amazon.com/Explosive-Ordnance-Disposal-2006-2007-Equipment/dp/0710627521> (accessed 08.09.2021).

Информация об авторе

Зайцев Александр Александрович – кандидат военных наук, доцент, профессор кафедры военной стратегии. Военная академия Республики Беларусь (220057, Минск, пр-т Независимости, 220, Республика Беларусь).

Information about the author

Zaitsev Alexander Aleksandrovich – PhD (Military), Associate Professor, Professor of the Department of Military Strategy. Military Academy of Republic of Belarus (220, Nezavisimosti Ave., 220057, Minsk, Republic of Belarus).

Поступила 15.09.2021

УДК 316.334

Н. В. Зайцева, И. Н. Кандричина

Белорусский национальный технический университет

СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Статья посвящена анализу развития и становления системы социального партнерства. Социальное партнерство представляет собой особую систему отношений, возникающих между наемными работниками и работодателями при посреднической роли государства, по согласованию экономических интересов в социально-трудовой сфере и урегулированию социально-трудовых конфликтов. Это также эффективная форма организации и осуществления социально-экономической политики государства на основе учета интересов различных слоев и групп общества путем ведения переговоров. В современном мире сегодня социальное партнерство – это основная и необходимая составляющая трудовых отношений. Оно способствует устойчивому и гармоничному развитию общества.

Ключевые слова: социально-трудовые отношения, наемные работники, наниматель, рабочая сила, профсоюзное движение, коллективный договор.

Для цитирования: Зайцева Н. В., Кандричина И. Н. Социальное партнерство: история и современность // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2021. № 2 (251). С. 74–76.

N. V. Zaytseva, I. N. Kandrichina

Belarusian National Technical University

SOCIAL PARTNERSHIP: HISTORY AND MODERNITY

The article is devoted to the analysis of the development and development of the social partnership system. The social partnership is a special system of relations arising between employees and employers with the mediation role of the state, in coordinating economic interests in the socially labor sphere and the settlement of socio-labor conflicts. It is also an effective form of the organization and development of the socio-economic policy of the state based on accounting for the interests of various layers and groups of society by negotiating. In the modern world of this day, the social partnership is the basic and necessary component of labor from nothing. It contributes to the sustainable and harmonious development of society.

Keywords: social and labor relations, employees, employer, labor force, trade union movement, collective agreement.

For citation: Zaytseva N. V., Kandrichina I. N. Social partnership: history and modernity. *Proceeding of BSTU, issue 6, History, Philosophy, 2021, no. 2 (251), pp. 74–76 (In Russian).*

Введение. Социальное партнерство – это система отношений между наемными работниками и нанимателем при посредничестве государства. Эти отношения призваны регулировать экономические интересы с учетом социальных. Развитие системы социального партнерства – важнейший аспект современных социально-экономических отношений.

Основная часть. Система социального партнерства как одна из основных форм регулирования социально-трудовых отношений зародилась в середине XX в., после окончания Второй мировой войны как отражение нового мироустройства и миропорядка. Однако официальную форму она приняла лишь в 1960–1970 гг. Сама же необходимость регулирования социально-трудовых отношений возникает одновременно с появлением капиталистического товарного производства, когда в качестве основных субъектов трудовых отношений окончательно оформляются

два основных класса – собственники средств производства и наемные работники, лишенные средств производства и потому вынужденные продавать свою рабочую силу, чтобы как-то обеспечить свое существование.

Но если рассматривать социальное партнерство с исторического аспекта, то его становление и развитие неразрывно связано с возникновением и развитием профсоюзного движения.

В Беларуси профессиональные союзы стали создаваться раньше, чем в центральных губерниях Российской империи – еще в середине 90-х гг. XIX в. Но наиболее значимую форму они приобрели после событий 1905 г. Всего к концу мая 1907 г. на территории Северо-Западного края существовал 101 профсоюз, в них насчитывалось 14 553 члена. Тем самым была создана организационная основа для трехсторонних отношений в социально-трудовой сфере: работодатели – наемные работники – государство.

Зарождению социального партнерства способствовали также развитие кооперативного движения, организация акционерных товариществ, создание земских учреждений. После событий 1905–1907 гг. профсоюзное движение подверглось репрессиям со стороны правящих властей. И к 1910 г. легальные профсоюзы в Гродненской, Минской и Могилевской губерниях были полностью разгромлены, сохранились лишь 5 легальных профсоюзов в Витебске. Их деятельность продолжалась в подполье [1].

Если рассматривать историю развития социального партнерства в неразрывной связи с профсоюзным движением, то дальнейшим этапом будет 1917 г. К этому времени не осталось ни одной профессии, где не были бы созданы свои профсоюзные организации [2].

Однако истоки социального партнерства находятся более глубоко – в сфере взаимодействия интересов труда и капитала. И следствием такого взаимодействия является нивелирование социальных конфликтов. Правящий класс должен был не только определять сферу договорных отношений, но и нести ответственность за ее содержание. Государство и правящий класс определяли правовой статус как индивидуальных, так и коллективных субъектов, а также правовые средства разрешения трудовых конфликтов.

Социальное партнерство представляет собой особую систему отношений, возникающих между наемными работниками и работодателями при посреднической роли государства, по согласованию экономических интересов в социально-трудовой сфере и урегулированию социально-трудовых конфликтов. Систему социального партнерства называют «трипартизмом», так как в регулировании социально-трудовых отношений участвуют три стороны: организации, представляющие интересы наемных работников, объединения работодателей и государство.

Наиболее эффективные механизмы социального партнерства на сегодняшний день характерны для развитых европейских государств, таких как Германия, Франция, Австрия, Швеция и др. [3].

На постсоветском пространстве становление и развитие социального партнерства имеет свои особенности. Здесь можно выделить несколько периодов его развития:

1917–1921 гг. – период отмены прежней правовой базы трудовых отношений и становление новой;

1922–1929 гг. – период НЭП, процесс возрождения коллективных отношений в социально-трудовой сфере;

1930–1946 гг. – период главенства принципа единоначалия на производстве и во всех сферах жизнедеятельности общества;

1947–1964 гг. – период возобновления заключения коллективных договоров, а после 1954 г. т. н. «оттепель» затронула не только политическую сферу, но и социально-экономическую;

1964–1984 гг. – период создание системы коллективно-договорных отношений на производственном, отраслевом, территориальном, республиканском и общесоюзном уровнях. И одновременно это этап утверждение корпоративно-номенклатурного подхода в решении актуальных проблем социально-трудовой сферы;

1985–1991 гг. – кризис советской системы социально-трудовых отношений; развитие новых форм организации и стимулирования труда; введение хозрасчета, самофинансирования, самоуправления на производстве; развитие рабочего движения; возникновение новых независимых профсоюзов, формирование новых подходов в практике заключения коллективных договоров и соглашений [4].

В настоящее время социальное партнерство основывается на принципах, обозначенных Международной организацией труда (МОТ), законодательных и нормативно-правовых актах стран мирового сообщества.

Международная организация труда в 1919 г. Лигой Наций (предшественник ООН) была создана на основе трипартизма. Ее главной функцией является установление правопорядка между наемными работниками, работодателями и государством, т. е. основная цель МОТ – установление социальной справедливости и мира. Характерной чертой МОТ является участие представителей предпринимателей, правительства и организаций, трудящихся в ее составе. Со времен основания МОТ приняла 190 конвенций и более 200 рекомендаций по социально-трудовым вопросам [5].

Заключение. Республика Беларусь является членом МОТ с 1954 г. и ратифицировала 51 ее конвенцию, в том числе 8 основополагающих. Членство в МОТ позволяет Беларуси изучать и применять международную практику урегулирования социально-трудовых споров, развивать социальное партнерство (правительство – профсоюзы – предприниматели), совершенствовать и регулировать рынок труда [5]. Участие в деятельности МОТ помогает разрабатывать основанные на мировом опыте нормы трудового законодательства, содействует развитию предпринимательства, решению проблем занятости.

Республика Беларусь придерживается основополагающих принципов социального партнерства. В ст. 352 Трудового Кодекса Республики Беларусь указано, что социальное партнерство – это форма взаимодействия органов государственного управления, объединений нанимателей, профессиональных союзов и иных представительных

органов работников, уполномоченных в соответствии с актами законодательства представлять их интересы, (субъектов социального партнерства) при разработке и реализации социально-экономической политики государства, основанная на учете интересов различных слоев и групп общества в социально-трудовой сфере посредством переговоров, консультаций, отказа от конфронтации и социальных конфликтов. По состоянию на

1 января 2021 г. в отраслях экономики республики заключено 17,1 тыс. коллективных договоров (в том числе в 2020 г. заключены впервые 399 коллективных договоров), действие которых распространяется на 18,5 тыс. организаций [6].

Сегодня в современном мире социальное партнерство – это неотъемлемая часть трудовых отношений.

Список литературы

1. Дубовик А. К. Исторический опыт становления социального партнерства в Беларуси // Официальный сайт исторического факультета БГУ. URL: <https://hist.bsu.by/images/stories/files/nauka/izdania/tif/2/Dubovik.pdf> (дата обращения: 08.09.2021).
2. Очерки истории профсоюзов Белоруссии. 1905–1969 гг. Минск: Изд-во БГУ, 1970. С. 31.
3. Генг В. А., Андреева А. В. Мировая практика социального партнерства в трудовой сфере: история становления // Вестник ТвГУ. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/74272246.pdf> (дата обращения: 08.09.2021).
4. Делегеоз Е. Г. Социальное партнерство в России: исторические основы становления и развития // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 08.09.2021).
5. Международная организация труда // Сайт Министерства иностранных дел. URL: <https://mfa.gov.by/multilateral/organization/list/e241440429443799.html> (дата обращения: 08.09.2021).
6. Социальное партнерство // Сайт Федерации профсоюзов Беларуси. URL: <https://fpb.lprof.by/socialnoe-partnerstvo/> (дата обращения: 08.09.2021).

References

1. Dubovik A. K. *Istoricheskiy opyt stanovleniya sotsial'nogo partnerstva v Belarusi* [Historical experience of formation of social partnership in Belarus]. Available at: <https://hist.bsu.by/images/stories/files/nauka/izdania/tif/2/Dubovik.pdf> (accessed 08.09.2021).
2. *Ocherki istorii profsoyuzov Belorussii. 1905–1969 gg.* [Essays of the history of trade unions of Belarus. 1905–1969]. Minsk, Izd-vo BGU Publ., 1970. P. 31.
3. Geng V. A., Andreeva A. V. *Mirovaya praktika sotsialnogo partnerstva v trudovoy sfere: istoriya stanovleniya* [World practice of social partnership in the labor sphere: the history of formation]. Available at: <https://core.ac.uk/download/pdf/74272246.pdf> (accessed 08.09.2021).
4. Delegeoz E. G. *Sotsialnoye partnerstvo v Rossii: istoricheskiye osnovy stanovleniya i razvitiya* [Social partnership in Russia: the historical foundations of formation and development]. Available at: <https://works.doklad.ru/view/3WgxExKjXDQ.htm> (accessed 08.09.2021).
5. *Mezhdunarodnaya organizatsiya truda* [The International Labour Organization]. Available at: <https://mfa.gov.by/multilateral/organization/list/e241440429443799.html> (accessed 08.09.2021).
6. *Sotsialnoye partnerstvo* [Social partnership]. Available at: <https://fpb.lprof.by/socialnoe-partnerstvo/> (accessed 08.09.2021).

Информация об авторах

Зайцева Надежда Викторовна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры «Экономика и право». Белорусский национальный технический университет (220013, Минск, пр-т Независимости, 65, Республика Беларусь). E-mail: nadezhda_zaytseva_1972@mail.ru.

Кандричина Ирина Николаевна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры «Менеджмент». Белорусский национальный технический университет (220013, Минск, пр-т Независимости, 65, Республика Беларусь).

Information about the authors

Zaytseva Nadezhda Viktorovna – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of Economics and Law. Belarusian National Technical University (65, Nezavisimosti Ave., 220013, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: nadezhda_zaytseva_1972@mail.ru.

Kandrichina Irina Nikolaevna – PhD (Sociology), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of Management. Belarusian National Technical University (65, Nezavisimosti Ave., 220013, Minsk, Republic of Belarus).

Поступила 13.09.2021

ФИЛОСОФИЯ

PHILOSOPHY

УДК 111.62:165.742

П. М. Бурак

Белорусский государственный технологический университет

МНОГОМЕРНОСТЬ КОЭВОЛЮЦИИ И ГУМАНИСТИЧЕСКИЙ ВЫБОР В УСЛОВИЯХ НЕСТАБИЛЬНОСТИ РАЗВИТИЯ

В статье формируются элементы методологического подхода в познании феномена многомерности коэволюции. Раскрываются онтологические основания многомерности коэволюции в связи с преемственностью и кооперативной взаимосвязью последовательно складывающихся типов эволюции в процессе глобального развертывания материальной реальности, в результате чего формируются все более сложные метасистемные структуры вплоть до биологических и социальных уровней их организации. Отмечается, что метасистемные структуры, прежде всего биологические и социальные, отличаются высоким уровнем активности в самовоспроизводстве и саморегуляции, включая и способность к специфической регламентации взаимосвязи позитивных и негативных проявлений коэволюций в их самосохранении и стабильном развитии. В контексте данного подхода многомерная природа человека представлена в качестве своеобразного продукта многомерности стихийной глобальной коэволюции, интегрирующей физические, химические, биологические, социальные и другие параметры эволюционирующей и материальной реальности в системную организацию по имени «человек». Человек как носитель многомерности коэволюции реализует этот свой исторически сложившийся потенциал в разнообразии форм и тенденций деятельности, включая различные проявления взаимосвязанных процессов прогресса и регресса, созидания и разрушения, упорядочения и разупорядочения. На примерах показана взаимная связь данных тенденций и отмечается, что если не регулировать их соотношение, то происходит спонтанная мультипликация разрушительных процессов, начиная с поведения отдельного человека и вплоть до формирования отношений нестабильности развития всего человеческого сообщества. В этой связи статья нацелена на решение проблемы систематизации знаний о коэволюции и трансформацию их в определенные коэволюционные стратегемы, или программы для теоретико-практических действий по достижению цели гуманистического выбора развития посредством регуляции взаимосвязи различных его тенденций.

Ключевые слова: многомерность коэволюции, прогресс, регресс, регуляция, коэволюционная стратегема, гуманизм.

Для цитирования: Бурак П. М. Многомерность коэволюции и гуманистический выбор в условиях нестабильности развития // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2021. № 2 (251). С. 77–84.

P. M. Burak

Belarusian State Technological University

MULTIDIMENSIONALITY OF COEVOLUTION AND HUMANISTIC CHOICE IN CONDITIONS OF INSTABILITY OF DEVELOPMENT

The article forms the elements of a methodological approach in the cognition of the phenomenon of multidimensional co-evolution. The ontological foundations of the multidimensionality of co-evolution are revealed in connection with the continuity and cooperative interconnection of successively emerging types of evolution in the process of the global deployment of material reality, as a result of which more and more complex metasystem structures are formed up to the biological and social levels of their organization. It is noted that metasystemic structures, primarily biological and social, are distinguished by a high level of activity in self-reproduction and self-regulation, including the ability to specifically regulate

the relationship between positive and negative manifestations of co-evolution in their self-preservation and stable development. In the context of this approach, the multidimensional nature of man is presented as a kind of product of the multidimensionality of spontaneous global co-evolution, which integrates physical, chemical, biological, social and other parameters of evolving and material reality into a systemic organization called "man". Man, as the bearer of the multidimensionality of co-evolution, realizes this historically formed potential in a variety of forms and tendencies of activity, including various manifestations of interrelated processes of progress and regression, creation and destruction, ordering and disordering. The examples show the interconnection of these trends and it is noted that if you do not regulate their ratio, then spontaneous multiplication of destructive processes occurs, starting with the behavior of an individual and up to the formation of relations of instability in the development of the entire human community. In this regard, the article is aimed at solving the problem of systematizing knowledge about coevolution and transforming it into certain coevolutionary stratagems or programs for theoretical and practical actions to achieve the goal of the humanistic choice of development by regulating the relationship of its various tendencies.

Key words: multidimensionality of coevolution, progress, regression, regulation, coevolutionary stratagem, humanism.

For citation: Burak P. M. Multidimensionality of coevolution and humanistic choice in conditions of instability of development. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy, 2021, no. 2 (251), pp. 77–84 (In Russian).*

Введение. Данная статья является продолжением разработок проблематики коэволюции, результаты которых были опубликованы в ранее изданных номерах нашего научного журнала. В представленной работе реализуются элементы эвристического подхода, направленного на раскрытие складывающихся в процессе глобальной эволюции онтологических оснований многомерности коэволюции как общей закономерности сохранения преемственности, сопряженного существования и последовательности исторических типов эволюции, в результате чего формируются все более сложные материальные системы. Глобальная коэволюция на различных этапах глобальной эволюции соответственно воспроизводит и сохраняет множественность свойств, связей и тенденций изменения физических, химических, биологических и социальных объектов, что также означает формирование все новых уровней относительно устойчивой системной, а точнее – метасистемной организации. Исторический процесс эволюции – коэволюции приводит не только к росту сложности и многомерности возникающих природных объектов с новыми свойствами, но и к росту разнообразия их внутренних диалектических противоречий как источников роста их активности в дифференциации, интеграции и регуляции процессов самовоспроизводства, что особенно характерно для биологических, а тем более биосоциальных систем. Человек как специфическая социоприродная система, в структуре которой в свернутом виде запечатлено единство и взаимосвязь основных этапов и свойств объектов глобальной эволюции, представляет собой продукт стихийного коэволюционного синтеза процессов и структур физического, химического, биологического и социального характера.

Поэтому по своей природе человек является многомерным существом. Его деятельность по отношению к природе и обществу, в построении и развитии искусственной природы также многомерна.

Различные аспекты многомерности человеческой природы, его бытия, активности (деятельности) являются активно обсуждаемыми вопросами в последние десятилетия.

Генетическая наследственность человека, его инстинктивные реакции автоматически фиксируют и воспроизводят упомянутую многомерность, включая взаимосвязь тенденций упорядочения и разупорядочения, устойчивой активности жизни и ее угасания. Созидание и разрушение в сознательно организуемой внешней деятельности человека есть факт подчинения его жизни объективно действующей, общей закономерности взаимозависимости тенденций прогресса и регресса на всех без исключения уровнях организации и связей природного мира в его глобальной эволюции. Однако человек как сознательное существо может и должен регулировать соотношение различных тенденций коэволюции и заранее ограничивать возможности разрушительных проявлений своей деятельности в природе и обществе. С этой целью в статье обосновывается необходимость анализа многомерности коэволюции, диалектически противоречивого ее характера и обосновываются направления регуляции соотношения прогрессивных и регрессивных тенденций развития. Задачи, которые решаются в представленной работе, соответствуют попыткам преодолеть ограниченность современного состояния онтологии и когнитологии. Например, И. В. Разумов обосновывает необходимость развивать представление и понимание

коэволюции в онтологическом и когнитивном аспектах на основе одних и тех же законов природы и знаний [1, с. 44].

Основная часть. Решение проблемы уменьшения и предотвращения рисков роста нестабильности во взаимодействии общества и природы, что (по существующим в различных публикациях оценкам) угрожает в обозримой перспективе углублением деградации цивилизованного человечества и естественной среды его жизни, связывается во многих исследованиях с разработкой и применением коэволюционной стратегии.

Поэтому на человеческую ответственность и его социокультурный долг сохранения собственного вида и формирования природных условий его существования накладывается обязанность в производстве и овладении глубокими знаниями о коэволюции. Характер воспроизводства человека как биологического существа, являющийся в значительной степени обусловленным бессознательным трендом генетической наследственной программы, выступает важным фактором действия врожденных адаптивных реакций коэволюционной регуляции поведения. Успехи, которых человек достиг в трудовой деятельности, социальном строительстве, культурном развитии в целом, познании сущности, свойств, природных явлений и законов, создании глобальной техногенной (искусственной) природы, указывают на существование и использование разнообразных знаний о коэволюционных зависимостях различных по природе явлений. Однако современный мир стал настолько сложным, стихийным, нестабильным и опасным, что все более выявляется необходимость постоянной разработки, систематизации и применения глубоких знаний о коэволюции как механизме преодоления разобщенности и организации новой общности народов, нацеленной на достижение более безопасного сосуществования.

Оптимистическая привлекательность конструктивного замысла, состоящего в формировании коэволюционной стратегии, включающей обоснование, формулирование и осуществление цели достижения приемлемой безопасности в регулировании соразвития природы и общества, ограничивается неопределенностью выбора конкретных мер перевода теоретически сформулированной задачи в непосредственные действия по ее выполнению. Надо полагать, что степень общности в интегрировании таких действий и масштаб предполагаемых позитивных результатов в зависимости от характера и объема организуемых в сопряженном взаимодействии объектов и систем и содержания целевых установок могут быть различными. Но в любом случае все они должны быть согласованы. Неопределенность

же в выполнении отмеченных и других самых общих и простых требований по достижению безопасности соразвития систем одной и той же или различной природы обусловлена все еще недостаточно развитыми и организованными знаниями о коэволюции.

Мы также утверждаем, что стихийные проявления коэволюции во взаимосвязи тенденций упорядочения и разупорядочения как общеприродная закономерность реализуются независимо от воли и желаний людей в системе социальных отношений, в воспроизводстве общества как целостной системы, в человеческой деятельности, в мышлении, в отношениях общества и природы, в создании и функционировании искусственной природы, в каждой сфере, где осуществляется процесс развития. Развитие любого объекта имеет в своей основе взаимозависимое развитие (в различной степени) различных объектов, воспроизводит или обуславливает появления новых форм соразвития. Но в любом варианте развитие включает в свою структуру и может осуществляться лишь в нерасторжимой связи прогрессивных и регрессивных изменений, созидания и разрушения. Это – классика понимания сущности развития как универсального принципа бытия. В ответном письме А. Эйнштейну «Неизбежна ли война?» в сентябре 1932 года З. Фрейд характеризует противоположные по содержанию, направленности и результатам, имеющие характер автоматизмов, взаимосвязанные созидательные и разрушительные стремления человека, составляющие сущностные свойства его инстинктивной активности. Содержание и характер актуальной связи данных инстинктов оказывают влияние на ход и формы разрешения противоречий социальных отношений, характер, способы и результаты конфликтов. В письме представлена попытка ответить на вопрос, в чем должна заключаться роль культуры в противодействии стихийной власти инстинктов в поведении как отдельных индивидов, так и больших масс людей и способно ли одно врожденное стремление людей к любви и созиданию подчинить или ограничить другое их стихийное и весьма сильное влечение к смерти и разрушению. При этом З. Фрейд подчеркивает, что желание лишить человека его агрессивных наклонностей практически неосуществимо в силу их врожденного характера [2]. Это означает, что в деятельности человека сохраняется стихийный природный автоматизм коэволюционной самоорганизации, что является общеприродной и основной закономерностью собственно природной коэволюции, включая и биологические тенденции ее осуществления. Эту закономерность человек отменить не в состоянии, но может регулировать ее проявления

в соотношении созидания и разрушения на основе научного знания и с помощью социальной организации по обеспечению массового участия преимущественно поколений молодых людей и вклада их избыточной позитивной энергии в реализацию крупных социально-экономических проектов, осуществление которых придает значимость их участникам, известность, почет, удовлетворение от самореализации и высокую самооценку. Осуществление таких проектов всегда сопровождается некоторым изменением социальных условий жизни для их участников – временным дискомфортом и разупорядочением природных структур, что не должно перекрывать главную оптимистическую цель выхода человеческой энергии на творческое созидание. Соразвитие и доминирование в структуре поведения личности процессов аккумуляции энергии разрушения внешней социальной среды и духовной культуры самого индивида есть пример коинволюции, или тенденции деградациии, в сравнении с тенденцией коэволюции, которая в своем позитивном варианте направлена на доминирование прогресса во взаимосвязи с регрессом в отношениях личности и общества.

Одно из возможных направлений гармоничного соразвития личности и общества на основе доминирования созидания характеризовал Э. Фромм. Плодотворное направление преодоления человеком чувства бессилия и одиночества – это путь, ведущий к «позитивной» свободе. Человек «...может связать себя с миром через любовь и труд, через подлинное проявление своих чувственных, интеллектуальных и эмоциональных способностей; таким образом он может вновь обрести единство с людьми, с миром и с самим собой, не отказываясь при этом от независимости и целостности своего собственного “я”» [3, с. 123].

Направленность человеческого поведения, соотношение позитивных и негативных его элементов, прогресса и регресса личности, соотношение созидательных коэволюционных и разрушительных коинволюционных процессов всегда опосредуются усвоенными человеком приоритетными для него социальными отношениями, ценностными и другими координатами, целями и предпочитаемыми способами их реализации, которыми он руководствуется. Вся эта совокупность взаимосвязанных координирующих факторов поведения человека в их единстве выражает смысловую направленность его жизни в обществе. В зависимости от личностного понимания собственного предназначения, сложившегося под влиянием выбора социальных средств самореализации и самоутверждения в обществе, поведение человека может разворачиваться по

двум основным сценариям – позитивному или негативному. Не исключаются также различные варианты соотношения данных тенденций, что обусловлено соотношением внешнего влияния и индивидуальной способности к конструктивной самоорганизации поведенческой ориентации.

Исследуя причины деструктивных проявлений в поведении личности, Э. Фромм анализирует роль важнейших социально обусловленных и социально направленных потребностей человека, удовлетворение которых является обязательным условием сохранения его социальной природы. Человек испытывает потребность в образовании системы социальных отношений, которые задают необходимую для его существования систему координат, включая и ценностные. Соответственно, для человека особенно привлекательна и оказывает сильное влияние та идеология, которая обещает дать непротиворечивые ответы на все интересующие его вопросы. Он испытывает потребность в объекте-цели, которая является фокусом его ценностей и указывает, куда он должен идти. Все эти потребности в зависимости от их содержательной направленности могут быть основанием позитивных и негативных стремлений человека. «Некорректные» идеологические концепции могут оказывать решающее воздействие на регрессивное развитие личности. В этой связи Э. Фромм подчеркивает, что «...человек ... оказывается жертвой иррациональных доктрин политического, религиозного или какого-нибудь иного толка, в то время как для людей, не находящихся под их влиянием, очевидно, что речь идет о совершенно бесполезных концепциях» [4, с. 288].

Прогресс и регресс, эволюция и инволюция, коэволюция и коинволюция выступают в качестве объективных закономерностей сменяющихся форм существования в живой, неживой природе, в обществе, в мышлении людей, в культуре. В настоящее время мировое сообщество переживает кризис перехода в какое-то иное состояние, который проявляется в разобщенности в различных отношениях, разрушении и устранении общемировых установлений (например, международного права), совместного устойчивого развития народов и государств, в доминировании групповых и самоизбираемых интересов, обесценивании человеческой жизни, отбрасывании гуманистических традиций сложившейся культуры, в росте взаимной агрессивности и формировании мотивов разрушительной деятельности. Все эти явления фиксируются и развиваются во взаимосвязи антропологического, экономического, социального, экологического кризисов, кризиса международных отношений, кризиса доверия, утверждения двойных стандартов и в других формах. Совершенно четко обозначается

общемировая тенденция хаотизации во всех сферах жизни, в замене продуктивных взаимовыгодных отношений на утверждение приоритета меркантильных, односторонне приемлемых связей при вытеснении и сохранении потенциальных возможностей формирования взаимно созидательных инициатив в планетарном масштабе.

Поскольку все подобные разрушительные процессы происходят во взаимосвязи различных сфер жизни мирового сообщества и на разных его уровнях, то кратко складывающуюся ситуацию можно обозначить как разрыв целостности устойчивого со-бытия человеческой цивилизации, раскалывающий все уровни его системной организации вплоть до множества индивидов, которые теряют гуманистические ориентиры жизни и оказываются в положении существа, озабоченного только тем, как бы сохранить свою жизнь. В различных формах и взаимосвязях развивается и превращается в негативную коинволюционную тенденцию социальный паразитизм. И. А. Беляев раскрывает содержание таких явлений социального паразитизма, как алтынничество, бюрократическая паразитическая активность, криминальная паразитическая активность, лесть, лицемерие, социальный паразитизм, эксплуататорская паразитическая активность. В оценке автора социальный паразитизм и социальный мутуализм являются двумя взаимоисключающими вариантами проявления субъективности индивида в процессах взаимодействия с другими людьми. Вместе с тем И. А. Беляев подчеркивает взаимосвязь социального паразитизма с позитивными вариантами организации жизни общества [5]. Это обстоятельство указывает на взаимозависимое их существование и взаимообусловленное развитие. Тем самым мы получаем еще одно важное свидетельство о нерасторжимой взаимосвязи и взаимопереходах в социальной коэволюции прогрессивных и регрессивных тенденций, соотношение которых необходимо регулировать для предотвращения разрушительной нестабильности развития и достижения приемлемого состояния безопасности общества.

На наш взгляд, сущность гуманистического выбора в сложившихся условиях нестабильности социального развития состоит в том, чтобы остановить разрушительные тенденции коинволюции, осмыслить позитивные возможности коэволюционного развития современной цивилизации и обеспечить доминирование тенденций совместного созидания, приемлемых для существования и сохранения общества и природы, а также уровня безопасности взаимозависимого развития в самом мировом сообществе и в его отношениях с природой.

Гносеологические, методологические и мировоззренческие возможности решения данной проблемы также должны быть осмыслены на основе предметной реализации так называемых коэволюционных стратегий, построения и реализации конкретных действий по достижению безопасности, сохранения и продуктивного развития общества.

Мы исходим из обоснованных представлений, что коэволюция есть один из важнейших механизмов проявления универсального принципа взаимодействия различных явлений, порождающего новые объекты, обуславливающего их взаимозависимые изменения, сопряженности их существования и образование более сложных и общих структур, а также их неизбежное угасание. Взаимодействие, взаимная связь и обусловленность, развитие в его целостном понимании являются универсальными основаниями целостности бытия его единства во всех возможных проявлениях. Коэволюция как связующий динамический механизм множества форм и способов становления бытия, вещей, процессов, явлений и отношений выполняет функции кооперирования и дифференцирования универсальных принципов бытия в единстве и взаимной обусловленности различных направлений изменения, воспроизводит их в новых связях и тенденциях отношений. А поскольку универсальные принципы лежат в основе и обуславливают существование и природу любых форм бытия, то и стихийная коэволюция как общий механизм их совместного действия, как атрибут сохранения данных принципов в их единстве и различии присутствует всюду. Ни один атрибут развития: ни упорядочение, ни разупорядочение, ни дифференциацию, ни интеграцию, ни становление, ни угасание, ни усложнение, ни упрощение, ни организацию, ни деградацию, ни прогресс, ни регресс, ни соединение, ни разъединение, ни систематизацию, ни элементаризацию, ни эволюцию, ни инволюцию и т. д. – коэволюция не утрачивает. Разнообразные функции, множественные варианты комбинаций сопряженных процессов коэволюции есть лишь отражение, механизм сохранения и воспроизводства множественности способов взаимозависимого и диалектического противоречивого бытия объектов и процессов нашего мира. Вместе с тем существуют объективные законы, открываемые естественными науками, которые проявляются в устойчиво повторяющихся, существенных, определяющих природу вещей связях, ограничивают их разнообразие и стабилизируют в некоей селективно-избирательной форме различные изменения и множественность объектов. Благодаря этому мир не превращается в бесконечно хаотизирующий процесс, в котором нет ничего устойчивого.

С другой стороны, законы изменчивости в мире – это способ неустранимости возможностей устойчивого развития как преодоления ограничений, ставших препятствием своего рода «догматизированной» стабильности. Эти же закономерности в их единстве отражаются в механизмах коэволюции, которая в этой связи как механизм процесса совместной самоорганизации и саморазвития вырабатывает структуры саморегуляции, удерживающие взаимодействующие, взаимозависимо развивающиеся объекты в определенных границах единства взаимообусловленных процессов устойчивости и изменчивости. В биологических системах такую регулирующую роль могут выполнять более общие уровни структурной организации по отношению к *нижестоящим* структурам, или частям системы. Такая тенденция присуща и иерархической системе управления в обществе в целом, в любой конкретной социальной организации иерархического строения.

Мемориализация коэволюционных взаимодействий предполагает возврат к памяти о таких взаимодействиях как к регулирующему механизму выбора самовоспроизводящихся биологических и социальных систем, соотношений направлений или путей коэволюции, которые обуславливают их сохранение в условиях взаимосвязи различных тенденций развития. Принцип возвратной актуализации коэволюционной памяти довольно широко распространен в саморегуляции и развитии биологических и социальных систем. Это генетическая, инстинктивная память, отличающаяся автоматизмом направления коэволюционного взаимодействия на онтогенетическом уровне жизнедеятельности биологических организмов и в их поведенческих реакциях. Явление цикличности в программировании поведения биологических организмов, включающего возвратную актуализацию памяти о прошлых позитивных результатах для удовлетворения потребностей и сохранения организма, взаимоотражения и сравнения прошлого результата с текущими возможностями продуктивного поведения в теории функциональной системы исследовал П. К. Анохин [6].

Определенный автоматизм социальной коэволюции в социализации человека, социальных отношениях, функционировании и развитии различных социальных систем обусловлен сверкой жизненных ценностей, ценностных ориентаций, целей и интересов и убеждений с традициями, нормативами существующей культуры, смысловыми значениями различных памятников, литературных произведений, нормативных документов, программ развития и т. д.

В переломные эпохи, когда деформируются, разрушаются нормативные установления, идеалы

и ценностные ориентации существующей культуры, возникают и оформляются в корпоративные сообщества группы людей с различными интересами, оформляющимися на основе социально-экономического положения, разрушается прежняя целостность социального бытия и соответствующая ей нравственная конфигурация личности, возникает множество расходящихся центробежных направлений коэволюции социальных отношений. И эти направления «располагаются» в диапазоне множества коэволюционных продуктов социальных отношений – от воспроизводства ориентации на социальную справедливость как основу гуманистических взаимоотношений до сотрудничества в социальных группах на основе некоей исключительности и продвижения идеи элитаризма вплоть до разрушения и перedelки социальной системы в целом по своему устремлению. В подобной ситуации, складывающейся в некоторых постсоветских странах, возникает проблема определения гуманистического смысла и выбора интегрирующего направления – главного аттрактора, синтезирующего продуктивные возможности коэволюции отношений в различных социальных группах. На основе такого аттрактора и необходима регуляция различных направлений коэволюционных процессов, ведущих к разобщенности, выстраиваемая на основе формирования общего интереса в сохранении целостности социальной системы и перевода нестабильности в ее развитии, или движения в разные стороны, на путь консолидации энергии ради общего продуктивного будущего. Переходный период, переживаемый и нашим обществом, становится своеобразным большим экраном, на котором появляются казалось бы давно исчезнувшие и ненужные традиции, обостряется проблема противоречия добра и зла как в самой духовной организации человеческой личности, так и в отношениях между отдельными людьми и социальными группами, суживается диапазон соразвития эмпатических качеств людей, более наступательными становятся эгоизм, индивидуализм. Ценность человека, его достоинства и степень свободы спекулятивно определяются в зависимости от размера обладаемой денежной суммы. Все это указывает на усиление в обществе действия спонтанной, неконтролируемой коинволюции, разворачивающейся во взаимосвязи различных негативных тенденций, а потому образующей целостную негативную систему накопления разрушительной энергии.

Как отмечает, например, американский ученый Т. Николс, множество людей под влиянием интернета агрессивно отрицательно относятся к экспертному научному знанию [7].

Козволюция – это многоканальный процесс становления и циклического развития различных форм и степени совершенства взаимодействия объектов. Например, известный эколог Ю. Одум выявил в живой природе девять способов развертывания взаимодействий популяций в экосистемах: нейтраллизм, взаимное конкурентное подавление, конкуренция из-за ресурсов, аменсализм, паразитизм, хищничество, комменсализм, протокооперация, мутуализм [8, с. 273]. При различии этих вариантов коэволюционных сопряжений потоки вещественного и энергетического процессов консолидируются в круговорот на уровне отдельных экосистем и глобальной экосистемы (биосферы), формируя диалектически противоречивую целостность их связей, что обуславливает способность данных систем к самосохранению, самовоспроизводству и саморазвитию.

В обществе, формировании социальных отношений, где присутствует конструирующая роль человеческого разума, формы коэволюционного взаимодействия гораздо разнообразнее. Заметен переход в деятельности элит некоторых государств от антропоцентрического конструирования техногенной среды жизни за счет природы к еще более агрессивной стадии развития антропоцентризма в глобальном масштабе – навязчивому конструированию мировой социальной системы по образцам, лишь в субъективном представлении наилучшим для человечества. Этот новый глобальный антропоцентризм направлен не на присвоение и потребление природных ресурсов, а уже на формирование, производство и потребление глобальной социальной системы в целом.

Все отмеченные обстоятельства, характеризующие существенные черты коэволюции, выявляют стихийную, статистическую природу ее как явление, включающее разнообразные способы, содержание и направления взаимообусловленных изменений сопряженно взаимодействующих объектов. Такого рода разброс коэволюционных процессов указывает на их относительную независимость, а значит, разрушительные проявления коэволюционной стихии оказывается возможным уменьшать, нивелировать или предотвращать посредством регулирования соотношения различных взаимодействий в социальных отношениях и в социоприродных связях. Некое подобие таких мер достаточно заметно уже в поведении высокоорганизованных живых организмов, включающих формируемые ими средства снижения пагубного влияния стихийных процессов естественной природной коэволюции. Способы защиты жизни в живой природе В. И. Вернадский называл «техникой жизни».

Человек не в состоянии полностью предотвратить или вовсе устранить из своей жизни как

биологического и социального существа стихийные проявления природной и социальной коэволюции, поскольку его бытие в любом измерении основано на тех же универсальных и фундаментальных принципах, источниках воспроизводства и сохранения, что и коэволюция как способ формирования, кооперативной организации и активизации соответствующих свойств, связей естественной природы.

Благодаря соучастию в коэволюции человек фактически сам является активатором, формирующим и регулятором действия всех этих оснований собственного сохранения в своем деятельностном отношении к миру. Поэтому он не может ни выдумать, ни прекратить коэволюцию или по собственному произволу осуществить ее в форме, например, единственного варианта паритетных отношений с природой.

Заключение. В статье обосновывается подход, согласно которому коэволюция воспроизводит, развертывает и умножает в процессах взаимозависимого существования биологических и социальных систем способы проявления универсальных принципов бытия – взаимодействие всеобщей связи и взаимной обусловленности всех явлений, развитие в диалектически противоречивых соотношениях прогресса и регресса. Она не устраняет важнейшее атрибутивное свойство бытия материального мира – стихийную самоорганизацию системообразования в единстве взаимно переходящих процессов порядка и хаоса, а умножает и расширяет диапазон их сопричастия на различных уровнях иерархических структур в системном кооперировании, постоянно удерживая системы в состоянии открытости, относительной незавершенности и неравновесности.

Ни одного важнейшего атрибутивного свойства возникновения, угасания и смены системной организации реальности коэволюция не отбрасывает, а стихийно организует эти процессы как объективные закономерности, сохраняя взаимодействие и взаимопереходы, и взаимообусловленность в качестве процессов разрушения и созидания, что необходимо для системогенеза или развития системной организации в природе и обществе. В этой связи чтобы не оказаться во власти стихийной коэволюции с ее разрушительными проявлениями, человек может и должен на основе научного понимания многомерной сущности коэволюции осуществлять свою гуманистически направленную власть в решении задач по регулированию соотношения коэволюционных тенденций в обществе и его взаимодействию с природой. Необходима такая структурная организация знаний о коэволюции, которая бы отражала объективные тенденции и единство сопряженных и взаимозависимых изменений на различных

уровнях системообразования материальной реальности. Одновременно это же знание должно являться основанием для формирования программ (неких стратагем) регулирования коэволюционных процессов в обществе и в его отношениях с

природой в целях взаимообусловленного сохранения, обеспечения приемлемой безопасности и преодоления нестабильности в их взаимозависимом развитии. В этом суть гуманистического характера проекта коэволюционного выбора.

Список литературы

1. Разумов В. И. Философия в тотальном пересмотре интеллектуальных ценностей // Четвертый Сибирский философский семинар «Современная философия в России: междисциплинарные исследования в контексте традиций и инноваций», Омск, 15–17 окт. 2014 г. / отв. ред. В. И. Разумов. Омск, 2014. С. 41–47.
2. Фрейд З. Неизбежна ли война? Письмо А. Эйнштейну 1932 Вена, сентябрь // Моноклер: сайт. URL: <https://monocler.ru/neizbezhna-li-voyna/> (дата обращения: 12.10.2021).
3. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: Прогресс, 1989. 272 с.
4. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. Минск: ООО «Попурри», 1999. 624 с.
5. Беляев И. А. Социальный паразитизм в философско-антропологическом измерении // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2016. № 2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnyy-parazitizm-v-filosofsko-antropologicheskom-izmenenii> (дата обращения: 20.10.2021).
6. Анохин П. К. Избранные труды. Философские аспекты теории функциональных систем. М.: Наука, 1978. 400 с.
7. Николс Т. Смерть экспертизы: как интернет убивает научные знания. М.: ЭКСМО, 2019. 368 с.
8. Одум Ю. Основы экологии. М.: МИР, 1975. 741 с.

References

1. Razumov V. I. Philosophy in a total revision of intellectual values. *Chetvertyy Sibirskiy filosofskiy seminar "Sovremennaya filosofiya v Rossii: mezhdistsiplinarnye issledovaniya v kontekste traditsiy i innovatsiy"* [Fourth Siberian Philosophical Seminar "Contemporary Philosophy in Russia: Interdisciplinary Research in the Context of Tradition and Innovation"]. Omsk, 2014. Pp. 41–47 (In Russian).
2. Freud Z. *Neizbezhna li voina? Pismo A. Einsteinu 1932 Vena, sentiabr'*. [Is war inevitable? Letter to A. Einstein 1932 Vienna, September]. Available at: <https://monocler.ru/neizbezhna-li-voyna/> (accessed 12.10.2021).
3. Fromm E. *Begstvo ot svobody* [Escape from freedom]. Moscow, Progress Publ., 1989. 272 p.
4. Fromm E. *Anatomiya chelovecheskoy destruktivnosti* [Anatomy of human destructiveness]. Minsk, ООО "Popurri" Publ., 1999. 624 p.
5. Belyaev I. A. Social parasitism in the philosophical and anthropological dimension. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii* [Intelligence. Innovation. Investments.], 2016, no. 2, pp. 59–64. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnyy-parazitizm-v-filosofsko-antropologicheskom-izmenenii> (accessed 20.10.2021).
6. Anokhin P. K. *Izbrannye trudy. Filosofskie aspekty teorii funkcional'nykh sistem* [Selected works. Philosophical aspects of the theory of a functional system]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 400 p.
7. Nikols T. *Smert ekspertizy: kak internet ubivaet nauchnye znaniya* [The death of expertise: how the Internet is killing scientific knowledge]. Moscow, EKSMO Publ., 2019. 368 p.
8. Odum Yu. *Osnovy ekologii* [Fundamentals of ecology]. Moscow, MIR Publ., 1975. 741 p.

Информация об авторе

Бурак Петр Михайлович – кандидат философских наук, доцент, и. о. заведующего кафедрой философии и права. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: bmp49@bk.ru

Information about the author

Burak Petr Mikhaylovich – PhD (Philosophy), Associate Professor, acting Head of the Department of Philosophy and Law. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: bmp49@bk.ru

Поступила 15.09.2021

УДК 355.01

В. А. Ксенофонтов

Военная академия Республики Беларусь

**ВОЕННАЯ СФЕРА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
КАК УСЛОВИЕ СОЦИАЛЬНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ГОСУДАРСТВА**

Военное насилие остается инструментом, используемым в ходе конфликтов различного масштаба. Объективно действует не сила права, а право силы. Военная сфера национальной безопасности, обеспечивающая мирное развитие государства, нуждается в теоретическом и практическом развитии. Рассмотрено философское понимание баланса сил в контексте международных отношений. Защита от военного насилия – необходимость, требующая постоянного и рационального развития военной подсистемы безопасности, являющейся элементом целого (национальной безопасности или национальной обороны). Раскрыты различные подходы к обоснованию военной составляющей национальной безопасности государства. Подчеркивается диалектическая связь военной подсистемы национальной безопасности со всеми компонентами общества. Реализация задач этой сферы осуществляется посредством воинской деятельности. Делается вывод, что состояние военной сферы национальной безопасности играет важную роль в благополучном развитии личности, общества и государства. Она выступает системообразующим компонентом в системе национальной безопасности, обеспечивая «продукт» – военную безопасность. Идеология обеспечения военной безопасности белорусского государства заключена в Военной доктрине Республики Беларусь.

Ключевые слова: государство, национальная безопасность, военная сфера национальной безопасности, баланс сил, общество, военное насилие, воинская деятельность.

Для цитирования: Ксенофонтов В. А. Военная сфера национальной безопасности как условие социального благополучия государства // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2021. № 2 (251). С. 85–89.

V. A. Ksenofontov

Military academy of the Republic of Belarus

**THE MILITARY SPHERE OF NATIONAL SECURITY
AS A CONDITION FOR THE SOCIAL WELL-BEING OF THE STATE**

Military violence remains a tool used in conflicts of various dimensions. Objectively, it is not the force of law that acts, but the right of force. The military sphere of national security, which ensures the peaceful development of the state, needs theoretical and practical development. The philosophical understanding of the balance of power in the context of international relations is considered. Protection from military violence is a necessity that requires constant and rational development of the military security subsystem, which is an element of the whole (national security or national defense). Various approaches to the justification of the military component of the national security of the state are revealed. The dialectical connection of the military subsystem of national security with all components of society is emphasized. The implementation of the tasks of this sphere is carried out through military activities. It is concluded that the state of the military sphere of national security plays an important role in the successful development of the individual, society and the state. It acts as a system-forming component in the national security system, providing a “product” – military security. The ideology of ensuring the military security of the Belarusian state is contained in the Military Doctrine of the Republic of Belarus.

Key words: state, national security, military sphere of national security, balance of power, society, military violence, military activity.

For citation: Ksenofontov V. A. The military sphere of national security as a condition for the social well-being of the state. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy, 2021, no. 2 (251), pp. 85–89 (In Russian).*

Введение. В современной политике насилие и его крайняя форма – военное насилие продолжает оставаться инструментом, используемым в ходе конфликтов различного масштаба. Одним из факторов, ограничивающим использование силы в межгосударственных

отношениях, традиционно было международное право. Однако международные нормы не способны предотвратить насилие, если они не подкрепляются наличием реальной силы. Сегодня «военная сила заменяет международное право» [1, с. 9].

В настоящее время субъекты международных отношений продолжают поиск путей и средств укрепления собственной национальной безопасности. Особое внимание уделяется вопросам функционирования военной сферы (военной подсистемы) национальной безопасности. Война органично вошла в ткань человеческого бытия и является формой существования социума.

Парадокс современного развития состоит в том, что технологии насилия (военного в том числе) меняются быстрее, нежели мирные отношения. Это требует глубокого научно-теоретического обоснования вопросов создания, функционирования и развития военной сферы национальной безопасности государства в рамках социально-философского анализа. Несмотря на наличие значительного количества научных работ по проблемам национальной безопасности, военная подсистема (сфера) национальной безопасности в прямой постановке практически не рассматривалась.

Отметим, что достаточно основательно разработана теория национальной и военной безопасности [2]. В области военной составляющей национальной безопасности первенство принадлежит военным ученым, понимающим последствия военного насилия. А сама военная сфера как системное образование общества и национальной безопасности государства остается в «тени». Постараемся восполнить определенный пробел по разъяснению сущностного понимания военной сферы национальной безопасности как объекта социально-философского рассмотрения.

Основная часть. Чаще всего при рассмотрении военной сферы национальной безопасности оперируют категориями «военная мощь (сила)» и «военная организация государства». Безусловно, данные категории в рамках военной сферы национальной безопасности являются базовыми и включают в свое содержание целый комплекс явлений общественного развития. Они достаточно основательно разработаны военной и политической наукой.

Поскольку военная сфера предназначена для формирования системы защиты государства от силового воздействия со стороны возможного противника, а также создания собственного силового компонента для ведения военных действий в случае необходимости, стоит обратить внимание на проблему баланса сил в международных отношениях.

Как отмечают авторы издания под редакцией профессора В. И. Анненкова, философское понимание баланса сил направлено на исследование состояния общества и характеристики отношений между народами и государствами и имеет несколько подходов к раскрытию своей сути.

Гуманистический подход. Основан на конкретно-историческом анализе баланса сил и выражается в том, что мир и война, несмотря на противоположные состояния общества, связаны между собой. Сторонники гуманистического подхода видят в мире важное условие и средство развития человека в демократическом обществе, а в войне – средство уничтожения природы и человека.

Пацифистский подход. Его представители полагают, что путь к миру лежит через развитие человечности, добровольного отказа от любых форм насилия; мир может быть достигнут через «моральное самосовершенствование человечества», гуманистическую деятельность государственных лиц.

Консервативный (милитаристский) подход. Основа этого подхода – баланс сил, фактически не имеющий самостоятельного значения для человечества, а представляющий собой состояние временной передышки между войнами. Мир возможен лишь с позиции силы.

В зависимости от социального характера баланса сил, т. е. степени его соответствия интересам прогрессивных сил, различают два рода баланса сил.

Справедливый (демократический) мир. Он характеризуется отсутствием войны и благоприятными условиями развития демократии и свободы в обществе и в отношениях между странами, гуманистическим решением национальных и глобальных проблем. При этом баланс сил предполагает суверенные права народов, их равенство, независимость и добрососедские отношения между ними.

Несправедливый (грабительский) мир. Этот мир базируется на господстве одного государства над другим. Он характеризуется попранием суверенных прав народов, их национального достоинства. Цель – подчинение одних стран другим, подготовка к захватническим войнам. Господствует реакционная политика доминирующих государств, ориентированная на временную передышку, перегруппировку сил, на запугивание силой слабого государства [3, с. 55].

Социальное содержание баланса сил включает политический, экономический, научно-технический, культурный, духовный и другие компоненты. В зависимости от степени устойчивости можно выделить следующие виды баланса сил.

Неустойчивый баланс сил. Для него характерны: конфронтация между государствами и коалициями государств, «холодная война» в межгосударственных отношениях, свертывание дипломатических и экономических отношений между странами, отчуждение между ними, усиление гонки вооружений, активизация военных приготовлений, демонстрация силы, милитаризация общественной жизни.

Устойчивый баланс сил. Он характеризуется успешным развитием дипломатических, экономических, культурных, а также военных отношений. Между странами происходит укрепление мер доверия в различных областях человеческой деятельности [3, с. 56].

Проблема выживания человечества требует сегодня создания устойчивого, справедливого и ненасильственного баланса сил. Такой баланс сил реализуется как в региональном, так и в глобальном пространстве. Оба аспекта неразрывно связаны между собой.

Социально-пространственный аспект взаимосвязи глобального и регионального баланса сил состоит в том, что локальная война таит в себе возможность перерастания в мировую.

Социально-видовой аспект взаимосвязи глобального и регионального баланса сил заключается в том, что к мировой войне могут привести вооруженное противостояние любых государств, нарушения одного из балансов сил (устойчивого, неустойчивого).

Акцентируем, что глобальный баланс сил не представляет собой суммы разновидностей регионального баланса сил.

Как отмечал еще в 1625 году голландский мыслитель Гуго Гроций в своей книге «О праве войны и мира»: «Если бы все люди были справедливы, не нужно было бы военной храбрости» [4, с. 21]. Он также заметил: «Спор можно разрешить или убеждением, или силой. Употребление силы не должно считаться несправедливым, если оно не нарушает ничьих прав. Но надо к силе обращаться только в крайности» [4, с. 35].

Несмотря на стремление человечества к миру, война продолжает быть формой его бытия. Представители различных философских школ и направлений видят причины войн по-разному – в экономике, в политике, в психологии людей, в нехватке жизненного пространства, ресурсов, сырья.

В зависимости от того, какие способы и принципы, насильственные или ненасильственные, положены в основу международных отношений, в значительной степени определяются характер конфликтов, войн и их итог.

Как отмечает в монографии ученый С. С. Антюшин, «военная опасность государству и его гражданам, угрозы вооруженного насилия породили закономерное стремление их устранить, минимизировать, создать атмосферу защищенности интересов государства от внешней военной силы» [5, с. 67].

Подсистема военной сферы безопасности является элементом целого (национальной безопасности или национальной обороны). В рамках нашего исследования обратимся к понятию «система национальной обороны», которую

применительно к России известный военный эксперт А. И. Владимиров трактует как совокупность:

а) духовно-нравственного, интеллектуального и ресурсного потенциалов;

б) присущей государству системы политических, экономических, производственных, информационных, научных, образовательных, правовых, общественных и других национальных институтов и структур;

в) органов государственного управления и военной организации страны, само наличие, эффективность и взаимодействие которых гарантированно обеспечивает реализацию стратегии национальной безопасности и развития государства в области ее военно-политической безопасности и ее обороноспособность [6, с. 549]. Безусловно, вопрос национальной безопасности заключается в том, как создать систему национальной обороны, отвечающей требованиям:

– соответствие задачам, месту, геополитической роли и возможностям в современном мире;

– адекватная существующим и будущим вызовам национальная безопасность, посильная для страны, неопасная для демократических основ ее государственности;

– способность обеспечить защиту и благоприятные условия для реализации национальных стратегических целей и интересов страны, а также обеспечить защиту ее комфортного цивилизационного бытия.

Из этого следует, что национальная безопасность и оборона страны как системное образование и есть тот объект, на формирование которого должны быть направлены усилия государственного и военного управления в рамках военного строительства, это та сфера, которая должна формироваться всеми ресурсами нации.

В военно-политическом словаре под редакцией Д. О. Рогозина военная (оборонная) безопасность трактуется как «военная составляющая государственной безопасности, которая обеспечивается состоянием вооруженных сил и других институтов общества, поддерживающих оборонную мощь государства на необходимом (достаточном) уровне для установления благоприятных взаимоотношений с другими государствами и исключения конфронтации с использованием аргумента применения силы» [7, с. 42]. В действующей Военной доктрине Республики Беларусь военная безопасность определяется как «состояние защищенности национальных интересов Республики Беларусь от военных угроз» [8, ст. 4].

Отметим, что военная безопасность определяется готовностью и способностью государства надежно защищать свои интересы и суверенитет, противостоять военной агрессии и любым

другим формам внешнего давления и шантажа с позиции силы, а также пресекать попытки развязать гражданскую войну, межнациональные конфликты с применением насилия или террористическую деятельность [7, с. 42].

Поэтому особое место в жизни общества принадлежит военной сфере национальной безопасности. Данное понятие не имеет однозначной трактовки. Чаще употребляется категория «*военная сфера*», под которой понимается «исторически сложившаяся целостная подсистема общества, удовлетворяющая его объективную потребность в военной безопасности и осуществляющая в этих целях посредством различных форм военной организации интеграцию социальной активности людей (социальных групп) и норм института военной службы» [9, с. 254].

Военная сфера органично вплетена во все сферы общественной жизни: экономическую, социальную, политическую, духовную. Полагаем, что для эффективного управления военной сферой национальной безопасности следует более четко определить ее компоненты как системного образования, чтобы исключить «размытость» и неясность данной системы.

Обратим внимание на категорию «военная организация государства» – это системное образование, создаваемое государством для защиты личности, общества и государственного строя, обеспечения внешней и внутренней безопасности, прежде всего для отражения внешней агрессии, посягающей на суверенитет, территориальную целостность и социально-политическое устройство государства, для подавления внутренних противоправных выступлений, угрожающих общественным организациям и властным структурам, а также для поддержания общественного правопорядка [6, с. 548]. Из категории «военной организации государства», зафиксированной в Военной доктрине, мы видим, что военная организация государства включает систему управления (управляющую), боевую систему (реализующую) и систему обеспечения (обеспечивающую) [8, ст. 4]

Оригинальную позицию демонстрирует философ С. С. Антюшин, выделяя в военной безопасности три уровня. *Первый* уровень, лежащий в основе всей подсистемы обеспечения военной безопасности – общественный. Именно общество является источником ресурсов для элементов подсистемы обеспечения военной безопасности, расположенных в двух других уровнях. В обществе формируются интересы социальных групп, отдельных индивидов, в том числе и в области военной безопасности. *Второй* уровень – государственный, он охватывает элементы социальной системы, которые одновременно играют роль важных элементов

системы обеспечения военной безопасности. На этом уровне, в частности, происходит окончательное формулирование идей и целей социальной системы в области военной безопасности. *Третий* уровень – уровень военной организации государства. Этот уровень можно назвать собственно военным. На данном уровне в значительной степени выполняются организационно-технические функции, непосредственно решаются конкретные задачи по обеспечению военной безопасности, поэтому его можно определить как исполнительный [5, с. 82–87].

В наиболее общем виде структуру военной безопасности можно представить как *объект* военной безопасности (общество, личность, государство), *субъект* (подсистема военной безопасности) и *деятельность* по ее осуществлению – по ликвидации, нейтрализации или минимизации военных угроз.

Из представленных соображений можно заключить, что наиболее обоснованным выступает подход С. С. Антюшина, связывающий в систему три уровня: общественный, государственный и собственно военный. Кроме того, данный подход исходит из важнейшего интереса общества – его сохранения и развития, т. е. социальной стабильности государства.

Заключение. В целом же можно сделать вывод о том, что военная сфера национальной безопасности пронизывает всю социальную систему, следовательно, ее состояние, ее качество ее функционирования играют важную роль в развитии общества и надежности государства. На наш взгляд, она является системообразующим компонентом в системе национальной безопасности государства, поскольку ее функционирование обеспечивает военную безопасность всей социальной системы, позволяя удовлетворять другие потребности личности, общества и государства.

До тех пор пока неприменение военной силы в международных отношениях не станет нормой, именно военная сфера национальной безопасности выступает важнейшим условием социального благополучия государства. Как отмечает ученый Ю. Я. Кишин в «Манифесте Вечного мира»: «В связи с угрозой выживания человечества, с необходимостью сохранения биологического фонда, биосферы Манифест отдает приоритет военной безопасности человечества от земных и космических угроз; ликвидации войн, формированию вечного мира над другими несовершенностями человечества» [1, с. 5].

Идеология обеспечения военной безопасности белорусского государства заключена в Военной доктрине Республики Беларусь, которая конкретизирует и развивает систему основополагающих принципов и взглядов на проблему обеспечения безопасности государства в военной сфере.

Все документы в области военной политики, мероприятия военного строительства, регулирования деятельности военной организации государ-

ства разрабатываются республиканскими органами государственного управления, исходя из основных положений Военной доктрины.

Список литературы

1. Киршин Ю. Я. Манифест Вечного мира (ликвидация войн как образ жизни человечества). Клинцы: Изд-во ГУП «Клинцовская городская типография», 2017. 120 с.
2. Национальная безопасность Республики Беларусь / С. В. Зась [и др.]; под ред. М. В. Мясникова, Л. С. Мальцева. Минск: Беларуская навука, 2011. 557 с.
3. Военная сила в международных отношениях: учеб. пособие / под общ. ред. В. И. Анненкова. М.: КНОРУС, 2011. 496 с.
4. Гроций Г. О праве войны и мира. СПб.: Типография П. П. Сойкина, 1902. 50 с.
5. Антюшин С. С. Военная безопасность как фактор стабильности российского общества (социально-философская концепция): монография. М.: Военный университет, 2004. 140 с.
6. Владимиров А. И. Основы общей теории войны: монография: в 2 ч. Часть II: Теория национальной стратегии: основы теории, практики и искусства управления государством. М.: Московский финансово-промышленный университет «Синергия», 2013. 976 с.
7. Война и мир в терминах и определениях. Военно-политический словарь / под общ. ред. Д. О. Рогозина. М.: Вече, 2011. 640 с.
8. Военная доктрина Республики Беларусь: утв. Законом Респ. Беларусь от 20.07.2016 № 412-3 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://www.pravo.by> (дата обращения: 11.06.2021).
9. Философия: учебник для военных вузов / под ред. О. Ю. Ефремова. СПб.: Питер, 2015. 464 с.

References

1. Kirshin Yu. Ya. *Manifest Vechnogo mira (likvidatsiya voyn kak obraz zhizni chelovechestva)* [The Eternal Peace Manifesto (liquidation of wars as a way of life of mankind)]. Klincy, Izd-vo GUP "Klincovskaya gorodskaya tipografiya" Publ., 2017. 120 p.
2. Zas' S. V. et al. *Natsionalnaya bezopasnost' Respubliki Belarus* [National security of the Republic of Belarus]; ed by. M. V. Myasnikovich, L. S. Mal'tsev. Minsk, Belaruskaya Navuka Publ., 2011. 557 p.
3. *Voennaya sila v mezhdunarodnykh otnosheniyakh: uchebnoe posobie* [Military force in international relations: textbook]; ed by. V. I. Annenkov. Moscow, KNORUS Publ., 2011. 496 p.
4. Grociy G. *O prave voyny i mira* [On the law of war and peace]. St. Petersburg, Tipografiya P. P. Soykina Publ., 1902. 50 p.
5. Antyushin S. S. *Voennaya bezopasnost' kak faktor stabil'nosti rossiyskogo obshestva (sotsialno-filosofskaya kontseptsiya): monografiya* [Military security as a factor in the stability of russian society (Socio-philosophical concept): monograph]. Moscow, Voenny universitet Publ., 2004. 140 p.
6. Vladimirov A. I. *Osnovy obshey teorii voyny: monografiya: v 2 ch. Chast' II: Teoriya natsionalnoy strategii: osnovy teorii, praktiki i iskusstva upravleniya gosudarstvom* [Fundamentals of general theory of war: monograph: in 2 parts. Part II: National strategy theory: fundamentals of theory, practice and art of state management]. Moscow, Moskovskiy finansovo-promyshlenny universitet "Sinergiya" Publ., 2013. 976 p.
7. *Voyna i mir v terminakh i opredeleniyakh. Voенно-politicheskiy slovar'* [War and peace in terms and definitions. Military and political dictionary]; ed by. D. O. Rogozin. Moscow, Vechе Publ. 2011. 640 p.
8. *Voennaya doktrina Respubliki Belarus: Utv. Zakonom Resp. Belarus 20.07.2016 no. 412-Z* [Military doctrine of the Republic of Belarus: by the law of Rep. of Belarus 20.07.2016 no. 412-Z]. URL: <https://www.pravo.by> (accessed 11.06.2021).
9. *Filosofiya: uchebnik dlya voennykh vuzov* [Philosophy: textbook for military universities]; ed by. O. Yu. Efremov. St. Petersburg, Piter Publ., 2015. 464 p.

Информация об авторе

Ксенофонтов Владислав Анатольевич – кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры идеологической работы и социальных наук. Военная академия Республики Беларусь (220057, г. Минск, пр. Независимости, 220, Республика Беларусь). E-mail: nksena777@gmail.com

Information about the author

Ksenofontov Vladislav Anatolyevich – PhD (Philosophy), Associate Professor, Professor of the Department of Ideological Work and Social Sciences. Military Academy of the Republic of Belarus (220, Nezavisimosti Ave., 220057, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: nksena777@gmail.com

Поступила 31.08.2021

УДК 101.8:316.3

М. Ю. Узгорок

Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь

**ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ
И ПАТРИОТИЗМА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ**

В статье рассматриваются основные факторы формирования гражданственности и патриотизма. Отмечается, что формирование патриотической потребности и ее удовлетворение связано с высшим уровнем развития личности, особенно в социально-духовном и нравственном плане. В этой связи особого внимания требуют факторы формирования гражданственности и патриотизма для молодежи как наиболее прогрессивной и перспективной части современного белорусского общества.

Автором проанализированы такие факторы, как родительская семья, взаимосвязи гражданина и государства, личности и общества, трудовая деятельность. Указывается, что здоровые и теплые отношения в семье закладывают здоровые и теплые отношения в обществе. Именно в семье формируется чувство собственного достоинства, являющееся первоосновой внутренней свободы человека, духовного характера и «здоровой гражданственности».

Отношение к труду рассматривается как показатель патриотичности человека, так как патриотизм в мирное время измеряется в том числе и степенью готовности состояться профессионально, чтобы, удовлетворяя свои материальные и духовные потребности, человек осознавал значимость своего труда для процветания и укрепления общества.

В заключении подчеркивается, что в условиях глобальной трансформации техногенного общества молодому белорусскому государству необходимо сохранять исторически оправдавшие себя ценности и традиции в межличностных отношениях, семейной жизни, трудовой этике, взаимосвязи гражданина и государства, личности и общества.

Ключевые слова: патриотизм, гражданственность, патриотическое воспитание, патриотическая деятельность, патриотические потребности.

Для цитирования: Узгорок М. Ю. Основные факторы формирования гражданственности и патриотизма в современных условиях // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2021. № 2 (251). С. 90–93.

M. Yu. Uzgorok

Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus

**THE MAIN FACTORS IN THE FORMATION OF CITIZENSHIP
AND PATRIOTISM IN MODERN CONDITIONS**

The article examines the main factors in the formation of citizenship and patriotism. It is noted that the formation of a patriotic need and its satisfaction is associated with the highest level of personality development, especially in the socio-spiritual and moral terms. In this regard, special attention is required to the factors of formation of citizenship and patriotism for young people as the most progressive and promising part of the modern Belarusian society.

The author analyzes such factors as the parental family, the relationship between the citizen and the state, the individual and society, labor activity. It is pointed out that healthy and warm relationships in the family create healthy and warm relationships in society. It is in the family that self-esteem is formed, which is the fundamental principle of a person's inner freedom, spiritual character and "healthy citizenship".

Attitude to work is considered as an indicator of a person's patriotism, since patriotism in peacetime is measured, including by the degree of readiness to take place professionally, so that, satisfying his material and spiritual needs, a person realizes the importance of his work for the prosperity and strengthening of society.

In the conclusion, it is emphasized that in the context of the global transformation of the technogenic society, the young Belarusian state needs to preserve the historically justified values and traditions in interpersonal relations, family life, work ethics, the relationship between the citizen and the state, the individual and society.

Key words: patriotism, citizenship, patriotic education, patriotic activity, patriotic needs.

For citation: Uzgorok M. Yu. The main factors in the formation of citizenship and patriotism in modern conditions. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2021, no. 2 (251), pp. 90–93 (In Russian).

Введение. В духовной жизни современного белорусского общества проблемы патриотического воспитания наполнились качественно новым содержанием.

Перемены, происходящие в Беларуси в течение последних двух десятилетий, привели к тому, что понятие Родины стало терять свое прежнее содержание. Сознание многих людей было не готово адекватно воспринимать стремительные изменения практически во всех сферах жизнедеятельности общества. Духовные принципы, на которых выросло большинство белорусов, не способствовали адаптации к новым условиям. Образовалась ситуация, когда требуются огромные усилия по утверждению адекватного понимания феномена Родины, а значит, и наполнения понятия «патриотизм» содержанием, соответствующем времени. По существу, можно говорить о вызове новой реальности, которая требует переосмысления основных факторов патриотического воспитания и поиска новых подходов к формированию достойной личности, осознающей свою неразрывность с Отечеством.

Основная часть. Современные реалии открывают новые стороны феномена патриотизма и доказывают, что он сводится не только к готовности человека защищать свою родину, к гордости за достигнутые страной результаты, приверженности национальным традициям, особенностям менталитета, религии. Истинный патриотизм заключается в любви и уважении к родине независимо от ее социально-экономического и культурного развития, а также связан с глубоким убеждением человека в том, что его страну ждет достойное будущее, где будут реализованы духовные и материальные ценности национальной и мировой культуры [1].

Формирование патриотической потребности и ее удовлетворение связано с высшим уровнем развития личности, особенно в социально-духовном и нравственном плане. В этой связи стоит обратить внимание на факторы формирования гражданской ответственности и патриотизма для молодежи как наиболее прогрессивной и перспективной части современного белорусского общества. По мнению Е. М. Бабосова, именно молодежь представляет собой «основной и перспективный социальный ресурс» [2, с. 143], которому предстоит совершить крупномасштабные и судьбоносные социальные преобразования.

Первым и важнейшим фактором формирования гражданской ответственности и патриотизма является *родительская семья*. В свое время Фрэнсис Бэкон подчеркивал, что любовь к родине начинается с семьи. Значительную роль в воспитании патриотических чувств отводил семье в своих исследованиях и российский философ И. А. Ильин: «...семья есть первичное лоно

человеческой духовности; а потому и всей духовной культуры; и прежде всего – родины» [3, с. 213]. Именно в семье у человека закладывается фундамент патриотизма, зарождается чувство любви к Родине. В первую очередь от родителей дети узнают о добре и зле, о долге и справедливости, ответственности и чести, смелости и мужестве. Родители являются первым нравственным идеалом, которому подражают дети, поэтому от их взглядов, гражданской позиции, ценностной ориентации зависит восприятие детьми окружающего мира. Ильин подчеркивал, что человек носит в себе всю жизнь два «священных первообраза» [3, с. 214], которые питают его душу и укрепляют его дух: «первообраз чистой матери, несущей любовь, милость и защиту; и первообраз благого отца, дарующего питание, справедливость и разумение» [3, с. 214]. «Горе человеку, – утверждает Ильин, – у которого в душе нет места для этих живительных и ведущих прообразов, этих живых символов и в то же время творческих источников духовной любви и духовной веры!» [3, с. 214]. Судьба человечества стала бы суровой и мрачной, «если бы однажды в душах людей до конца иссякли эти священные источники» [3, с. 214]. Тогда «культура погибла бы в океане нового варварства» [3, с. 214].

Семейный уклад, нравственные устои, семейные традиции передаются молодым людям без опосредований, оказывая решающее воздействие на их последующий выбор жизненного пути. Здоровые и теплые отношения в семье закладывают здоровые и теплые отношения в обществе, потому как из «духовного и религиозно-осмысленного притяжения своих родителей и предков» [3, с. 215] в человеке формируется чувство собственного достоинства, являющееся первоосновой внутренней свободы человека, духовного характера и «здоровой гражданственности» [3, с. 215]. Напротив, «презрение к прошлому, к своим предкам и, следовательно, к истории своего народа порождает в человеке безродную, безотечественную, рабскую психологию. А это означает, что семья есть первооснова родины» [3, с. 215].

Изучение влияния семьи на формирование потребности в патриотической деятельности молодежи необходимо проводить с учетом тех социокультурных изменений, которые происходят в ее структуре в настоящее время. В постиндустриальном обществе семья уже не может обеспечить ребенку полноценную социализацию не только потому, что многие семьи подвержены «аномии» (аномия – это дезинтеграция нравственных принципов, смешение ценностных ориентаций, наступление ценностного вакуума, предложено Э. Дюркгеймом и развито Р. Мертоном), но

и потому, что нередко даже культурные и нравственно здоровые родители теряют четкие ориентиры относительно ценностей и норм, к которым следует стремиться [4]. Существующий разрыв поколений, различие в системе ценностей детей и родителей не позволяют семье в таких условиях выступать полноценным транслятором патриотических ценностей. К тому же в современной семье основной акцент делается на решение экономических и социальных проблем, на адаптацию к новым условиям жизни.

Второй существенный фактор – *направленность связи между личностью и всем тем, что в конечном счете формируется в емком представлении о Родине.*

Третий фактор – *уровень и качество формирования связи «личность – государство».* Его следует рассматривать в двух срезах:

а) ощущение себя гражданином Беларуси;

б) личное признание суверенной Беларуси, ее состоявшейся государственности.

Значимым фактором является *фактор доверия.* Вступающие в самостоятельную жизнь молодые люди озабочены многими вопросами: завершение образования и получение профессии, успешная карьера, обеспечение приемлемого уровня жизни, обзаведение семьей, личная безопасность. В этом молодежь вправе рассчитывать на государство. Ибо государство и является гарантом прав, свобод, личного благополучия. Желая решать проблемы будущего, именно *государство должно вызывать доверие у молодежи* своим прямым участием в решении жизненных проблем, а если шире – нашего и своего будущего. И воссоздание гражданско-патриотического воспитания как особого рода согласованной деятельности общества и государства корректирует стихийные процессы в сознании молодежи, помогает ей определиться в сложной системе координат и в то же время обеспечивает обратную связь с обществом и государством.

Одним из важнейших факторов патриотического воспитания являются *трудовые традиции.* Каждый человек, каждое общество живет и трудится в конкретном времени и пространстве, стремится прожить этот пространственно-временной период как можно лучше, как можно полнее удовлетворив свои материальные и духовные потребности. Достигает человек своих целей благодаря трудовой деятельности.

С развитием общества и самого человека все больше развиваются их потребности – действует закон возвышения потребностей, а это означает, что удельный вес труда должен занимать все большее место в деятельности людей, тем самым охватывая различные сферы жизнедеятельности посредством общественного разделения труда и обмена его результатами. И общественное

признание, и материальное благосостояние должны определяться прежде всего тем, как человек работает. Здесь имеет место не одна лишь экономическая сторона. Не менее значимой является идейно-нравственная. Ведь в труде человек не только создает материальные ценности, но и проявляет свои лучшие способности, закаляет волю, развивает творческие силы, утверждает себя как гражданин. Однако необходимо признать, что далеко не каждый человек стремится отдавать свой труд в полной мере. Отношение к труду – явление отнюдь не простое, и оно не существует вне человека и общества. И здесь объективно требуется как постоянное включение самого человека в процесс труда, так и воздействие общества на процесс формирования отношения человека к труду. Дело в том, что отношение к труду – это показатель патриотичности человека, ведь патриотизм в мирное время измеряется в том числе и степенью готовности состояться профессионально, чтобы, удовлетворяя свои материальные и духовные потребности, человек осознавал значимость своего труда для процветания и укрепления общества [1]. Созидательная природа труда, его содержательность, направленность на увеличение общественного благосостояния и развития личности пробуждают в человеке стремление проявить свои способности и навыки, реализовать творческий потенциал не только исходя из личных интересов, но и в интересах общества.

Показательно появление в 20-е гг. минувшего века субботников, ставших ярким свидетельством созревания новых социальных отношений в сфере общественного труда. Смысл проведения субботников заключался в том, что добровольный труд укреплял экономический потенциал страны, а следовательно, отвечал потребностям общества. Кроме того, праздничное оформление субботников лишало труд обыденности, создавало соответствующую нравственно-психологическую атмосферу, находясь в которой, каждый человек по-особому воспринимал и осознавал значимость совершенного им дела.

В конце 20-х гг. XX в. в стране развернулось социалистическое соревнование. Определяющими были нравственные мотивы, связанные с увеличением производительности труда (методом стимулирования), поиском новых путей повышения качества работы. Приоритетными при этом являлись общественные интересы.

С тех пор традиционными элементами трудовых праздников и обрядов стали торжественные митинги, церемонии поднятия флага, перерезание красной ленты у входа на новое предприятие, вручение символических ключей, чествование ветеранов труда, новаторов производства, трудовых династий, проводы на заслуженный отдых.

Профессиональные праздники, установленные в честь наиболее массовых и общественно значимых трудовых профессий в стране, стали неотъемлемым элементом нашей духовной жизни. Такие новые ценности, как профессиональная честь, профессиональная гордость и профессиональная совесть, являются регуляторами нравственного поведения человека, возвышают его как личность.

Взаимодействие трудовых традиций и новаций побуждает человека к социальной активности, способствует воспитанию убежденности в общественной значимости труда, формирует чувство гордости за государство, народ, за его героические свершения, уважение к прошлому.

Заключение. Формирование патриотической потребности и ее удовлетворение связано с высшим уровнем развития личности, особенно в социально-духовном и нравственном плане. В этой связи стоит обратить внимание на факторы формирования гражданственности и патриотизма для молодежи как наиболее прогрессивной и перспективной части современного белорусского общества.

В условиях глобальной трансформации технологического общества белорусскому государству необходимо сохранять исторически оправдавшие себя ценности и традиции в межличностных отношениях, семейной жизни, трудовой этике, взаимосвязи гражданина и государства, личности и общества.

Список литературы

1. Узгорок М. Ю. Патриотизм в контексте взаимодействия национальных культурных традиций и социальных новаций // *Вестник Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 1. Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія*. 2011. № 3. С. 112–121.
2. Бабосов Е. М. Человек на пороге рынка: социальные ожидания населения. Минск: Наука і тэхніка, 1992. 174 с.
3. Ильин И. А. *Путь к очевидности* / сост. П. В. Алексеев, В. И. Кураев; послесл. В. И. Кураева; примеч. Р. К. Медведевой. М.: Республика, 1993. 431 с.
4. Дюркгейм Э. Ценностные и «реальные» суждения // *Социс*. 1991. № 2. С. 106–114.

References

1. Uzgorok M. Yu. Patriotism in the context of the interaction of national cultural traditions and social innovations. *Viesnik Grodzenskaga dzyarzhaunaga universiteta imya Yanki Kupaly. Seryya 1. Historya i archiealohiya. Filasofiya. Palitalohiya* [Bulletin of the Grodno State University named after I. Kupala. Series 1. History and archeology. Philosophy. Political science], 2011, no. 3, pp. 112–121 (In Russian).
2. Babosov E. M. *Chelovek na poroge rynka: sotsial'nyye ozhidaniya naseleniya* [A man on the doorstep of the market: social population expectations]. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1992. 174 p.
3. Ilyin I. A. *Put' k ochevidnosti* [The path to evidence]. Moscow, Respublika Publ., 1993. 431 p.
4. Durkheim E. Value and “real” judgments. *Sotsis* [Socis], 1991, no. 2, pp. 106–114 (In Russian).

Информация об авторе

Узгорок Марина Юрьевна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и идеологической работы. Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь (220005, г. Минск, ул. Машерова, 6, Республика Беларусь). E-mail: Uzgorok@rambler.ru

Information about the author

Uzgorok Marina Yur'yevna – PhD (Philosophy), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of Philosophy and Ideological Work, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic Belarus (6, Masherova str., 220005, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: Uzgorok@rambler.ru

Поступила 06.09.2021

УДК 101.1:316.7

Е. В. Радевич

Белорусский государственный университет

**КОНЦЕПТ «КУЛЬТУРНО-ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО»
И ОПЫТ ГЛОБАЛЬНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ
В СОЦИОГУМАНИТАРНОМ ПОЗНАНИИ**

В статье обосновывается концепт «культурно-информационное пространство» как один из ключевых компонентов при построении интегральных моделей будущего социокультурного развития в условиях глобализации. Осуществляется ретроспективный анализ существующих моделей глобального развития, как зарубежных, так и отечественных авторов, которые учитывали влияние таких факторов, как ресурсно-сырьевой, демографический, геополитический и др. Среди таких моделей рассматриваются модели глобального развития World-2 и World-3 Дж. Форрестера и Д. Медоуза, математическая модель, созданная группой советских ученых под руководством академиков Д. М. Гвишиани и Н. Н. Моисеева, геополитические сценарии развития американских исследователей З. Бжезинского и Дж. Фридмана. При этом в ряде таких исследований недостаточное внимание уделялось технико-технологическому фактору, который на современном этапе социокультурного развития является ключевым, в особенности это касается информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Все глобальные трансформации, которые происходят сегодня в культуре, становятся возможными именно благодаря появлению и развитию ИКТ и их синергетическому единству с культурой. Посредством такого кооперативного взаимодействия проявляется действие глобализации сегодня, что дает основание при построении будущих моделей социокультурного развития не просто принимать во внимание данных фактор, а рассматривать его как ключевой.

Ключевые слова: культурно-информационное пространство, информационно-коммуникационные технологии, глобальное моделирование.

Для цитирования: Радевич Е. В. Концепт «культурно-информационное пространство» и опыт глобального моделирования в социогуманитарном познании // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2021. № 2 (251). С. 94–98.

E. V. Radevich

Belarusian State University

**CONCEPT “CULTURAL AND INFORMATION SPACE” AND EXPERIENCE
OF GLOBAL MODELING IN SOCIO-HUMANITARIAN KNOWLEDGE**

The article substantiates the concept of “cultural and information space” as one of the key components in the construction of integral models of future socio-cultural development in the context of globalization. A retrospective analysis of the existing models of global development, both foreign and domestic authors, is carried out, which took into account the influence of such factors as resource and raw materials, demographic, geopolitical, etc. Among such models, the models of global development World-2 and World-3 by J. Forrester and D. Meadows, a mathematical model created by a group of Soviet scientists led by Academicians D. M. Gvishiani and N. N. Moiseev, geopolitical scenarios for the development of American researchers Z. Brzezinski and G. Friedman. At the same time, in a number of such studies, insufficient attention was paid to the technical and technological factor, which at the present stage of socio-cultural development is key, in particular, it concerns information and communication technologies (ICT). All global transformations that are taking place in culture today become possible precisely thanks to the emergence and development of ICT and their synergistic unity with culture. Through such cooperative interaction, the effect of globalization is manifested today, which gives rise to the construction of future models of socio-cultural development not only to take into account these factors, but to consider it as a key one.

Key words: cultural and informational space, information and communication technology, global modeling.

For citation: Radevich E. V. Concept “cultural and information space” and experience of global modeling in socio-humanitarian knowledge. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2021, no. 2 (251), pp. 94–98 (In Russian).

Введение. Последние десятилетия XX столетия продемонстрировали бурное развитие ИКТ, которые нивелировали все пространственно-временные границы. Это существенным образом изменило коммуникативное пространство современности, трансформировало социальные взаимодействия во всех сферах человеческой деятельности. «В результате развития ИКТ происходит формирование нового *культурно-информационного пространства*, которое обуславливает приоритеты социодинамики и появление новых ценностных ориентаций современного общества» [1]. В связи с этим *целью* данного исследования является выявление определяющей роли ИКТ в их синергетическом единстве с культурой при построении моделей глобального развития общества. Для реализации данной цели необходимо решение следующих *задач*: 1) эксплицировать понятие «культурно-информационное пространство»; 2) выделить основные модели глобального развития социума; 3) определить место концепта «культурно-информационное пространство» в глобальном моделировании будущего социокультурного развития. Для реализации поставленных задач в работе используются *методы* компаративного анализа, позволяющего осуществить сравнение различных моделей глобального развития общества, а также метод системного анализа, который дает возможность проследить основные тенденции социодинамики современного общества и выявить такой важнейший фактор при построении глобальных моделей развития, как экспоненциальное развитие высоких технологий и их кооперативное взаимодействие с культурой.

Основная часть. Формирование глобального культурно-информационного пространства в значительной степени оказало влияние на все социальные процессы, на формирование общественного и индивидуального сознания. *Современные информационные технологии формируют особую среду, которая включает в себя технико-технологические, информационно-компьютерные, программные составляющие, медиа-ресурсы и в единстве с культурой, как духовной сферой, образует культурно-информационное пространство* современного общества. Учитывая это обстоятельство, в рамках данного исследования утверждается идея о том, что *современный «виток» глобализации культуры проявляется именно через ИКТ*. Сегодня все глобальные трансформации происходят через высокие технологии, что, в свою очередь, влияет на соответствующие изменения *культурно-информационного пространства* социума. Глобализация на данном этапе социокультурного развития проявляет себя уже не столько в сфере экономики или политико-институциональном аспекте, а оказывается

возможной именно благодаря *кооперативному взаимодействию культуры и ИКТ*, посредством которого осуществляется глобальный синтез культурно-информационного пространства современного общества.

Концепт «культурно-информационное пространство», используемый в работе, открывает перспективы синтетического моделирования социокультурной реальности. В условиях глобальной нестабильности и рискогенности современного общества вопрос о возможных сценариях развития мировой цивилизации становится весьма актуальным. Синергетическое взаимодействие культуры и ИКТ в условиях глобализации свидетельствует о том, что сегодня данная парадигма, осуществляя экспансию в социогуманитарное знание, способствует увеличению трансдисциплинарных связей в науке. Это открывает возможности для синтетического моделирования будущего человечества с учетом различных, зачастую непредсказуемых факторов, влияющих на дальнейшую динамику культуры. Составление таких прогнозов затрудняется нестабильностью современного общества и постоянно меняющейся геополитической ситуацией.

Тем не менее в социогуманитарном знании осуществляются попытки глобального моделирования будущего, начиная с конца 60-х годов XX века с возникновением Римского клуба. Среди них можно выделить такие известные и нашумевшие работы, как «Мировая динамика» Дж. Форрестера и «Пределы роста» Д. Медоуза. Модель мира (World-2 и World-3), которая строилась на основе нелинейных дифференциальных уравнений, предполагала анализ основных тенденций «глобального беспокойства»: «ускорение индустриализации, быстрый рост населения, широко распространенное недоедание, истощение невозобновляемых ресурсов и ухудшение состояния окружающей среды» [2, с. 21]. В рамках данной модели исследовались несколько основных факторов социальной динамики, которые были связаны между собой дифференциальными уравнениями. К этим факторам относились: промышленный капитал, сельскохозяйственный капитал, капитал сферы услуг, невозобновляемые ресурсы, численность населения, загрязнение окружающей среды, пахотные земли, промышленно-городская земля и потенциально возделываемая земля [2, с. 102–103]. Д. Медоуз и группа исследователей, работавших с ним, построили двенадцать возможных сценариев будущего развития мирового сообщества в XXI веке, среди которых только два считались благоприятными и предполагали либо активное уменьшение рождаемости, контроль загрязнений и уменьшение инвестиций в развитие промышленной сферы, либо более мягкое проведение тех же самых

действий. Данная работа вызвала серьезную критику в связи с тем, что мир рассматривалась как однородное целое и не учитывалась региональная специфика.

Модель World-3 после нападок критиков была переработана ее авторами, и в 1993 году вышла работа «За пределами роста», а в 2004 году вышла новая книга, которая называлась «Пределы роста: 30 лет спустя». В обновленной концепции группа исследователей во главе с Донеллой и Деннисом Медоуз подводят итоги мирового развития и делают вывод, что человечество уже вышло за пределы потребления и самоподдержания экосистемы планеты. Это позволяет авторам прийти к заключению, что необходима коррекция стратегий развития, в противном случае «...крах в той или иной степени будет неизбежен. И наступит он еще при жизни сегодняшнего поколения» [3, с. 32]. Дальнейшие действия человечества по поддержанию своего существования должны основываться на двух основных стратегических ориентирах – контроль материального потребления и размера семьи (т. е. контроль рождаемости). Моделируя уже девять сценариев развития мировой цивилизации, Д. Медоуз делает вывод, согласно которому самым благоприятным будет последний (сценарий 9), при котором «мир стремится к стабильной численности населения, устойчивому объему производства на душу населения, а также применяет технологии ради уменьшения загрязнения среды, эффективного использования ресурсов и увеличения урожайности в сельском хозяйстве» [3, с. 268].

Несмотря на то, что концепция «пределов роста» вызвала огромный резонанс в обществе, она оказала сильное влияние на дальнейшее развитие идей глобального моделирования, разрабатываемых с начала 1970-х годов. В первую очередь стало очевидно, что использование математического моделирования таких макросистем не всегда дает положительные практические результаты. В связи с этим возникла необходимость совершенствовать инструментарий.

Не стало исключением и российское научное сообщество – с конца 1970-х годов начала активно вестись работа по глобальному моделированию, в частности, Институтом системного анализа и Вычислительным центром Российской академии наук под руководством академиков Д. М. Гвишиани и Н. Н. Моисеева. В конце 1980-х годов была выпущена коллективная работа по развитию мировой системы, в которой учитывались следующие факторы: «демография, продовольствие, энергоресурсы, природная среда и климат (были предсказаны всемирное потепление, мировая торговля, магистральные направления научно-технического прогресса,

прежде всего *информационные технологии*), социальные процессы» [4, с. 55]. Была создана человеко-машинная система моделирования междисциплинарным коллективом ученых, в рамках которой строился прогноз на мировое развитие с 1980 по 2000 годы. Анализируя актуальную ситуацию социальной динамики, один из исследователей, участвовавший в данном проекте, выделяет несколько основных факторов мирового развития, к которым относятся: стабилизация численности населения, долговременные колебания около тренда экономического развития, периодическое замещение технологий и ресурсов, потепление мирового климата, возможная ядерная зима, поддержание стратегической стабильности и, наконец, процессы глобализации [4, с. 51–53]. В своих теоретических построениях С. В. Дубовский отталкивается от циклов Н. Д. Кондратьева и модели Форрестера – Медоуза, причем будущий сценарий мирового развития рассматривается в трех возможных вариантах.

1. Соответственно циклическому развитию по Н. Д. Кондратьеву, когда последовательно меняющиеся фазы подъема и спада экономического благосостояния в интервале 50 лет образуют волновой процесс социодинамики. Каждая волна характеризуется изменением технического развития, условий хозяйственной жизни, социальными трансформациями, распределением денежных масс и другими экономическими показателями.

2. Сценарий Форрестера – Медоуза, согласно которому не удается сдержать рост потребления, ресурсы истощаются и, как следствие, дорожают – кризис нарастает.

3. Вариант комбинированного сценария циклов Н. Д. Кондратьева и кризисного состояния по Д. Медоузу. В результате не наблюдается ярко выраженная фаза подъема с характерным для нее увеличением стоимости природных ресурсов, и также не наблюдается сильный кризис мировой экономической системы. Происходит снижение темпов экономического развития и потребления природных ресурсов, в результате чего цены на них снижаются. В итоге достигается временное стабильное состояние мировой экономической системы [4, с. 59]. Несмотря на обоснованную критику многих глобальных моделей, данная методология оказывается востребована и сегодня.

При построении как западных, так и советско-российских глобальных моделей, описанных выше, акцент делается прежде всего на экономическом факторе и невозобновляемых ресурсах. В более современных моделях акценты делаются на то, что наиболее существенные трансформации происходят в сфере геополитики. Чтобы быть последовательными, в первую очередь стоит упомянуть геополитическую концепцию

З. Бжезинского [5]. В рамках данной концепции была предпринята попытка глобального моделирования с явным акцентированием американского лидерства и превосходства в ходе противостояния СССР и США.

Последние десятилетия наглядно продемонстрировали невозможность построения единого, гомогенного мирового пространства. Биполярная структура мира также не оправдала своего существования, и перед учеными встала задача построения новых моделей глобального мироустройства.

Примером такого глобального геополитического моделирования является работа американского исследователя Дж. Фридмана «Следующие 100 лет: прогноз событий XXI века». Автор высказывает неоднозначную позицию относительно будущего развития мира и строит прогноз на ближайшие сто лет, в котором неоспоримое лидерство остается за США. В начале XXI века сохранится противостояние Америки и России, однако уже к 1930-м годам исследователь предсказывает ее крах: «в конечном счете, Россия не сможет победить. Ее глубокие внутренние проблемы, стремительно сокращающееся население и плохая инфраструктура в итоге делают надежды России на долговременное существование призрачными. И вторая холодная война, не такая страшная и гораздо менее глобальная, чем первая, закончится схожим образом – падением России» [6, с. 16]. В середине нынешнего столетия о себе заявят те страны, которые на сегодняшний день не рассматриваются как мировые лидеры, но тем не менее, по мнению Дж. Фридмана, обладают достаточным потенциалом, чтобы прийти на место России как основного противника США. К ним относятся Япония, Польша и Турция. Будущая конфронтация между этими странами будет определять геополитическую карту мира. Кроме того, на авансцену выйдет Мексика в стремлении вернуть свои территории, которые были утрачены в ходе крупномасштабной войны с США в XIX веке.

Выводы исследователя относительно Европы также не утешительны: «Если бы я мог высказать только одну мысль о XXI в., я бы сказал, что европейская эра закончилась, а североамериканская – началась и США будут доминировать на мировой арене следующие 100 лет» [6, с. 26]. Итоговый вывод Дж. Фридмана однозначен и беспрецедентен – США были и остаются мировыми лидерами ближайшее столетие.

Рассмотренные модели World (Форрестера – Медоуза), математические модели, разрабатываемые советскими и российскими учеными, а также репрезентированные геополитические сценарии мирового развития могут быть рассмотрены как необходимые составляющие глобального социального прогнозирования, но тем

не менее не достаточные. В рамках последних наличие технологической составляющей выделяется как один из возможных факторов, но не самый важный. Однако экспоненциальное развитие высоких технологий, а также их конвергентный характер наглядно демонстрируют невозможности игнорирования определяющего влияния данных технологий на современную социодинамику. Под их действием происходит изменение культуры, а значит, и трансформация человеческого сознания и мировоззрения. Оценка дальнейшего развития мировой системы невозможна без учета данного обстоятельства. Кроме того, уровень развития техники напрямую определяет уровень развития самого социума. Это дает основания рассматривать концепт «культурно-информационное пространство» как весьма перспективный для построения синтетических моделей глобальных сценариев развития человечества. Кроме того, развитие в последние десятилетия системно-синергетической парадигмы и активная экспансия данной методологии в социогуманитарное знание позволяет говорить о ее применимости в сфере глобальных процессов современности.

Заключение. В результате проведенного исследования были сделаны следующие выводы.

1. Под культурно-информационным пространством понимается совокупность технико-технологических составляющих на основе высоких, компьютерных технологий, информационных и медиаресурсы, а также культура, которая представляет собой систему ценностей.

2. Были выделены следующие варианты глобального моделирования, которые разрабатывались в социогуманитарном познании: модели глобального развития World-2 и World-3 Дж. Форрестера и Д. Медоуза, в которых главными факторами считаются экологический и ресурсно-сырьевой; математическая модель советских ученых, созданная под руководством академиков Д. М. Гвишиани и Н. Н. Моисеева, в которых акцент делается прежде всего на экономическом факторе и невозобновляемых ресурсах; геополитические модели З. Бжезинского и Дж. Фридмана.

3. Концепт «культурно-информационное пространство» открывает перспективы синтетического моделирования, в рамках которого помимо экологической, демографической, геополитической, ресурсно-сырьевой и других составляющих на первый план выходит такой важный фактор, как появление и развитие информационно-компьютерных технологий, способных повлиять на будущие векторы многих мировых процессов. *Образую синергетическое единство и демонстрируя кооперативный эффект взаимодействия ИКТ и культуры*, концепт «культурно-информационное пространство» дает ключ к пониманию многих современных процессов, происходящих в обществе.

Список литературы

1. Фролова Е. В. (Радевич Е. В.) Информационно-коммуникационный аспект социодинамики в эпоху глобализации // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. 2008. № 1. С. 36–41.
2. The limits to growth [Electronic resource]: a rep. for the Club of Rome's project on the predicament of mankind / D. H. Meadows [et al.]. New York: Universe Books, 1972. URL: http://collections.dartmouth.edu/published-derivatives/meadows/pdf/meadows_ltg-001.pdf. (accessed: 14.04.2018).
3. Медоуз Д. Х., Рандерс Й., Медоуз Д. Пределы роста. 30 лет спустя: учеб. пособие: пер. с англ. М.: Академкнига, 2007. 342 с.
4. Дубовский С. В. Глобальное моделирование: вопросы теории и практики // Век глобализации. 2010. № 2. С. 47–67.
5. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Междунар. отношения, 1999. 254 с.
6. Фридман Дж. Следующие 100 лет: прогноз событий XXI века. М.: Коммерсантъ: Эксмо, 2010. 334 с.

References

1. Frolova E. V. (Radevich E. V.) Information and communication aspect of sociodynamics in the era of globalization. *Vesnik Belaruskaga dzyarzhavnaga universiteta* [Bulletin of the Belarusian State University], 2008, issue 3, no. 1, pp. 36–41 (In Russian).
2. Meadows D. H. et al. The limits to growth: a rep. for the Club of Rome's project on the predicament of mankind. New York, Universe Books, 1972. Available at: http://collections.dartmouth.edu/published-derivatives/meadows/pdf/meadows_ltg-001.pdf (accessed 14.04.2018).
3. Meadows D. H., Randers J., Meadows D. *Limits to growth. 30 years later*. Vermont, USA, Chelsea Green, 2004. 338 p. (Russ. ed.: Medouz D. Kh., Randers Y., Medouz D. *Predely rosta. 30 let spustya: ucheb. posobie*. Moscow, Akademkniga Publ., 2007. 342 p.)
4. Dubovskiy S. V. Global modeling: theory and practice. *Vek globalizatsii* [The age of globalization], 2010, no. 2, pp. 47–67 (In Russian).
5. Brzezinski Z. *The grand chessboard: American primacy and its geostrategic imperatives*. New York, Basic Books, 1997. 240 p. (Russ. ed.: Bzhezinskiy Z. *Velikaya shakhmatnaya doska. Gospodstvo Ameriki i ego geostrategicheskie imperativy*. Moscow, Mezhdunar. otnosheniya Publ., 1999. 254 p.)
6. Friedman G. *The Next 100 Years: A Forecast for the 21st Century*. New York, Anchor books, 2010. 253 p. (Russ. ed.: Fridman Dzh. *Sleduyushchie 100 let: prognoz sobytiy XXI veka*. Moscow, Kommersant Publ., Eksmo Publ., 2010. 334 p.)

Информация об авторе

Радевич Екатерина Владимировна – старший преподаватель кафедры философии и методологии науки. Белорусский государственный университет (220030, г. Минск, пр. Независимости, 4, Республика Беларусь. E-mail: katrin_frol@mail.ru)

Information about the author

Radevich Ekaterina Vladimirovna – Senior Lecturer, the Department of Philosophy and Methodology of Science. Belarusian State University (4, Nezavisimosti Ave., 220030, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: katrin_frol@mail.ru

Поступила 12.10.2021

УДК 304.9

М. В. Подручный

Белорусский государственный технологический университет

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В КОНТЕКСТЕ БИОПОЛИТИКИ

В статье анализируются возможности и пределы категориального аппарата и методологии биополитики как концепции социо-гуманитарного познания в описании демографической динамики общества. Реконструируется генеалогия концепции биополитики, прослеживаемая в содержательном развитии этого понятия в работах М. Фуко. М. Фуко предложил свое оригинальное видение биополитики, когда связал ее появление и эволюцию с эволюцией европейского либерального права и современного либерального государства. Биополитика Фуко – это прежде всего практики, вырастающие из понимания роли населения как главного государственного ресурса; другой стороной этого является переход от насильственной власти суверена к буржуазным практикам «заботы о себе». Однако последнее превращается в основание для легитимации неолиберальных практик удаления государства из сферы социального регулирования и дискредитации идеи «социального государства». Выводом проведенного исследования является утверждение о том, что концепция биополитики, как она сформировалась в трудах основоположников данного направления социально-философского анализа, представляет собой негативный (критический) вариант социальной онтологии, поскольку утверждение биологических процессов жизнедеятельности общества в качестве его основы в действительности противоречит принципу человеческой социальности. Прикладным результатом исследования является выявление трех стратегий биополитики в условиях пандемийного социального кризиса.

Ключевые слова: биополитика, биокапитализм, биосоциальность, капитализация жизни, суверенизация, депопуляция.

Для цитирования: Подручный М. В. Демографические проблемы в контексте биополитики // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2021. № 2 (251). С. 99–102.

M. V. Podruchny

Belarusian State Technological University

DEMOGRAPHIC PROBLEMS IN THE CONTEXT OF BIOPOLITICS

The article analyzes the possibilities and limits of the categorical apparatus and methodology of biopolitics as a concept of socio-humanitarian knowledge in describing the demographic dynamics of society. This article reconstructs the genealogy of the concept of biopolitics, traced in the meaningful development of this concept in the works of M. Foucault. M. Foucault offered his original vision of biopolitics when he linked its emergence and evolution with the evolution of European liberal law and the modern liberal state. Foucault's biopolitics is, first of all, practices that grow out of an understanding of the role of the population as the main state resource; the other side of this is the transition from the coercive power of the sovereign to the bourgeois practices of "self-care". However, the latter turns into a basis for legitimizing neoliberal practices of removing the state from the sphere of social regulation and discrediting the idea of a "welfare state". The conclusion of the study is the statement that the concept of biopolitics, as it was formed in the works of the founders of this direction of socio-philosophical analysis, is a negative (critical) version of social ontology, since the assertion of the biological processes of the life of society as its basis actually contradicts the principle of human sociality. The applied result of the study is the identification of three strategies of biopolitics in the context of a pandemic social crisis.

Key words: biopolitics, biocapitalism, biosociality, capitalization of life, sovereignty, depopulation.

For citation: Podruchny M.V. Demographic problems in the context of biopolitics. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy, 2021, no. 2 (251), pp. 99–102 (In Russian).*

Введение. Изучение феномена биополитики как эволюционно-культурного явления становится актуальным вопросом современности. Наибольший общественный интерес и интерес исследователей вызывают международный терроризм, биотерроризм, новые международные институты и размытие границ между

государственным и частным. Тем не менее все еще не представляется правдоподобным, что мир XXI века становится миром биополитики и что биополитика – знак нашего времени. Это означает, что еще не так давно, в эпоху глобализации, в теоретическом, но больше в политическом смысле был осуществлен поворот и появились

новые формы биополитических концепций, их практика в настоящее время только расширяется. Эти процессы проявляются в росте классовой дифференциации, а также во многих попытках контролировать и управлять целым населением. Они одинаково заметны в ряде новых войн и интервенций, в концентрации сил различных «друзей» и «врагов», в выборе средств борьбы с пандемиями и в росте симуляции политики во многих правительственных и дискурсивных механизмах.

В таком свете философия должна сформулировать неперемное условие производства политических реальностей: постепенное исчезновение власти гражданина как политического деятеля, «вытеснение» фигуры интеллектуала из публичного дискурса. Наконец, этот процесс приводит к полной пассивности, что делает идею свободы бессмысленной, невыполнимой и ненужной и означает безапелляционное государственное управление всем населением, т. е. тотальный процесс, распространяющийся на сферы искусства, культуры и науки и позволяющий нигилистическую релятивизацию всех ценностей.

Основная часть. Истоки биополитики находят в древнегреческой политической мысли. Концепция политики как регуляции количества и качества населения во имя безопасности и счастья государства и его жителей так же стара, как сама политическая мысль: политико-философские категории классической мысли, особенно те, которые принадлежали Платону и Аристотелю, были уже биополитическими категориями. В аристотелевской «Политике» можно обнаружить следующие биополитические идеи. Во-первых, основой политики является обеспечение благополучия (эвдаймонии) города-государства и счастливой жизни его жителей. Лучшая конституция – это конституция, согласно которой жители города-государства имеют наилучшую «возможность для счастья», порядок, в котором каждый будет жить счастливо. Во-вторых, основным и наиболее эффективным средством достижения этой цели является регулирование качества и количества населения. В-третьих, Аристотель также считал, что государственная политика должна быть приспособлена к имманентным природным процессам: будь то деторождение, здоровье или психическая жизнь.

Другими словами, конечной целью искусства правительства является содействие счастью города-государства и счастью его жителей, а основным средством достижения этой цели является регулирование качества и количества населения в соответствии с имманентными нормами жизни, которые известны благодаря научному исследованию человеческой природы. Эти идеи

Аристотеля очевидно соотносятся с биополитическими идеями.

Как и для Аристотеля, для Платона в «Республике» конечной целью политики и управления также является благополучие и счастье города-государства и его жителей. В государстве хорошее воспитание и совершенная система образования вместе с разумом и мудростью лидеров делают законы ненужными, по крайней мере большинство из них, так как хорошо управляемым государствам не нужны многие законы – и даже плохо управляемым государствам законы не нужны, потому что они от них не выигрывают.

В отличие от Аристотеля, у Платона контролю и регулированию качества уделяется гораздо больше внимания, чем количеству населения. Кроме того, в государстве на карту поставлено не столько качество всего населения, сколько качество правящего класса или расы, т. е. опекуны, поделенные на вспомогательных и руководящих деятелей государства.

По Платону, целью лидеров государства является не только выявление общих интересов города, они также измеряли свой успех славой своих решений. Они были обязаны обеспечивать материальное и духовное благосостояние каждого члена семьи, поскольку именно такое благосостояние является признаком счастья. По словам Платона, работа законодателя не выполнена, «если он просто устанавливает законы и выходит из дела» [1], поскольку он также должен контролировать его выполнение.

В целом тема политического сопротивления вообще отсутствует в греческой философско-политической литературе. Греки были озабочены не вопросом сопротивления, а вопросом биополитической организации и регулирования населения.

В христианском режиме от поздней античности до эпохи Возрождения манипулирование определенными жизненными процессами стало проблематичным, в том числе это распространялось на манипулирование качеством и количеством населения с помощью детоубийства, воздействия на детей, аборт. В христианской литературе заметно отсутствие биополитических тем, в том числе вопроса о народонаселении. Философия Нового времени, культивируя тотальный рационализм, маргинализовала биологические аспекты социальной динамики, и только философия XX века формулирует принципы биополитики как языка описания социальных явлений.

Автором подхода принято считать французского философа, теоретика культуры и истории Поль-Мишеля Фуко, с лекционного курса которого «Рождение биополитики», прочитанного в Коллеж де Франс в 1978/1979 учебном году,

и начинается философское осмысление феномена биополитики и анализ власти. Сам Фуко в настоящем курсе дважды объясняет, как вписывается это «новое» направление его исследований в общую эволюцию его мысли, определяя собственную методологию. Говоря о практике управления, он отказывается от веры в существование некоего изначально данного объекта исследования, как отказывался от нее всегда. Не существует универсалий, исходя из которых можно было бы характеризовать какие бы то ни было дискурсивные практики, неизменно носящие исторический характер. Напротив, исходя из самой практики, Фуко анализирует становление дискурсивных формаций. Если историцизм исходит из универсалий, то Фуко предлагает посмотреть, существуют ли эти универсалии, исходя из самой истории [2].

По словам Фуко, биовласть работает на двух уровнях. С одной стороны, она была реализована с помощью ряда дисциплинарных методов, используемых в разнообразных учреждениях от тюрем до школ и от больниц до мастерских: дисциплинирование, обучение и нормализация [3]. Далее происходило расширение их возможностей, но при этом оно не делало их менее управляемыми. С другой стороны, с помощью различных политических технологий, от статистики и демографии до общественного здравоохранения и жилищного строительства, биовласть была направлена на регулирование всего населения посредством контроля рождаемости и манипулирования ею, смертности, здоровья, миграции, профессиональных возможностей, товарооборота. Таким образом, биовласть характеризовалась контролем и регулированием жизни как на индивидуальном, так и на коллективном уровнях. Более того, по мнению Фуко, обе эти формы биовласти, в частности власть над населением, вращались вокруг аналитики пола – аналитики, которая в современном обществе заменила древнюю систему союза (поддержание кровных связей и линий происхождения).

Фуко объясняет, как нужно анализировать государственность вне модели Левиафана, т. е. вне области правового суверенитета, так как он основывается на методах господства (общество должно защищаться). Исходя из вывода, что новые формы государственного управления колонизируют правовые структуры и разрушают правовую систему суверенитета, Фуко пытается предположить, что биополитика относится к политизации жизни отдельных лиц и населения, и таким образом больше связана с методами господства, которые развиваются вне сферы институтов и права.

В этом контексте нужно искать ответ на вопрос о мере управления, а также о субъективности,

другими словами – ответ на вопрос «Кто вы?». То, что Фуко называет, например, «движение от тела к населению», также имеет дело с тем же феноменом современной биополитики, который относится к процессам естественной и смертной жизни, а также к «проблеме города», очерчивая все проявления движения от контроля к регулированию [4]. Более того, несмотря на то что Фуко не поддерживает политический суверенитет как народный суверенитет, т. е. как дискурс, который представляет ответ на вопрос о том, что же такое биополитика, философ подчеркивает, что большинство современных форм власти сами по себе содержат оба момента, иллюстрируя это сексуальностью: сексуальность одновременно относится и к политической анатомии человеческого тела, и к биополитике населения. Второй пример – нацизм, в котором одинаково присутствовали как сила контроля, так и биологическая регуляция. Это политическое и этическое требование Фуко открыто не высказывает, но тем не менее делает набросок возможности такого развития биополитики.

Своеобразным полигоном для биополитической парадигмы становится изменение качества политики, связанное с влиянием пандемии и относящихся к ней кризисов. Очевидно, что экзистенциальный вызов эпидемий добавляет многим социальным, демографическим и экономическим процессам политической ангажированности. Нерациональная (аффективная или эмоциональная) политическая конкуренция восстанавливается после применения практик «социального дистанцирования», а качество политического выбора под влиянием пандемии серьезно изменилось.

Под влиянием пандемических пертурбаций выбор у политических сообществ происходит по модели трилеммы – выбора между тремя альтернативами, в котором можно непротиворечиво учесть набор политических системообразующих интересов только двух акторов из трех. В нашем случае речь идет о правительстве суверенного государства, о суверенном гражданине и о населении как популяции людей в пределах государственных границ. В этой модели интересы государства сосредоточены на достижении суверенитета правящей группы, интересы популяции – на биологическом и микроэкономическом выживании, а интересы гражданина – на сохранении своих публично-политических и социально-экономических прав, которые делают его сувереном, равным с государством (в условиях верховенства права).

С учетом указанных интересов будущее политических систем будет колебаться между тремя наборами политического выбора.

1. *Противоправный суверенизм (автократия)* выступает как компромисс между интересами

государства и популяции. Здесь суверенное доминирование правящей группы должно обеспечить выживание населения.

2. *Демократическая депопуляция* является результатом компромисса правительства и гражданина, когда конституционный баланс прав гражданина и правительства будет ограничивать способность быстро и неправовым образом реагировать на эпидемиологические угрозы. Это в свою очередь будет способствовать непрерывной депопуляции определенных стран и созданию демографического вакуума, который рано или поздно будет заполнен мигрантами из регионов, где будет избыток населения (Африка и Юго-Восточная Азия).

3. *Децентрализованная анархия* является результатом компромисса между гражданином и популяцией. Несмотря на то, что большинство действующих государств малоэффективны, отдельные социальные группы, общества и индивиды будут брать ответственность за свою жизнь в свои руки.

Это будет мобилизовать движения к экспериментированию с безгосударственными формами политики, с анархическими проектами,

суб- и транснациональными государственными проектами. Это активное политическое творчество принесет беспорядок, войны и новые политические образования, незначительная часть из которых, вероятно, обеспечит и равенство, и свободу, и безопасность своим гражданам в первой половине XXI века.

Выводы. Пандемия и связанные с ней кризисы побуждают к политической мобильности и креативности. Часть этой креативности точно будет способствовать появлению свободных политических режимов и систем. Однако кроме этого выбора есть немало других – суверенистических или анархических.

Какой бы выбор не делали народы, у них, как мне кажется, нет опции отказаться от этой модели выбора. Биополитические вызовы заставляют действовать – не важно, разумно или аффективно, но активно и творчески. Тенденции, существовавшие в мир-системе о нынешней пандемии, делают популистские имитации выбора невозможными. Отказ от выбора приведет к непродолжительному существованию сообщества, депопуляция, деполитизация и десоциализация которого будут полными и неизбежными.

Список литературы

1. Платон. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1994. С. 45–46
2. Фуко М. Интеллектуалы и власть: статьи и интервью, 1970–1984. В 3 ч. Ч. 1. М.: Праксис, 2002. С. 151–152
3. Фуко М. Забота о себе. История сексуальности. Киев: Дух и Литера, 1998. С. 201.
4. Koljević Griffith B. Twenty-First Century Europe at the Crossroads // *Kritika & Kontext*. 2017. Vol. 56. No. 1. Pp. 1–11.

References

1. Platon. *Sobranie sochineniy*. V 4 t. T. 3 [Collected works. 4 vol. Vol. 3]. Moscow, Mysl' Publ., 1994. Pp. 45–46.
2. Fuko M. *Intellektualy i vlast'*. V 3 ch. Ch. 1. [Intellectuals and power. 3 parts. Part 1]. Moscow, Praxis Publ., 2002. pp. 151–152.
3. Fuko M. *Zabota o sebe. Istorija seksualnosti* [Self care. The history of sexuality]. Kiev, Dukh i Litera Publ., 1998. P. 201
4. Koljević Griffith B. Twenty-First Century Europe at the Crossroads. *Kritika & Kontext*, 2017, vol. 56, no. 1, pp. 8–15.

Информация об авторе

Подручный Михаил Викторович – старший преподаватель кафедры философии и права. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: in_litteras@tut.by

Information about the author

Podruchny Mikhail Viktorovich – Senior Lecturer, the Department of Philosophy and Law. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: in_litteras@tut.by

УДК 347.78

Л. А. Кулис

Белорусский государственный технологический университет

ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ СРЕДСТВ ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ

С усилением конкуренции в различных отраслях производства и рынка сбыта все активнее ведется борьба за потребителя. Усиление глобализации приводит к конкуренции не только между производителями товаров и услуг, но и между странами и целыми регионами. В таких условиях увеличивается значение всех видов средств индивидуализации, а также возрастает необходимость совершенствования законодательных механизмов их применения и защиты. Основное назначение средств индивидуализации состоит в том, чтобы способствовать различению организаций, товаров, работ или услуг. Средства индивидуализации являются отдельным видом объектов интеллектуальной собственности, который включает фирменные наименования, географические указания, товарные знаки и знаки обслуживания.

Ключевые слова: средство индивидуализации, товарный знак и знак обслуживания, географическое указание, фирменное наименование.

Для цитирования: Кулис Л. А. Правовые основания применения средств индивидуализации // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2021. № 2 (251). С. 103–106.

L. A. Kulis

Belarusian State Technological University

LEGAL BASIS FOR USING THE MEANS OF INDIVIDUALIZATION

With the intensification of competition in various branches of production and the sales market, the struggle for the consumer is being waged more and more actively. Increasing globalization leads to competition not only between producers of goods and services, but also between countries and entire regions. In such conditions, the importance of all types of means of individualization increases, as well as the need to improve the legislative mechanisms for their application and protection. The main purpose of means of individualization is to help distinguish between organizations, goods, works or services. Means of individualization are a separate type of intellectual property, which includes trade names, geographical indications, trademarks and service marks.

Key words: means of individualization, trademark and service mark, geographical indication, company name.

For citation: Kulis L. A. Legal basis for using the means of individualization. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2021, no. 2 (251), pp. 103–106 (In Russian).

Введение. В Республике Беларусь определенные средства индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, работ или услуг (далее – средства индивидуализации) признаны объектами интеллектуальной собственности с предоставлением соответствующих правовых оснований их использования и защиты. В соответствии со статьей 980 Гражданского кодекса Республики Беларусь средства индивидуализации являются отдельным видом объектов интеллектуальной собственности, который включает фирменные наименования, географические указания, товарные знаки и знаки обслуживания [1].

Основная часть. В отличие от объектов интеллектуальной собственности, являющихся результатами интеллектуальной деятельности, у создателей средств индивидуализации не возникают неимущественные права (право авторства,

право на имя и другие). Правообладателями средств индивидуализации являются лица, которые зарегистрировали на свое имя объект интеллектуальной собственности в установленном законодательством порядке, независимо от того, кто из людей (либо группа лиц) вложили в его создание свои художественные, креативные и другие способности.

Основное назначение средств индивидуализации состоит в том, чтобы способствовать различению организаций, товаров, работ или услуг. Механизмы реализации этого назначения могут быть разнообразными, но они не должны противоречить законодательству и нарушать права и законные интересы других лиц. Исключительное право использовать средство индивидуализации в установленном законом порядке является имущественным правом, обладание которым способно приносить его обладателю материальную

выгоду. Как известно, имущественные права на объекты интеллектуальной собственности и вещные права на материальные носители, на которых данные объекты зафиксированы либо используются, имеют различную правовую природу. Соответственно механизмы и способы реализации названных видов прав также различаются.

Правовые характеристики средств индивидуализации изложены в законодательных актах Республики Беларусь.

Фирменное наименование способствует различию одной организации от другой. Оно определяется создателями (учредителями) организации и подлежит регистрации одновременно с регистрацией юридического лица путем включения в Единый государственный регистр юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. Для целей идентификации и различения не могут быть зарегистрированы не только одинаковые наименования, но и такие наименования, которые похожи до степени смешения на уже существующие. Документом, подтверждающим принадлежность фирменного наименования конкретному лицу, является свидетельство о государственной регистрации юридического лица.

Товарные знаки и знаки обслуживания способствуют отличию товаров и услуг одного лица от однородных товаров и услуг другого лица. В качестве товарных знаков могут быть зарегистрированы: словесные обозначения, включая имена собственные; сочетания цветов; буквенные, цифровые, изобразительные, объемные обозначения, включая форму товара или его упаковку; комбинации вышеназванных обозначений, а также иные обозначения в случаях, предусмотренных законодательством Республики Беларусь [2]. Товарный знак может быть в любом цвете и цветовом сочетании. Право на товарный знак или знак обслуживания регистрируется на конкретного владельца, которому выдается охранный документ – свидетельство о государственной регистрации товарного знака или знака обслуживания. Никто не вправе использовать охраняемый на территории Республики Беларусь товарный знак без разрешения его владельца. Благодаря действию данной нормы у потребителей формируется определенный имидж товара, так как принадлежность к определенному товарному знаку связывается с соответствующим качеством товара. Государственное учреждение «Национальный центр интеллектуальной собственности» ведет Государственный реестр товарных знаков и знаков обслуживания и по заявлению любого лица предоставляет выписки из реестра. Необходимо отметить, что на территории Республики Беларусь

зарегистрировать товарный знак может как отечественное, так и иностранное физическое или юридическое лицо. В то же время граждане Республики Беларусь и белорусские организации могут зарегистрировать свой товарный знак в иностранном государстве, а также произвести его международную регистрацию по правилам Мадридского соглашения о международной регистрации товарных знаков от 28 июня 1989 года. Индивидуализация товара посредством товарного знака осуществляется путем его проставления на товарах, упаковках, этикетках, в рекламе, печатных изданиях, вывесках, выставках, ярмарках, сети Интернет, в том числе в доменном имени, а также на документации, связанной с введением товара в гражданский оборот.

В практике деловых отношений широкое распространение получили также термины «товарная марка», «логотип» и «бренд». Они заимствованы из иностранного языка и не используются в белорусском законодательстве. Понятие «торговая марка» является тождественным по смыслу понятию «товарный знак» и не несет дополнительной смысловой нагрузки.

Логотип принято считать активным инструментом маркетинга, который представляет собой сугубо графическое изображение, содержащее информацию о производителе, о товарах, в том числе однородных товарах. Термин «бренд», который дословно переводится как «знак, клеймо», в узком смысле отождествляется с термином «товарный знак». Несмотря на массовое использование его в международных соглашениях, в нашей стране он также не получил правового закрепления. Однако обширная практика применения понятия «бренд» дает основание предположить, что оно имеет более широкий смысл и включает не только конкретное обозначение, способствующее различию товаров и услуг. Бренд представляет собой механизм продвижения товаров или услуг с помощью обозначения и сопутствующих элементов: упаковки, дизайна, стиля одежды и поведения сотрудников и др. Применение данного термина связано с системой мер, направленных на формирование у потребителей устойчивой репутации товаров и их производителей.

Преимущества активного конкурентного использования разнообразных рыночных и правовых механизмов продвижения товара, предпринимаемых в международной практике, диктует необходимость выработать аналогичные механизмы и закрепить их в отечественном законодательстве, наделив их более широкими характеристиками, не только способствующими различению товаров и их производителей, но и служащими инструментом продвижения товара

или услуги путем формирования устойчивого интереса и положительного имиджа сферы услуг или производства, территории и даже страны. В пользу этой тенденции свидетельствуют широкое распространение таких понятий, как «территориальный (или региональный) брендинг», «страновой (или национальный) брендинг», содержание которых включает целенаправленную деятельность на создание репутации региона, города, страны, что является важным фактором развития и экономического роста соответствующего региона или страны.

В незначительной степени этой цели соответствуют указания происхождения товара – «Сделано в Беларуси», «Купляйце беларускае», которые до принятия новой редакции Закона Республики Беларусь «О географических указаниях» от 18 декабря 2019 года являлись разновидностью географического указания. Однако для наделения их свойствами национального бренда словесного обозначения явно недостаточно. Представляется, что для усиления отличительных свойств общенационального характера подойдет комбинированное обозначение, наполненное глубоким смыслом и креативными особенностями. Национальные и региональные бренды не просто способствуют различию товаров и услуг и их производителей. Они формируют узнаваемость товара, которая основывается на совокупности культурных, природных, демографических и иных особенностей страны либо региона. Это относится как к товарам массового спроса, так и особым товарам и услугам, производство которых связывается с ограниченным кругом производителей. В настоящее время законодательство Республики Беларусь не содержит правила, позволяющие зарегистрировать национальный или территориальный бренд. Однако в рамках Парижской конвенции по охране промышленной собственности от 20 марта 1883 года допускается предоставление правовой охраны государственным эмблемам и официальным знакам. Реализация данной возможности требует разработки соответствующей концепции и правового механизма ее осуществления.

В соответствии с действующим законодательством Республики Беларусь географическим указанием признается обозначение, которое идентифицирует товар как происходящий с территории определенного географического объекта, где качество, репутация и иные характеристики товара

в значительной степени обусловлены географическим положением [3]. В географическое указание включается наименование места происхождения товара. Наименованием места является обозначение, представляющее собой наименование географического объекта. Оно может быть современным или историческим, официальным или неофициальным, полным или сокращенным. Географическим объектом считается относительно устойчивое целостное образование в пределах географической оболочки земли природного или антропогенного происхождения, характеризующееся определенным географическим положением. К географическим объектам относятся физико-географические объекты, административно-территориальные единицы, составные части населенных пунктов, объекты транспортной инфраструктуры, части особой экономической зоны китайско-белорусского индустриального парка «Великий камень». В нашей стране ведется Государственный каталог наименований географических объектов.

Правовая охрана географического указания осуществляется на основании его регистрации в государственном учреждении «Национальный центр интеллектуальной собственности». В Республике Беларусь может быть зарегистрирован также географический объект, находящийся за пределами страны при условии, что он охраняется в стране происхождения как географический объект.

Лицу, заинтересованному в использовании географического указания, выдается свидетельство о праве пользования географическим указанием. Законом запрещается использовать географическое указание для обозначения похожих товаров, но не обладающих особыми свойствами, качествами и иными характеристиками, связанными с конкретным географическим объектом. Использование географического указания осуществляется такими же способами, как и товарного знака – путем его проставления на товарах, упаковках, этикетках, в рекламе и другими способами.

Заключение. Возрастание роли средств индивидуализации в современных условиях связано с развитием добросовестной конкуренции на всех уровнях и обуславливает необходимость совершенствования законодательного механизма их применения и защиты.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь. Минск: Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь, 2013. 656 с.
2. О товарных знаках и знаках обслуживания: Закон Респ. Беларусь от 05.02.1993 № 2181 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2001. № 60. 2/381.

3. О географических указаниях: Закон Респ. Беларусь от 07.06.2002 №127-З (ред. 18.12.2019) // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2019. № 98. 19/381.

References

1. *Crazhdanskiy kodeks Respubliki Belarus'* [Civil Code of the Republic of Belarus]. Minsk, National Center for Legal Information of the Republic of Belarus Publ., 2013. 656 p.

2. On trademarks and service marks: Law of the Republic of Belarus dated 05.02.1993 no. 2181. *Natsional'nyy reestr pravovykh aktov Respubliki Belarus'* [National register of legal acts of the Republic of Belarus], 2001, no. 60, 2/381.

3. On geographical indications: Law of the Republic of Belarus dated 07.06.2002 no. 127-Z. *Natsional'nyy reestr pravovykh aktov Respubliki Belarus'* [National register of legal acts of the Republic of Belarus], 2019, no. 98, 19/381.

Информация об авторе

Кулис Лидия Андреевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры философии и права. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: lidia.kylis@gmail.com

Information about the author

Kulis Lidziya Andreevna – PhD (Law), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of Philosophy and Law. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: lidia.kylis@gmail.com

Поступила 06.09.2021

УДК328.185-043.865(476)

Е. М. Сергеева

Белорусский государственный технологический университет

**ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЮ COVID-19 В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**

В настоящее время весь мир находится в состоянии противодействия глобальной эпидемии COVID-19, что требует от каждого государства принятия мер к максимальной защите населения от заражения. Для предупреждения глобального распространения мировой эпидемии необходимо принятие целого ряда мер ограничительного характера, направленных на уменьшение опасных последствий мировой пандемии.

В статье рассматривается правовая регламентация пересечения границы Республики Беларусь в условиях пандемии и предпринятые меры по максимальному предотвращению завоза на территорию страны опасного вируса.

Ключевые слова: эпидемия, ограничение, меры, государство, контроль.

Для цитирования: Сергеева Е. М. Особенности правового регулирования противодействия распространению COVID-19 в Республике Беларусь // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2021. № 2 (251). С. 107–110.

Ye. M. Sergeeva

Belarusian State Technological University

**FEATURES OF LEGAL REGULATION COVID-19 COUNTERPROOF
IN THE REPUBLIC OF BELARUS**

Currently, the whole world is in a state of opposition to the global COVID-19, which requires each state to take measures to maximize the protection of the population from infection. To prevent the global spread of the world epidemic, it is necessary to take a number of restrictive measures aimed at reducing the dangerous consequences of the global pandemic.

The article discusses the legal regulation of crossing the border of the Republic of Belarus in a pandemic and the measures taken to prevent the introduction of a dangerous virus into the country as much as possible.

Key words: epidemic, restriction, measures, state, control.

For citation: Features of legal regulation COVID-19 counterproof in the Republic of Belarus. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy, 2021, no. 2 (251), pp. 107–110 (In Russian).*

Введение. Особую значимость и интерес представляет законодательная регламентация обеспечения здравоохранительной функции государства и государственных органов в контексте противодействия распространению COVID-19.

Основная часть. Предупреждение глобального распространения мировой эпидемии, минимально возможные ограничения для уменьшения опасных последствий обладают рядом особенностей. Содержание и реализация конституционных гарантий права на свободу передвижаться в Республике Беларусь и за ее пределами, а также права на охрану здоровья зависит от ценностной ориентации, представляющей собой сознательную, устойчиво активную направленность государства, государственных органов, органов управления и самоуправления, организаций и каждой личности, основанную на представлениях о справедливости, равенстве, свободе и других общепризнанных социальных ориентирах [1].

Сложность для правового обеспечения, немедлительной реализации и исследования представляет прежде всего значительная самостоятельность в этой сфере, предоставляемая правовыми актами органам государственного управления, местным органам власти и самоуправления, а также одновременное влияние социального и психологического факторов.

Осуществляя меры по эпидемиологическому противодействию такому общепаспортному явлению, как распространение в мире коронавируса, нельзя выделить какие-то отдельные, особенно эффективные меры. Достижение позитивного результата, на который направлены усилия, возможно лишь при использовании комплекса принудительных, социальных, просветительских и других мер. Центральное место в их ряду принадлежит, конечно, мероприятиям правового характера достаточно широкого спектра, к числу которых относится в первую очередь законодательная политика государства.

В целях снижения риска распространения в Республике Беларусь инфекции, вызванной коронавирусом COVID-19 (далее – инфекция COVID-19), упорядочения международных автомобильных перевозок и на основании статьи 7 Закона Республики Беларусь от 7 января 2012 г. № 340-3 «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» Совет Министров Республики Беларусь постановил, что лица, прибывшие в Республику Беларусь из стран, в которых регистрируются случаи инфекции COVID-19 (далее – прибывшие лица), в течение 14 календарных дней со дня прибытия в Республику Беларусь должны находиться в самоизоляции и не подлежат последующему пропуску через Государственную границу Республики Беларусь (до истечения срока самоизоляции).

Установлены определенные новшества в деятельности государственных органов в этой сфере. В вышеназванном постановлении порядок взаимодействия органов государственного управления и иных организаций по обеспечению соблюдения мер самоизоляции прибывшими лицами определяется Министерством здравоохранения, Министерством внутренних дел и Государственным пограничным комитетом. Также определено направление действий Министерству транспорта и коммуникаций, Государственному таможенному комитету.

Министерство иностранных дел информировало по дипломатическим каналам иностранные государства о принятии постановления.

Меры, принимаемые различными странами, которые направлены на защиту своего населения от заболевания, обладают рядом правовых особенностей, значительно ограничивающих передвижения всех видов.

Особый интерес представляет законодательная регламентация обеспечения охранительной функции государства и государственных органов в контексте противодействия распространению COVID-19 при осуществлении туристической деятельности в Республике Беларусь.

Объективную сложность для законодательного обеспечения и изучения представляет, прежде всего, деятельность такой сферы, как международный туризм в целом, и деятельность непосредственно туристических организаций по причине недостаточной четкой правовой регламентации, значительной самостоятельности в этой сфере, предоставляемой локальными актами органам управления, а также одновременного влияния социального и психологического факторов.

Осуществляя меры по эпидемиологическому противодействию такому общепаспортному явлению, как распространение в мире коронавируса по причине пересечения границ активно

путешествующими лицами, нельзя выделить какие-то отдельные, особенно эффективные меры. Достижение результата, на который направлены такие усилия, возможно лишь при использовании комплекса социальных, просветительских и других мер. Центральное место в их ряду принадлежит, конечно, мероприятиям правового характера достаточно широкого спектра, к числу которых относится в первую очередь законодательная политика государства.

Наиболее значимым и достаточно своевременным явилось принятие Постановления Совета Министров Республики Беларусь от 25 марта 2020 г. № 171 «О мерах по предотвращению завоза и распространения инфекции, вызванной коронавирусом COVID-19».

Совет Министров установил, что вышесказанное не распространяется на следующих лиц:

- сотрудников дипломатических представительств, консульских учреждений иностранных государств в Республике Беларусь и аккредитованных по совместительству с резиденциями в других странах, международных организаций и их представительств, расположенных на территории Республики Беларусь, а также членов их семей;

- глав и членов официальных делегаций;

- водителей транспортных средств при выполнении международных автомобильных перевозок грузов;

- членов экипажей воздушных судов, судов внутреннего водного транспорта, поездных бригад, локомотивных бригад международного железнодорожного сообщения;

- иностранцев, следующих транзитом через территорию Республики Беларусь для возвращения к месту жительства.

Перечень стран, в которых регистрируются случаи инфекции COVID-19, размещается на официальном сайте Министерства здравоохранения в глобальной компьютерной сети Интернет.

Сотрудники органов пограничной службы выдают прибывшим лицам анкету прибывшего по форме, установленной Министерством здравоохранения. После заполнения анкета передается сотрудниками органов пограничной службы должностным лицам Министерства здравоохранения.

Правила поведения прибывших лиц, находящихся в самоизоляции, определяются Министерством здравоохранения.

Порядок взаимодействия органов государственного управления и иных организаций по обеспечению соблюдения мер самоизоляции прибывшими лицами определяется Министерством здравоохранения, Министерством внутренних дел и Государственным пограничным комитетом.

Водители, выполняющие транзитные автомобильные перевозки грузов через территорию Республики Беларусь, в том числе с территории Российской Федерации в государства – члены Европейского союза и Украину, между двумя пунктами пересечения Государственной границы Республики Беларусь в местах, установленных законодательством (далее – транзитные перевозки), обязаны проезжать только по республиканским автомобильным дорогам, на которых возможна остановка (стоянка) для отдыха и питания водителей, заправки транспортных средств, согласно перечню дорог и специализированных мест.

Водители, выполняющие транзитные перевозки, обязаны покинуть территорию Республики Беларусь по кратчайшему маршруту не позднее дня, следующего за днем въезда на ее территорию, за исключением случаев, когда невозможность соблюдения указанного срока обусловлена аварией (поломкой) транспортного средства, а также разгрузкой, перегрузкой (перевалкой) груза, заменой транспортного средства, если это предусмотрено условиями договора автомобильной перевозки и указано в транспортных документах.

В случае необходимости допускается отклонение от республиканской автомобильной дороги, указанной в перечне дорог и специализированных мест. Необходимые операции должны быть осуществлены в минимальные сроки. В период остановки (стоянки) водители, выполняющие транзитные перевозки, не должны покидать территорию пунктов остановки (стоянки) для отдыха и питания водителей, заправки транспортных средств согласно перечню дорог и специализированных мест.

Министерству транспорта и коммуникаций следует:

- обеспечить тиражирование карты республиканских автомобильных дорог и пунктов остановки (стоянки) для отдыха и питания водителей, заправки транспортных средств, содержащей сведения, указанные в перечне дорог и специализированных мест, на русском и английском языках для передачи государственным органам, осуществляющим таможенный контроль в пунктах пропуска через Государственную границу Республики Беларусь;

- обеспечить размещение перечня дорог и специализированных мест на его официальном сайте в глобальной компьютерной сети Интернет;

- организовать установку информационных щитов с указанной картой на въездах в Республику Беларусь.

Государственному таможенному комитету в пунктах пропуска на белорусском участке внешней границы Евразийского экономического

союза, Транспортной инспекции Министерства транспорта и коммуникаций в рамках проведения контрольных мероприятий на приграничной территории белорусско-российского участка Государственной границы Республики Беларусь следует организовать вручение водителям, выполняющим международные автомобильные перевозки грузов, требований по утвержденной форме и ознакомление с ними.

Данные требования оформляются в двух экземплярах, один из которых вручается водителю либо прикрепляется к транспортному документу, второй остается в делах таможенного органа или Транспортной инспекции Министерства транспорта и коммуникаций.

Государственному таможенному комитету поручено обеспечить установление срока таможенного транзита до конечного пункта назначения с учетом требований названного постановления.

Министерству здравоохранения совместно с облисполкомами следует организовать контроль за проведением санитарно-противоэпидемических мероприятий в пунктах остановки (стоянки) для отдыха и питания водителей, заправки транспортных средств согласно перечню дорог и специализированных мест.

Облисполкомам совместно с Белорусским государственным концерном по нефти и химии указано принять необходимые меры по обеспечению персонала, осуществляющего свои функции в пунктах остановки (стоянки) для отдыха и питания водителей, заправки транспортных средств, указанных в перечне дорог и специализированных мест, средствами индивидуальной защиты (медицинские маски, перчатки) и контролю выполнения рекомендаций Министерства здравоохранения.

За неисполнение требований прибывшие лица, а также водители, выполняющие транзитные перевозки, несут ответственность, предусмотренную законодательством.

Контроль за выполнением постановления возложен на Министерство здравоохранения, Министерство внутренних дел, Министерство транспорта и коммуникаций, Министерство иностранных дел, Государственный пограничный комитет, Государственный таможенный комитет, Белорусский государственный концерн по нефти и химии, облисполкомы в соответствии с компетенцией [2].

Заключение. Поскольку в настоящее время очевидно, что глобального распространения мировой эпидемии не удалось предотвратить, каждое государство обязано вводить минимально возможные ограничения для уменьшения опасных последствий, которые несомненно обладают рядом правовых особенностей, значительно ограничивающих все виды пересечений государственной границы Республики Беларусь.

Список литературы

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). Минск: Амалфея, 2005. 48 с.
2. О мерах по предотвращению завоза и распространения инфекции, вызванной коронавирусом COVID-19: постановление Совета Министров Республики Беларусь от 25 марта 2020 г. № 171 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 29.05.2020. 5/48097.

References

1. *Konstitutsiya Respubliki Belarus 1994 goda (s izmeneniyami i dopolneniyami, prinyatymi na respublikanskikh referendumakh 24 noyabrya 1996 g. i 17 oktyabrya 2004 g.)* [Constitution of the Republic of Belarus of 1994 (amended, adopted at the national referendum November 24, 1996 and October 17, 2004)]. – Minsk, Amalfeya Publ., 2011. 48 p.
2. On measures to prevent the importation and spread of infection caused by the coronavirus COVID-19: Resolution of the Council of Ministers of the Republic of Belarus dated March 25, 2020 no. 171. *Natsional'nyy reestr pravovykh aktov Respubliki Belarus'* [National register of legal acts of Republic of Belarus], 29.05.2020, 5/48097.

Информация об авторе

Сергеева Евгения Михайловна – ассистент кафедры философии и права. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: sergeeva@belstu.by

Information about the author

Sergeeva Yevgeniya Mikhaylovna – assistant lecturer, the Department of Philosophy and Law. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: sergeeva@belstu.by

Поступила 20.09.2021

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ	5
Космач П. Г. Религиозный компонент духовно-интеллектуальной культуры «Века Разума»	5
Острога В. М. Учительство Беларуси в революции 1905–1907 гг.	9
Семенчик Н. Е. Обстановка в прифронтовой Беларуси в 1915 г.	14
Андарала І. А. Перадумовы станаўлення вышэйшай завочнай педагагічнай адукацыі і яе развіцця ў Беларусі.....	20
Коваль В. У. Эканамічная эміграцыя беларусаў у Бразілію, Парагвай, Уругвай (1918–1939 гг.)	24
Каляда І. У. Беларусізацыя 1920-х гадоў: стварэнне савецкай сістэмы народнай адукацыі.....	29
Якуш Н. М. Совершенствование системы технической подготовки рабочих кадров для сельского хозяйства Белорусской ССР (1976–1985 гг.).....	34
Крючек П. С., Матвеев О. В., Ракачев В. Н., Ракачев Д. Н., Райченко А. А. Память о Великой Отечественной войне как важнейшая составляющая исторической культуры белорусов и россиян.....	39
Острога В. А. Сюжеты по истории России в учебных программах по русской литературе в средних школах Республики Беларусь.....	46
Гайдукевич Л. М. Совершенствование системы государственного управления туристическим комплексом Республики Беларусь в конце XX – начале XXI века.....	52
Завацкі Я. І. Дзяржаўная палітыка па ахове навакольнага асяроддзя і прыродакарыстанні ў БССР (1985–1991 гг.): гістарыяграфія пытання.....	58
Цзюньфэн Сунь. Политика США по отношению к Тайваню в эпоху Д. Трампа.....	64
Зайцев А. А. Боевые системы будущего: история и современность.....	70
Зайцева Н. В., Кандричина И. Н. Социальное партнерство: история и современность.....	74
ФИЛОСОФИЯ	77
Бурак П. М. Многомерность коэволюции и гуманистический выбор в условиях нестабильности развития	77
Ксенофонтов В. А. Военная сфера национальной безопасности как условие социального благополучия государства.....	85
Узгорок М. Ю. Основные факторы формирования гражданственности и патриотизма в современных условиях.....	90
Радевич Е. В. Концепт «культурно-информационное пространство» и опыт глобального моделирования в социогуманитарном познании.....	94
Подручный М. В. Демографические проблемы в контексте биополитики.....	99
Кулис Л. А. Правовые основания применения средств индивидуализации.....	103
Сергеева Е. М. Особенности правового регулирования противодействия распространению COVID-19 в Республике Беларусь.....	107

CONTENT

HISTORY	5
Kosmach P. G. Religious element of the spiritual and intellectual culture in the Age of Reason.....	5
Ostroga V. M. Teaching in Belarus in the revolution of 1905–1907.....	9
Semenchyk N. Ye. Furning in front-line Belarus in 1915.....	14
Andarala I. A. Prerequisites for establishing higher correspondence pedagogical education and its development in Belarus.....	20
Koval V. U. The economic emigration of the Belarusians to Brazil, Paraguay, Uruguay (1918–1939)	24
Kalyada I. U. Belarusization of the 1920s: the creation of the Soviet public education system	29
Yakush N. M. Improvement of the system of technical training of workers personnel for agriculture of the Belarusian SSR (1976–1985).....	34
Kruchek P. S., Matveyev O. V., Rakachev V. N., Rakachev D. N., Raichonak A. A. Memory of the Great Patriotic War as the most important component of the historical culture of Belarusians and Russians	39
Astroha V. A. Subjects on the history of Russia in curricula on Russian literature in secondary schools of the Republic of Belarus.....	46
Gaidukevich L. M. Improvement of the state management system of the tourist complex of the Republic of Belarus in the late XX – early XXI century	52
Zavatski Y. I. State policy on environmental protection and nature management in the BSSR (1985–1991): historiography of the issue.....	58
Junfeng Sun. US policy on Taiwan in the era of Trump	64
Zaitsev A. A. Combat systems of the future: history and modernity	70
Zaytseva N. V., Kandrichina I. N. Social partnership: history and modernity	74
PHILOSOPHY	77
Burak P. M. Multidimensionality of coevolution and humanistic choice in conditions of instability of development.....	77
Ksenofontov V. A. The military sphere of national security as a condition for the social well-being of the state	85
Uzgorok M. Yu. The main factors in the formation of citizenship and patriotism in modern conditions	90
Radevich E. V. Concept “cultural and information space” and experience of global modeling in socio-humanitarian knowledge	94
Podruchny M. V. Demographic problems in the context of biopolitics.....	99
Kulis L. A. Legal basis for using the means of individualization	103
Sergeeva Ye. M. Features of legal regulation COVID-19 counterproof in the Republic of Belarus...	107

Редактор *О. П. Приходько*
Компьютерная верстка *Д. С. Жих, Е. В. Ильченко*
Корректор *О. П. Приходько*

Подписано в печать 10.12.2021. Формат 60×84¹/₈.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать ризографическая.
Усл. печ. л. 13,1. Уч.-изд. л. 14,3.
Тираж 100 экз. Заказ 379.

Издатель и полиграфическое исполнение:
УО «Белорусский государственный технологический университет».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/227 от 20.03.2014.
Ул. Свердлова, 13а, 220006, г. Минск.